

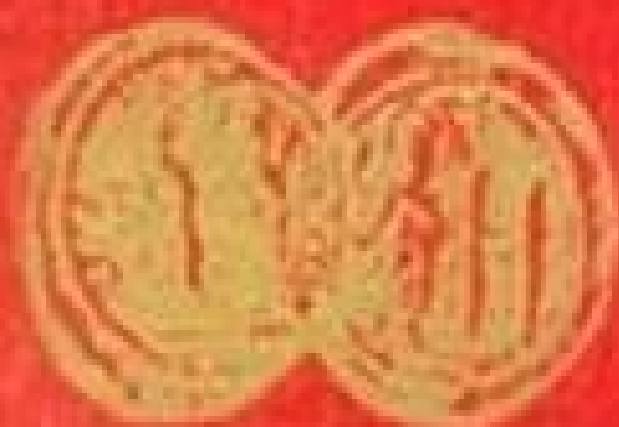
И.В.Соколов

МОНЕТЫ И ПЕЧАТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

«Издательство»

Государственный
ордена Ленина Эрмитаж

И.В.Соколова

МОНЕТЫ И ПЕЧАТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Ленинград
«Искусство»
Ленинградское отделение
1983

Печатается по решению Ученого совета
Государственного Эрмитажа

Ирина Васильевна Соколова

МОНЕТЫ И ПЕЧАТИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Редактор Г. А. Алексеева
Художник Ю. И. Дышленко
Художественный редактор Г. Г. Ябкевич
Технический редактор Л. Н. Чешейко
Корректор В. О. Кондратьева

ИБ № 1225

Сдано в набор 30.04.82. Подписано к печати 03.12.82.
М-28104. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. п. л. 16,34. Уч.-изд. л. 16,88. Тираж 5850 экз. Изд. № 476.
Зак. тип. № 1402. Цена 3 руб.
Издательство «Искусство», Ленинградское отделение.

191186, Ленинград, Невский пр., 28
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

0503000000-088
С 025 (01)-83 БЗ-27-20-80 подписное

© Издательство «Искусство», 1983 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	5
ВВЕДЕНИЕ	8
МОНЕТЫ	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	14
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАБОТЫ ХЕРСОНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА	17
Зинон (474—491)	17
Юстин I (518—527), Юстиниан (527—565)	18
Юстин II (565—578), Тиберий II (578—582), Маврикий (582—602), Фока (602—610)	21
Ираклий (610—641), Константин II (641—668)	26
МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА	30
Литые монеты Херсона, подражающие типу херсонских монет Маврикия	30
Монеты с буквой П	34
Монеты с литерами А, П, М и крестом на обороте	36
МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ ХЕРСОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX—X ВЕКА	37
Монеты с монограммой ТН и литерами МВ	37
Василий I (867—886)	39
Лев VI (886—912), Александр (912—913)	42
Константин VII, Зоя, Роман I с сыновьями, Роман II (913—963)	44
Монетные выпуски второй половины X века	52
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД РАБОТЫ ХЕРСОНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА	53
Анонимные монеты с монограммой ро	53

ПЕЧАТИ

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИЙ И ЛИТЕРАТУРЫ	66
ПЕЧАТИ С КРЕСТООБРАЗНЫМИ МОНОГРАММАМИ	70
ПЕЧАТИ С КРЕСТООБРАЗНОЙ МОНОГРАММОЙ XII ТИПА	76
ПЕЧАТИ ГРАФИЧНОГО СТИЛЯ С ПОГРУДНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ НИКОПЕЙИ	78
ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ	82
НЕКОТОРЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ	89
ПЕЧАТИ С КРЕСТАМИ	96
ПЕЧАТИ РОДА ЦУЛА	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	107
Общие закономерности и специфические особенности в развитии Херсона по данным монет и печатей	107
ПРИМЕЧАНИЯ	119
СВОДКА ТИПОВ МОНЕТ ХЕРСОНА	138
КАТАЛОГ ПЕЧАТЕЙ ХЕРСОНА	145
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СВОД ПЕЧАТЕЙ ХЕРСОНА	169
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПЕЧАТЕЙ	172
УКАЗАТЕЛЬ ДОЛЖНОСТЕЙ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПЕЧАТЕЙ	174
ТОПОГРАФИЯ	176
СХЕМЫ И ТАБЛИЦЫ	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Анохин. *Монетное дело* — Анохин В. А. *Монетное дело Херсона*. Киев, 1977.
- Анохин. *Обзор* — Анохин В. А. *Обзор монетного дела средневекового Херсона*. — НвС, Киев, 1968, [вып.] 3.
- Белова. *Неизданные монеты* — Белова Л. Н. *Неизданные монеты Херсонеса*. — СА, М.—Л., 1941, т. 7.
- Белова. *Монеты из раскопок* — Белова Л. Н. *Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII*. — МИА, М.—Л., 1953, № 34.
- ВВ — Византийский временник.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- Вишнякова — Вишнякова А. Ф. *Свинцовые печати византийского Херсонеса*. — ВДИ, М., 1939, № 1.
- ГАНМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- Гилевич. *Монеты из раскопок* — Гилевич А. М. *Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965—1966 гг.* — *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1973, [сб.], 9.
- Гилевич. *Новый клад* — Гилевич А. М. *Новый клад херсоно-византийских монет*. — ВВ, М., 1964, т. 24.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- Голенко. *Монеты из раскопок ГИМа* — Голенко К. В. *Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958—1969)*. — СА, М., 1972, № 4.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ЗРАО — Записки императорского Русского археологического общества.
- ЗРВИ — Сборник радова Византологического института.
- ИАИ — Известия на Български археологически институт.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- Кене. *Исследования* — Кене Б. В. *Исследования об истории и древностях Херсониса Таврического*. Спб., 1848.
- Кропоткин. *Клады* — Кропоткин В. В. *Клады византийских монет на территории СССР*. — *Археология СССР. Свод археологических источников*. М., 1962, вып. Е4-4.
- Кропоткин. *Новые находки* — Кропоткин В. В. *Новые находки византийских монет в Керчи*. — ВВ, М., 1971, т. 32.
- Л. с. — лицевая сторона.
- Лихачев. *Историческое значение* — Лихачев Н. П. *Историческое значение итапо-греческой иконописи*. Спб., 1911.
- ЛОА АН СССР — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НвС — Нумизматика и сфрагистика.
- НвЭ — Нумизматика и эпиграфика.
- НС — Нумизматический сборник.
- О. с. — оборотная сторона.
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии.

- ОООИД — Отчеты Одесского общества истории и древностей.
- Орешников — Орешников А. В. *Херсоно-византийские монеты*. — Труды Московского нумизматического общества. М., 1905, т. 3.
- Орешников. *Дополнение* — Орешников А. В. *Херсоно-византийские монеты. Дополнение*. — НС, М., 1911, т. 1.
- Острогорски. *Тактикон Успенског* — Острогорски Г. *Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевича*. — ЗРВИ, Београд, 1953, кн. 2.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РАИК — Русский археологический институт в Константинополе.
- СА — Советская археология.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
- Соколова. *Датировка* — Соколова И. В. *Датировка некоторых монет Херсона*. — НИС, Киев, 1968, [вып.] 3.
- Соколова. *К датировке* — Соколова И. В. *К датировке типов херсонских монет Маврикия (582—602) и Василия I (867—886)*. — В кн.: *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики*. Л., 1977.
- Соколова. *Клад* — Соколова И. В. *Клад херсонских монет середины IX в.* — Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1974, т. 12.
- Соколова. *Клады* — Соколова И. В. *Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв.* — ВВ, М., 1959, т. 15.
- Соколова. *Медные монеты* — Соколова И. В. *Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне*. — СГЭ, Л., 1971, [вып.] 32.
- Соколова. *Монеты и печати* — Соколова И. В. *Монеты и печати византийского Херсона. (Датировка и атрибуция)*. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1975.
- Соколова. *Находки* — Соколова И. В. *Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму*. — ВВ, М., 1968, т. 29.
- Соколова. *Печати* — Соколова И. В. *Печати Херсонской фемы. (Опыт датировки)*. *Actes du XIVe Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest, 6—12 septembre, 1971*. Bucarest, 1976, vol. 3.
- Соколова. *Печати архонтов* — Соколова И. В. *Печати архонтов Херсона* — ЗРВИ, Београд, 1978, кн. 18.
- Соколова. *Печати Георгия Цулы* — Соколова И. В. *Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне*. — Палестинский сборник. Л., 1971, [вып.] 23 (86).
- Соколова. *Херсонские монеты* — Соколова И. В. *Херсонские монеты X в. с портретами императоров*. — НИС, М., 1965, [т.] 5.
- Толстой. *Византийские монеты* — Толстой И. И. *Византийские монеты*. Спб., 1912—1914, [вып.] 1—9.
- Толстой — Толстой И. И. *О византийских печатях Херсонской фемы*. — ЗРАО, Спб., 1887.
- Успенский. *Византийская табель* — Успенский Ф. И. *Византийская табель о рангах*. — Известия РАИК, София, 1898, т. 3.
- ХИАМЗ — Херсонесский историко-археологический музей-заповедник.
- Якобсон. *Раннесредневековый Херсонес* — Якобсон А. Л. *Раннесредневековый Херсонес*. — МИА, М.—Л. 1959, № 83.
- Якобсон. *Средневековый Херсонес* — Якобсон А. Л. *Средневековый Херсонес*. — МИА, М.—Л., 1950, № 17.
- Barnea — Barnea J. *Cu privire la relatiiile dintre Dobrogea și Chersones în secolele IV—X. Omagiu lui P. Constantinescu-Jași cu prilejul împlinirii à 70 de ani*. București, 1965.
- Birch. *Catalogue*. — Birch W. G. *Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum*. London, 1898, vol. 5.
- BMC — *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum by W. Wroth*. London 1908, vol. 1—2.

- BNC — Morisson C. *Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale*. Paris, 1969, vol. 1, 1970, vol. 2.
- BAR — British Archeological Report.
- Bury. *The Imperial Administrative System* — Bury J. B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. London, 1911.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift.
- DOC — *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Washington, 1966, vol. 1 (by A. Belinger), 1968, vol. 2; 1973, vol. 3 (by Ph. Grierson).
- Glykatzi-Ahrweiler. *Recherches* — Glykatzi-Ahrweiler H. *Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe—XIe siècles*. Paris, 1960.
- Golenko. *Gegenstempel* — Golenko K. *Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios*. — *Hamburger Beiträge zur Numismatik*. Hamburg, 1964—1965, H. 18—19.
- Grierson. *Coinage and Money* — Grierson Ph. *Coinage and Money in the Byzantine Empire (498—C. 1090)*. — *Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo*. Spoleto, 1961, N. 8.
- Grierson. *The Crimean Countermarks* — Grierson Ph. *The Crimean Countermarks of Heraclius*. — *N. Chr.*, 1966, ser. 7, vol. 6.
- Hahn. *Moneta* — Hahn W. *Moneta Imperii Byzantini*. Wien, 1973, Bd. 1, 1975, Bd. 2.
- Hahn. *The Numismatic History* — Hahn W. *The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times: A Survey*. — *N. Circ.*, 1978, vol. 86, No 9—11.
- JIAN — Journal International d'Archéologie Numismatique.
- Konstantopoulos — Konstantopoulos K. M. *Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἑθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν*. — *JIAN*, 1902, vol. 5, 1906, vol. 9.
- Laurent. *Collection C. Orghidan* — Laurent V. *Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan*. Paris, 1952.
- Laurent. *Collection Vatican* — Laurent V. *Les sceaux byzantins du médaillier Vatican*. Citta del Vaticano, 1962.
- Laurent. *Corpus* — Laurent V. *Le corpus des sceaux de l'empire byzantin*. Paris, vol. 5: *L'Eglise*, part. 1, 1963; part. 2, 1965; vol. 2: *L'Administration centrale*, 1981.
- N. Circ — The Numismatic Circular.
- N. Chr. — Numismatic Chronicle.
- Oikonomides. *Les listes* — Oikonomides N. *Les listes de préséance byzantine des IXe et Xe siècles*. Paris, 1972.
- REG — Revue des Etudes Grecques.
- RN — Revue Numismatique.
- Sabatier. *Description* — Sabatier J. *Description générale des monnaies byzantines*. Paris, 1862.
- Sabatier. *Iconographie* — Sabatier J. *Iconographie d'une collection choisie de cinq mille médailles romaines, byzantines et celtibériennes*. St. Pétersbourg, 1847.
- Saulcy. *Essai* — Saulcy F. de. *Essai de classification des suites monétaires byzantines*. Metz, 1836.
- Schlumberger. *Mélanges d'archéologie* — Schlumberger G. *Sceaux byzantins inédits. Mélanges d'archéologie byzantine*. Paris, 1895.
- Schlumberger. RN — Schlumberger G. *Sceaux byzantins inédits*. — RN, 1916, sér. 4, vol. 20.
- Schlumberger. *Sceaux* — Schlumberger G. *Sceaux byzantins le thème de Cherson et la Bulgarie*. — *Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France*, 1881, vol. 42.
- Schlumberger. *Sigillographie* — Schlumberger G. *Sigillographie de l'empire byzantin*. Paris, 1884.
- Seibt. *Byzantinoslavica* — Seibt W. *Besprochen G. Zacos and A. Veglery. Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. — *Byzantinoslavica*, 1975, vol. 36, fasc. 2.
- Seibt. *Die byzantinischen Bleisiegel* — Seibt W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. Wien, 1978, 1. Teil.
- G. Zacos and A. Veglery — Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972, vol. 1.

ВВЕДЕНИЕ

«Никакой город, может быть, не имел истории более славной: расположенный недалеко от руин древнего Херсона на большом высоком мысу, который начинается между заливами Ахтиар и Балаклава, с оградой в сорок стадий, если следовать Страбону, или в 180 стадий, если верить Ариану, с высокими стенами из каменных квадратов, с мраморными храмами, со зданиями, украшенными ионическими колоннами, от которых теперь не осталось ничего, кроме руин, этот город перенес в средневековый мир традиции старого эллинистического гения. Он показал, на что был бы способен греческий народ, если бы он не был задавлен римским деспотизмом: он доказал, что греческий упадок заключался не в самой нации, но в политических институтах, которые ее угнетали», — писал о Херсоне французский историк А. Рамбо.¹

Однако А. Рамбо был единственным в своем восхищении этим окраинным городом Византийской империи. «Нет ни малейшего основания видеть в Херсоне что-либо иное, чем полуварварский город, о котором упоминается большей частью только потому, что он был местом ссылки. . . Но и такой город не оставался целым до конца жизни», — утверждал А. Л. Бертье-Делагард.²

Никто из современных историков не отважился на оценку, столь восторженную, какую дал Херсону А. Рамбо, мнение же А. Л. Бертье-Делагарда в большей или меньшей степени разделяют большинство русских и советских исследователей, хотя у них мы и не найдем такой резкой и четкой характеристики, которая свойственна этому ученому. Так, автор статьи, в которой предлагается периодизация Херсона и от которой, следовательно, можно ожидать наиболее четких определений, — Д. Л. Талис, отмечая, что город знал как периоды процветания, так и периоды упадка, относит к первым только три столетия — V, первую половину VI в. и X в. — из последнего тысячелетия существования Херсона. Если же быть более точным в передаче мнения Д. Л. Талиса, то единственной, блестящей вспышкой в нищенской и полумертвой жизни средневекового города он признает X в., считая, что V и VI вв. относятся еще к античной истории Херсона.³

Работы двух крупнейших советских исследователей средневекового Херсона — Г. Д. Белова и А. Л. Якобсона⁴ — сыграли большую роль в формировании представлений об истории Херсона, отчасти отраженных в статье Д. Л. Талиса. Бурное храмовое строительство характеризовало, по их мнению, расцвет города в VI в. Засыпка же цистерн для засолки рыбы, начавшаяся в конце этого столетия, свидетельствовала об упадке, который длился весь VII, VIII и первую половину IX в. Лишь со второй половины IX столетия начинается возрождение Херсона, достигшего своего высшего расцвета в X в. Однако после разгрома, который претерпел город в 989 г., он почти столетие лежал в развалинах. В XII в. город поднялся из руин, но прежнего могущества уже не мог обрести. Три столетия прошли в конкурентной борьбе с итальянскими колониями, в результате которой Херсон постепенно ослабевал и в конце XIV столетия окончательно погиб под ударами врагов.

Как ни странно, такое мнение об истории Херсона сложилось благодаря накоплению материала в результате раскопок, регулярно проводившихся на городище уже более ста лет. Отсутствие точно датированных VII—IX столетиями археологических комплексов,⁵ мизерное количество монет, относившихся к тому же времени или к XI—XIII вв.,⁶ отсутствие грандиозных построек, возведенных в последние века существования города,⁷ явились основанием для суждения о бедственном положении его на протяжении почти всей средневековой истории. С другой стороны, открытие остатков зданий, датированных на основании монетных находок частью VI в., частью X в., выпуск собственной монеты в те же века с несомненностью свидетельствовали о величии или богатстве и цветущей торговле в эти два коротких периода жизни Херсона.

Такому истолкованию археологических данных способствовало и традиционное прочтение письменных источников. Прокопий Кесарийский писал о грандиозном строительстве храмов и стен в Херсоне и близлежащих населенных пунктах во времена императора Юстиниана I.⁸ Напротив, папа Мартин, прибывший в Херсон в 655 г., жаловался на варварские нравы и голод, царившие в городе, и его словам соответствует значительное уменьшение количества монет VII в. и датированных этим временем построек.⁹ Из рассказа летописца Феофана о событиях времени Юстиниана II следовало, что в начале VIII в. в городе находился хазарский тудун — наместник кагана, из чего можно было предположить зависимость Херсона от хазар.¹⁰

Казалось бы, подтверждается и правота А. Л. Бертье-Делагарда: письменные источники, относящиеся к VIII и IX вв., в основном упоминают людей, живших в ссылке в Херсоне. Это братья императора Льва IV¹¹ и их сторонники, иконопочитатели, приверженцы и последователи Феодора Студита¹² и т. д.

Характер сообщений о Херсоне второй половины IX в. значительно меняется. Константин Порфирородный, главный наш информатор, пишет о своеобразном общественно-административном устройстве Херсона и о его обширной торговле, о значении этого города для Византии в качестве пограничного пункта, связывающего империю с варварским миром.¹³ Немало подтверждений этому найдем мы и в русских летописях.

После разгрома Херсона киевским князем Владимиром сообщения об этом городе в источниках снова становятся отрывочными и эпизодическими.

Однако так ли уж единодушны источники в показе бедственного положения Херсона, как это кажется на первый взгляд? Еще Ф. И. Успенский обратил

внимание на очень существенную деталь для характеристики экономического положения Херсона в конце VII—начале VIII в., содержащуюся в рассказе Никифора о провозглашении Филиппика Вардана императором.¹⁴

Когда высланный в Херсон, а затем бежавший оттуда Юстиниан II снова водворился на престоле, он послал сначала одну, а не удовлетворившись результатами, — две другие экспедиции, чтобы расправиться с предавшими его херсонцами и жителями некоторых других городов. Результаты второго похода императорского флота оказались неожиданными: горожане не только успели оправиться после первой карательной экспедиции, но и подготовились к борьбе с новой: убив начальников второго похода Георгия и Иоанна и отослав хазарам возвращенных из Константинополя тудуна и протополита, арестованных во время разгрома Херсона первым карательным отрядом, они призвали на помощь хазар. Был выдвинут и новый претендент на престол — Вардан, сосланный ранее Юстинианом II в Херсон. Начальник посланного в третий раз императорского флота поспешил присоединиться к непокорным подданным. Между тем Вардан успел бежать к хазарскому кагану, и, когда горожане захотели вернуть его обратно, каган потребовал выкуп, по номисме с каждого гражданина.¹⁵ Выкуп был сразу же выплачен, претендент провозглашен византийским императором и, отправившись с императорским флотом в Константинополь, взомел на императорский трон.

Чтобы представить себе, насколько велика была сумма, без больших проволочек выплаченная кагану, следует обратить внимание на сообщение Константина Порфирородного, относящееся к периоду признанного всеми расцвета города — к X в. Херсон в то время получал из императорской казны помощь в 10 литр золота,¹⁶ т. е. 720 номисм в год, в среднем по одной десятой номисмы на человека, если принять расчеты А. Л. Якобсона, что количество жителей тогда равнялось приблизительно пяти-семи тысячам человек.¹⁷

Если даже в X в. император мог сдерживать центробежные силы в Херсоне, угрожая отнять указанную сумму, следовательно, и в VIII в. выкуп, исчисляемый по номисме на человека, был весьма крупной выплатой. Таким образом, Херсон должен был обладать значительным богатством, чтобы после разорения, произведенного первым наездом императорского флота и истребления сорока богатейших и знатнейших семейств города, быстро собрать требуемое количество золота.

В этой связи вполне заслуживающим доверия представляется и толкование источников, которое находим в работах А. И. Романчук.¹⁸ Действительно, трудно ожидать, чтобы в городе, питающемся привозным хлебом, имелось много его в конце весны 655 г., когда папа Мартин прибыл в Херсон. В сентябре же появились корабли с новым урожаем хлеба, которым каждый из горожан должен был запастись на зиму. Для покупки хлеба нужны были деньги, следовательно, горожане должны были производить товарную продукцию или вести транзитную торговлю настолько обширную, чтобы она обеспечивала определенный уровень прибыли.

Не столь мрачными рисуются и самые «темные» времена в Херсоне — VIII—начало IX в. В одном из писем, отвечая своему корреспонденту из Таврики, Феодор Студит резко осуждает монахов, ведущих роскошный образ жизни, невоздержанных в еде и одежде, державших у себя прислужников.¹⁹ Конкретность ответов дает возможность безошибочно считать, что в письме содер-

жится не абстрактное представление Феодора о монашеской жизни, а знание реальных, существовавших в Херсоне и окрестностях условий жизни монахов.

Источники XI—XIII вв. неизмеримо более скудны. И тем не менее, по сообщению Анны Комниной о ссылке в Херсон самозванца Льва Диогена, можно судить о продолжавшихся торговых связях Херсона с жителями причерноморских степей,²⁰ а запрещение императоров торговать итальянским купцам в Херсоне — свидетельство важного торгового и политического значения города в XI—XII вв.

Невольно возникает вопрос, как же согласуется это толкование источников в пользу сравнительно устойчивого экономического положения города в VII, VIII, XI и XII вв. с отсутствием археологического материала. Прежде всего можно предположить ошибку, которая связана с неправильным использованием того материала, которому посвящена данная работа. В пояснение приведу пример из средневековой же археологии Крыма — раскопок монастыря в расположенном на южном берегу Крыма местечке Партениты. Из письменных источников известно, что в VIII в. это было часто посещаемое купцами торжище, куда переселялись даже жители Малой Азии.²¹ Близ местечка располагался монастырь, богато отстроенный и снабженный книгами епископом Иоанном Готским во второй половине VIII в.²² Между тем при раскопках храма «Двенадцати апостолов» в этом монастыре были найдены монеты только второй половины IX—XII в.²³ Если бы в нашем распоряжении не было жития Иоанна Готского, можно было бы на основании монетных находок ошибочно датировать постройку храма IX—X вв.

Не могло ли оказаться такого же несоответствия между находками монет и событиями, условиями жизни и в Херсоне? И так ли уж обманывают монеты исследователей, как это может показаться? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего проверить, насколько это окажется возможным, правильность атрибуции монет. Выполнению этой задачи, а также введению в научный оборот печатей — источника, почти не используемого в работах археологов, который, однако, может внести свои поправки к выводам исследователей, и посвящена данная работа.

МОНЕТЫ

МОНЕТЫ

Первые экземпляры монет средневекового Херсона стали известны в начале XIX в. Определенное и единственное место находки, а в ряде случаев упоминание монетного двора в легенде позволили без большого труда локализовать новый центр чекана. Раскопки Херсона, начавшиеся в 1827 г., сразу дали богатый и довольно полный материал для этого раздела нумизматики. Имя императора на ранних монетах и четкие, легко читаемые монограммы на эмиссиях IX—X вв., заключавшие имена правителей из Македонской династии, не вызвали больших затруднений в интерпретации и атрибуции этих монет. Вероятно, поэтому литература о херсонских монетах византийского времени невелика.

Л. Вексель, впервые опубликовавший монеты Херсона IX—X вв., указал лишь на место их находки — Херсон, не сделав даже попытки расшифровать монограммы. Насколько он не понимал смысла изображенного, показывают рисунки в его альбоме, где часть монет перевернута.²⁴ Публикация Л. Векселя не сыграла никакой роли в изучении монетного дела Херсона. Г. Келер, издавший в 1822 г. описание двадцати двух известных ему монет Херсона,²⁵ считал свою работу первым трудом по средневековой нумизматике этого города, что, безусловно, было правильно: ведь именно он определил данные памятники как херсонские. Правда, правильно расшифровав монограмму города на монетах Юстиниана I, Г. Келер и в некоторых монограммах X в., заключавших имя или титул императора, увидел название Херсона.²⁶ Однако эта интерпретация, так же как и расшифровка некоторых монограмм как имен протевонов, не получившая признания и вскоре исправленная, сыграла положительную роль, так как помогла локализовать большую группу литых монет X в., не содержащих в легенде названия монетного двора.

В вышедшем в свет в 1836 г. первом капитальном труде по византийской нумизматике, написанном Ф. де Сольси,²⁷ работа Г. Келера не упоминается и сделанные им определения совершенно не учтены. Тем не менее, Ф. де Сольси был вполне уверен в локализации литых херсонских монет, кроме того, он правильно прочел монограммы на шести известных ему типах как имена императоров Ма-

кедонской династии и, за исключением двух типов, приписал их тем правителям, за которыми они сохраняются и до настоящего времени: с буквой бета — Василию I, с буквами ламбда и эpsilon — Льву VI, каппа и омега — Константину VII, с монограммой № 25 (см. ниже схему монограмм) — Роману II, а с монограммой № 33 — Никифору Фоке.²⁸ Монета с монограммой № 37, приписанная автором монографии также Василию I, хотя и с большим сомнением, была отнесена ко времени Василия II в следующем же труде, касавшемся византийских монет, — в вышедшей в 1847 г. книге Ю. Сабатье «Иконография римских, византийских и кельтиберийских монет».²⁹

Ю. Сабатье, живший в то время в России, был знаком не только с трудами Г. Келера и де Сольси, но и с не опубликованным еще «Исследованием об истории и древностях Херсониса Таврического» Б. Кене, изданном лишь через год, в 1848 г. Несомненно, работа Б. В. Кене повлияла на исследования Ю. Сабатье так же, как и работа Ю. Сабатье — на книгу Б. В. Кене. Следуя Г. Келеру, Ю. Сабатье приписывает Херсону времени Юстиниана I пентануммии с монограммой № 1, которая расшифровывается единственным способом — $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{o}\nu\varsigma$ — указывая на монетный двор, и монограммой № 2, которую Г. Келер прочел как имя Юстиниана (IVSTINIAN;³⁰ правильно она была прочтена — как Юстин и Софья — только сто лет спустя³¹). Сабатье не включил в число херсонских монеты, упоминавшиеся как таковые в работах других нумизматов — с монограммами № 3 и 4. Монету с первой монограммой, приписанную впервые Юстиниану I М. Пиндером и И. Фридлендером, Б. Кене, следуя им, относит ко времени Юстиниана I, но не к собственно херсонскому, а к какому-то неизвестному крымскому монетному двору.³² Вторую, изданную де Сольси и приписанную им херсонскому монетному двору времени Юстина II монету³³ Б. Кене не включает в продукцию этого монетного двора на том основании, что ему не известны экземпляры, подобные описанному де Сольси.³⁴

Монеты времени Маврикия, а также Македонской династии после прочтения де Сольси казались настолько ясными, что почти не вызывали сомнений или разночтений. Лишь монету с монограммой № 25, которую де Сольси отнес ко времени Романа II, Ю. Сабатье поместил в эмиссии Романа III, приписав Роману I неизвестную де Сольси монету с монограммой № 26.³⁵ В то же время Б. Кене монеты с монограммой 26 находил близкими по работе и весу монетам Василия I и Константина. В определении монет с монограммой № 25 и ее вариантов Б. Кене следовал атрибуции де Сольси и все монеты с монограммами такого типа, а также вновь обнаруженную с монограммой № 24 и портретом отнес к эмиссии Романа II.³⁶

«Исследования об истории и древностях. . .» Б. Кене явились важным этапом в развитии нумизматики средневекового Херсона. Написанная девять лет спустя в виде каталога книга этого же автора «Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея»³⁷ целиком базировалась на тех определениях, которые были сделаны Б. В. Кене при работе над «Исследованиями. . .». Каталог «музеума» содержит описание почти всех известных в наше время типов и вариантов херсонских монет с указанием литературы и публикаций. Появившиеся позднее описание византийских монет Ю. Сабатье,³⁸ каталог монет Херсона П. Бурачкова,³⁹ хотя и не были во всем единодушны,⁴⁰ мало что прибавили к выработанным ранее и отраженным в работе Кене атрибукциям.

Не обошлось, однако, и без курьезов. В 1879 г. Р. Вакье написал «Сочинение об открытии монеты русского князя Владимира Святого и его жены царевны Анны», приписав им известную к тому времени монету Романа II и Василия II с монограммами № 31 и 32.⁴¹ По поводу этого труда П. Бурачков не без иронии заметил: «Предположения г. Вакье до того смелы, что едва ли кто отважится опровергать их».⁴² Правда, и сам П. Бурачков не избежал ошибки, хотя и не столь вопиющей: он приписал Херсону времени Юстиниана I монеты, которые ранее были хорошо известны и доказательно определены в каталогах как чисто византийские.⁴³

После П. Бураčkова только один нумизмат, А. В. Орешников, посвятил специально средневековому Херсону несколько статей. В краткой сводке, без ссылок на прежние издания А. В. Орешников без изменений и почти без комментариев описал бывшие у него в руках известные ранее типы и варианты монет Херсона, добавив к ним немногие, ставшие известными в последнюю четверть XIX в.⁴⁴ А. В. Орешников считал нумизматику средневекового Херсона слабо разработанной, требующей углубленного изучения, но сам к такой работе не приступил. Однако авторитет его был настолько велик, что его статьи были приняты как последнее слово в этой области и атрибуции повторены, за единственным исключением, в каталоге Британского музея, узаконившем в мировой литературе приведенные А. В. Орешниковым определения, сложившиеся за столетие со времени первой публикации средневековых монет Херсона.

За период, прошедший со времени появления статей А. В. Орешникова, стало известно лишь несколько новых типов монет Херсона, но накопившийся ранее известный материал позволяет несколько изменить сложившиеся атрибуции, а чаще — объяснить и обосновать уже существующие.

В 1941 г., через тридцать лет после последней статьи А. В. Орешникова, появилась статья Л. Н. Беловой,⁴⁵ в которой определялись как херсонские времени Юстиниана I монеты, ранее опубликованные И. И. Толстым⁴⁶ и Ю. Сабатье,⁴⁷ и издавался не известный ранее тип монет, который Л. Н. Белова также приписала Херсону.

Почти через двадцать пять лет после этого была опубликована статья А. М. Гилевич⁴⁸ о составе кладов херсонских монет IX—X вв., где автор, в частности, впервые обратила внимание на отсутствие в этих кладах монет с монограммой № 26 (в статье монеты Романа I). В 1965 г. вышли из печати моя статья о передатировке монет с портретами императоров,⁴⁹ статья К. В. Голенко о надчеканках на херсонских монетах Маврикия⁵⁰ (в связи с находкой монеты Тиберия II со сходной надчеканкой), которые он рассматривал как контрамарку Боспора. В следующем году в ответ на статью К. В. Голенко появилась работа Ф. Гриерзона,⁵¹ в которой английский ученый доказывает, что монограммы на херсонских монетах Маврикия принадлежали Ираклию, а относительно вновь обнаруженной надчеканки присоединяется к мнению Голенко о ее боспорском происхождении.

В последующие годы интерес к нумизматике Херсона усилился. Появились ряд моих статей,⁵² статья В. А. Анохина, в которой автор коснулся некоторых проблем нумизматики средневекового Херсона,⁵³ «Каталог византийских монет Думбартон Оакс» Ф. Гриерзона, где предложены новые атрибуции монет,⁵⁴ исследование австрийского ученого В. Хана с новым истолкованием монет времени Юстиниана I — Маврикия.⁵⁵ К сожалению, в каталогах византийских мо-

нет Думбартон Оакс и Национальной библиотеки в Париже не отражена дискуссия советских исследователей, так как западным ученым, вероятно, недоступны некоторые советские издания. В 1978 г. вышла в свет книга В. А. Анохина, посвященная монетному делу Херсонеса-Херсона за тысячелетие существования этого города.⁵⁶ К сожалению, автор, касаясь истории монетного дела средневековья, не аргументирует достаточно доказательно ни предполагаемых изменений атрибуции, ни определения вновь публикуемых памятников. Между тем книга содержит чрезвычайно интересный для «темных веков» истории Херсона монетный материал, который привлечет внимание не только нумизматов, но и историков Византии.

В первом разделе настоящей работы («Монеты»), в значительной части опубликованном в виде статей в различных советских изданиях, рассматривается только та продукция херсонского монетного двора, выпущенная за три периода его деятельности (первый период — V—VIII вв.; второй — IX—X вв.; третий — XI—XIII вв.), в атрибуции и классификации которой уже в настоящее время можно произвести уточнения. Общая сводка типов херсонских монет с новыми и старыми датировками дана в приложении.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАБОТЫ ХЕРСОНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

Зинон (474—491)

В III в. н. э. античная республика Херсонес прекратила выпуск собственной монеты. В литературе было принято считать, что перерыв в работе ее монетного двора продолжался до времени Юстиниана I. Лишь в 1941 г. Л. Н. Белова опубликовала монеты Зинона, выпущенные, по ее мнению, в Херсоне.⁵⁷ Медные монеты Зинона крайне редки. В основном собрании Эрмитажа находится один экземпляр, опубликованный Ю. Сабатье,⁵⁸ которому были известны две другие монеты,⁵⁹ но ни одна из них не принадлежит к типу, опубликованному Л. Н. Беловой. В сводке типов медных монет IV—V вв., изданной Р. А. Г. Керсоном и Дж. П. К. Кантом, упоминаются зиноновские монеты, чеканенные в Милане, Равенне, Риме и Константинополе, из них только одна, приписанная Константинополю, с плохо читаемой надписью, без обозначения монетного двора, подобна находимым в Херсоне.⁶⁰

Л. Н. Белова упоминала о значительном количестве монет опубликованного ею типа, происходящих из раскопок в Херсоне. Раскопки, проводившиеся в послевоенные годы, дали еще несколько экземпляров.⁶¹ В раскопках других городов подобные монеты не обнаруживали. Это обстоятельство подтверждает правильность предложенной Л. Н. Беловой локализации описанных выше монет Зинона.

На лицевой стороне херсонских монет Зинона помещено погрудное изображение императора вправо. Круговая легенда — DNZENOPERFAVG. На оборотной стороне — император в рост, анфас, с головой, повернутой вправо,

с крестом в правой и сферой в левой руке, левой ногой попирающий пленника. Надпись: CONC-ORDIA.

Диаметр монет 17—19 мм, толщина кружка 3—4 мм (диаметр других, известных по публикациям, типов около 12 мм).

Все монеты этого императора, происходящие из Херсона, в отличие от находимых совместно с ними монет других императоров и других монетных дворов, очень плохой сохранности и, кроме того, имеют «слоистую» структуру — результат разрушения бронзы, в состав которой входит свинец, что характерно для некоторых партий херсонской монетной бронзы (исследования, проведенные рентгеновской лабораторией ЛОИА АН СССР).

Указанные особенности кружков монет Зинова позволяют отвергнуть теорию австрийского нумизмата В. Хана,⁶² считающего, что эти монеты чеканились в Константинополе для Херсона. Это, безусловно, продукция местного херсонского монетного двора.

Возможно, В. Хан прав в отношении монет Льва I, которые, по его мнению, также чеканились Константинополем для Херсона и которые часто находят в раскопках этого города. Однако, в отличие от зиноновских, все виденные мной и поддающиеся прочтению монеты Льва I имеют обозначение монетного двора Константинополя — CON —, размер их больше — 21 мм, толщина кружка обычная для константинопольских монетных мастерских, в металле нет свинца. Мнение В. Хана может быть принято лишь после того, как будет доказано, что Херсон — единственное место находки монет Льва I.

Юстин I (518—527). Юстиниан I (527—565)

До опубликования упоминавшейся выше статьи Л. Н. Беловой современные нумизматы, следуя А. Орешникову, Ю. Сабатье и У. Росу, относили к херсонскому чекану первой половины VI в. только один тип монет — с именем Юстиниана I и монограммой № 1. Л. Н. Белова приписала Херсону еще два, рассматривая их, однако, как две разновидности одного типа, выпускавшегося в правление Юстиниана I.⁶³

На лицевой стороне изданных Л. Н. Беловой монет помещены погрудное изображение императора вправо и круговая легенда, содержащая его имя и титул. На оборотной стороне — император в рост, анфас. На монетах «первого варианта» (по Беловой) император держит крест и щит, второго — крест и сферу. Надпись на обоих — VICTOR.

Монеты с изображением на оборотной стороне императора, держащего сферу, впервые изданы И. И. Толстым, который предполагал, что они чеканены в Александрии.⁶⁴ Монету с изображением императора, опирающегося на крест (правая половина его монеты была стерта) и поддерживающего щит, опубликовал Ю. Сабатье. На изданном им экземпляре читается имя Юстин, в соответствии с чем Ю. Сабатье и отнес его Юстину I, не приписав, однако, определенному монетному двору.⁶⁵ Предположение В. Хана о константинопольском происхождении херсонских эмиссий Юстина I и Юстиниана I⁶⁶ представляется маловероятным. Поскольку факт выпуска в Херсоне монет Зинова (по В. Хану также привозимых из Константинополя) указан выше, а существование монетного двора в Херсоне во второй половине VI в. не отрицает и В. Хан, то совершенно непонятным был бы

временный перевод монетного производства специально для Херсона в Константинополь.

Место находки монет с надписью VICTOR на оборотной стороне — исключительно Херсонесское городище. В Херсонесском музее (ХИАМЗ) имеется более 200 монет, на которых император представлен со щитом, и около 200, где император держит сферу. Этот факт, при полном отсутствии подобных монет в коллекциях Британского музея, Думбартон Оакс и Виттемоа музеев, в Парижской национальной галерее — крупнейших зарубежных собраниях, известных нам по каталогам, — с несомненностью доказывает правильность локализации, предложенной Л. Н. Беловой.

Однако атрибуция этих монет требует уточнения. Существует достаточно оснований, чтобы придерживаться старого разделения их между Юстином I и Юстинианом I.

В Эрмитаже находится 14 экземпляров с изображением императора, держащего щит: в основном собрании — 4; в коллекции монет, происходящих из раскопок, — 10. На двух из основного собрания с несомненностью читается имя Юстина: № 229 DNIVSTI—NVSAC, № 228 — DNIYSTINVVS. Такая же надпись на трех монетах из раскопок (№ 5728—5730). Остальные — плохой сохранности. На всех виденных мной экземплярах из собрания ГИМа и Херсонесского музея достаточно хорошей сохранности, чтобы можно было прочесть надпись, имя правителя — Юстин; ни на одной монете, в том числе и на опубликованных В. А. Анохиным, который придерживается определения Л. Н. Беловой,⁶⁷ не удастся с несомненностью прочесть имя Юстиниана.

Поэтому мне кажется, что пока, до находки экземпляров, где будет прочитано имя Юстиниана, монеты с погрудным изображением императора на лицевой стороне и его же изображением в рост, анфас, с крестом в правой руке и щитом в левой следует относить не ко времени Юстиниана I, а, вслед за Сабатье — Юстину I (518—527).

Ко времени Юстина I следует отнести и другой тип, на котором император на оборотной стороне изображен со щитом в левой и с лабаром, а не крестом — в правой руке, с головой, повернутой вправо. Монеты с подобным изображением нередки в находках Херсонеса. На них также читается имя Юстин. На двух экземплярах собрания Эрмитажа надпись: . . NIVSTI — VSPPAVC (№ 5432) и DNIVS—N (№ 5431).⁶⁸

На лицевой стороне всех монет первых двух типов император представлен в диадеме с расходящимися над лбом лучами; проработка лица тщательная, профессионально выполненная.

Изучение монет собрания Эрмитажа показало, что херсонскому монетному двору времени Юстина I можно отнести и третий тип, выделив его из числа упоминавшихся выше монет, ранее полностью относимых Юстиниану I, на которых император на оборотной стороне представлен с крестом и сферой. Как оказалось, эти монеты не однородны и по стилю, по надписи и деталям изображения делятся на три группы.

I группа. На лицевой стороне — голова императора, выполненная тщательно; хорошо проработаны лицо, глаза. Диадема заканчивается спереди петлей, надпись полная, легко читаемая. Поскольку в дальнейшем изложении при описании следующих групп на надпись придется обратить особое внимание, ниже приводятся надписи эрмитажных экземпляров этой группы. № 1062: DNIV-

STI—NIANVS; № 1061: DNIVSTI—NIANVS; № 5470 DNIVSTI—NIANVS; № 1063: DNIV STI—NIAN; № 1066: DNIV. . . — ANVS; № 1067: DNIVSTI—N'S. Особо следует обратить внимание на надпись на монете № 1067, в которой вместо букв IANV поставлен знак сокращения.

II группа. В изображении императора на лицевой стороне почерк гравера более резкий, в изображении диадемы нет единообразия, а надпись менее правильная, хотя имя Юстиниана везде хорошо читается. Эрмитажные № 1069: NIVST— . . .AN; № 1054: DNIVSTI—[NIANVS]; № 5473: IYSTI—NIAN. Кроме перечисленных трех монет, к этой же группе, по-видимому, относится монета № 5474, где с трудом читается конец надписи: . . . — NIAII.

III группа. Изображение императора на лицевой стороне наиболее графичное, нос, бровь и глаз переданы иногда одним росчерком, диадема либо того же типа, что и на монетах первой группы, либо разветвляется над лбом двумя лучами, как на монетах Юстина I. Имя Юстиниана не читается ни на одной из этих монет (эрмитажные № 1065: DNIVS. . . — NVASC; № 1053: . . . — NVAVC; № 5475: [DNIVSTI]—NVSAC; № 5471: . . . — TINSAVC. Сюда же следует отнести и монеты хорошей фактуры с четко читаемой надписью, заключающей имя Юстина (№ 1070: DNIVS—NVSC).

Надписи III группы отличаются от легенд II и I групп не только тем, что в них читается имя «Юстин», но и тем, что в конце легенды помещается еще титул AV G(ustus). (На монете № 1065 буквы A и S поменялись местами: ср. с № 5475). Такая легенда сближает экземпляры III группы с монетами описанных выше типов, на оборотной стороне которых император представлен держащим щит.

Различия в легендах на рассмотренных монетах разных типов и групп не могут быть случайностью. Нельзя объяснить их ошибками или небрежностью резчиков штемпелей, как это делает В. А. Анохин: как говорилось выше, штемпели опубликованного Сабатье типа с именем Юстин также профессиональны, как и штемпели монет первой группы изданного И. И. Толстым типа, на которых читается имя Юстиниана. Невозможно объяснить надпись, читаемую нами как Юстин, и неудачным сокращением имени Юстиниана: в том единственном случае, когда на монете с именем Юстиниана было произведено сокращение, в легенде стоял соответствующий знак. Надпись, читаемая как Юстин, не может быть и признаком неумелого размещения удлинившейся легенды. Более всего убеждают нас в том, что там, где читается имя Юстин, резчик и писал Юстин, а не Юстиниан, — монеты Юстиниана с монограммой города Херсона. На монетах этого типа титул императора такой же, как и на монетах с именем Юстина: DN (Dominus Noster) — в начале надписи, PPAVG (Perpetuus augustus) — в конце. Имя же нередко пишется не полностью, но пропускается, как правило, буква I: VSTINIANVS, VSTINANVS и т. п. Ни на одной монете мне не удалось проследить пропуск буквы A, которая всегда позволяет отличить эти два схожих имени. Форма диадемы, одинаковая на монетах Юстина I и исследуемых, как представляется, является важным аргументом в пользу того, чтобы отнести монеты с надписью DNIVSTINVSPPAVC и императором со сферой и крестом к Юстину I.

Итак, к времени Юстина I принадлежат три типа монет: два, на которых император изображен со щитом и лабаром (I тип) или крестом (II тип), и третий, где на оборотной стороне император представлен со сферой и крестом. Более

ранним из них является, вероятно, тот, где император со щитом и лабаром. За это говорят некоторые элементы типа, встречающиеся на монетах Зинона, но не повторяющиеся на несомненных монетах Юстиниана I: на оборотной стороне император изображен с головой, повернутой вправо, а на лицевой его диадема украшена двумя расходящимися лучами. Третий тип следует признать наиболее поздним, поскольку с него началась чеканка монет при Юстиниане I, племяннике и соправителе Юстина в последние месяцы его правления.

К царствованию Юстиниана I следует отнести также три типа монет. Первый аналогичен третьему типу монет Юстина I. Я предполагала, что эта эмиссия была начата в период совместного правления Юстина I и Юстиниана.⁶⁹ В. Хан и В. А. Анохин, считая, что мной неправильно прочтены или ошибочно истолкованы надписи на ряде монет, отвергают это предположение.⁷⁰ Однако при этом В. Хан признает изложенную выше атрибуцию монет третьего типа Юстина I правильной, а В. А. Анохин считает, что монеты с изображением императора, держащего сферу, не чеканились при Юстине I, а начали выпускаться лишь при единоличном правлении Юстиниана I. Поэтому следует еще раз подчеркнуть, что не только надпись, но и элементы изображения — форма диадемы на большинстве экземпляров — совпадают с аналогичными деталями монет Юстина. Именно поэтому данная группа должна предшествовать монетам Юстиниана, на которых, как было отмечено, новый вариант диадемы, — а не представлять собой деградировавший тип монет Юстиниана. Что же касается начала эмиссии монет такого же типа с именем Юстиниана, то у нас нет никаких фактических данных для установления ее точной даты. Лишь исходя из общих закономерностей монетного дела в Херсоне, можно предположить, что первый тип монет Юстиниана I начал чеканиться со времени вступления Юстиниана I на престол. Может быть, начальный вариант этого типа представлен на монете с надписью на оборотной стороне VICTOR—AVCCCE, которая впервые была издана Л. Н. Беловой.⁷¹

Второй тип — не рассматривавшиеся в настоящем разделе, но известные по находкам в Херсоне монеты с именем и погрудным изображением Юстиниана, на оборотной стороне которых император изображен со сферой и лабаром в руках. Третий тип составляют монеты с монограммой № 1, на лицевой стороне которых — погрудное изображение императора вправо и надпись DNIVSTINIANVSPPAVC. Впервые атрибутированные Г. Келером, они с тех пор неизменно и без всяких колебаний приписывались Херсону.

**Юстин II (565—578), Тиберий II (578—582),
Маврикий (582—602), Фока (602—610)**

До недавнего времени считалось, что после правления Юстиниана I в деятельности херсонского монетного двора наступил перерыв, продолжавшийся до последнего десятилетия VI в., когда стали чеканиться крупные номиналы — фоллисы и полуфоллисы, на лицевой стороне которых, вместо погрудного изображения императора, помещены фигуры императора и императрицы в рост, анфас, причем круговая легенда содержит то имя и титул Маврикия, то название монетного двора — Херсон. На оборотной стороне, как и на всех медных монетах Византии того времени, помещен знак стоимости — М или К, Н или Δ, который,

однако, на херсонских монетах занимает лишь правую часть кружка, в левой же представлена мужская фигура в рост, анфас. Стоит отметить, что это очень редкий случай в практике херсонского монетного двора, когда в соответствии с византийским обычаем того времени на монете обозначался номинал.

Самый первый, ставший известным экземпляр этой эмиссии — со знаком стоимости Н и надписью DNMAVRIC PPAVC, — был издан еще Дюканжем.⁷² Правда, великий ученый не подозревал, что эта интересная монета была выпущена в Херсоне. В 20-е гг. XIX в. Г. Келер на основании этого экземпляра и еще одного, такого же, но лучшей сохранности, опубликованного Д. Сестини,⁷³ датировал монеты с аналогичным изображением, но надписью ХЕРСВНОС. Однако монеты с надписью DNMAVRIC PPAVC и он рассматривал как константинопольские. Более того, зная, что существуют монеты с надписью ХЕРСВНОС и буквой Δ, во всем остальном подобные монетам с буквой Н, он полагал, что и они скопированы с константинопольских, т. е. что в столице выпускались монеты с изображением Маврикия, Константины и Феодосия с надписью DNMAVRIC PPAVC и буквой Δ.⁷⁴ Действительно, такая монета вскоре была найдена и опубликована Б. Кене, но, как и вся серия медных монет с семейным портретом, была отнесена к херсонскому монетному двору. Такой атрибуции, теперь общепринятой, придерживались, кроме Кене,⁷⁵ Ю. Сабатье,⁷⁶ И. И. Толстой,⁷⁷ У. Рос.⁷⁸ Лишь А. В. Орешников полагал, что доказать принадлежность Херсону монет, на которых имеется надпись DNMAVRIC PPAVC без упоминания Херсона, могут только находки этих монет на городище.⁷⁹ В настоящее время этот вопрос можно считать окончательно решенным. Во-первых, вскоре после выхода в свет статьи А. В. Орешникова такая монета была найдена в Херсоне во время раскопок Р. Х. Лепера,⁸⁰ а в неразобранных во времена А. В. Орешникова монетах из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича оказались монеты с обеими надписями.⁸¹ Во-вторых, существуют экземпляры такой монеты, надчеканенные херсонской контрамаркой Ираклия.⁸²

В раскопках Г. Д. Белова были найдены два экземпляра монеты, о существовании которой долгое время было известно лишь по публикации К. Пенона⁸³: с цифрой К на обороте.⁸⁴ Правда, о находке такой монеты при раскопках крещальни при Уваровской базилике еще в 1901 г. сообщил руководитель работ К. К. Косцюшко-Валюжинич.⁸⁵ Однако А. В. Орешников, опубликовавший свою статью девятью годами позже, опроверг это известие, написав, что монета плохой сохранности была неверно определена находчиком.⁸⁶ Существование полуфоллисов с цифрой К считалось гипотетичным до упомянутой находки в раскопках Г. Д. Белова. В настоящее время их насчитывается несколько экземпляров.

Сложен другой, с момента опубликования монет вызывавший дискуссию вопрос, от решения которого зависит датировка всей эмиссии: кем является персона, изображенная на оборотной стороне. Б. Кене считал, что это святой.⁸⁷ Близкой версии придерживается ныне В. А. Анохин.⁸⁸ Ю. Сабатье,⁸⁹ И. И. Толстой,⁹⁰ А. В. Орешников⁹¹ справедливо полагали, что версия Б. Кене неверна, так как обычай помещать образы святых на византийских монетах появляется в значительно более позднее время, а изображение Христа впервые мы наблюдаем на монетах Юстиниана II (695—705). Подавляющее большинство современных нумизматов разделяют эту точку зрения.⁹² Наблюдения В. Хана о чрезвычайной консервативности херсонского монетного дела⁹³ позволяют видеть

в фигуре на оборотной стороне традиционное повторение изображения императора, как на монетах Юстина I и Юстиниана I. Можно добавить, что в тех случаях, когда император и императрица (на лицевой стороне) представлены без нимбов, фигура на оборотной стороне тоже не имеет нимба, что доказывает равенство персонажей лицевой и оборотной сторон, а крест или хризма в руке не являются непременным атрибутом святого — это частый символ и в руке императора (см., например, выше монеты Юстина I и Юстиниана I).

Несмотря на разногласия в интерпретации персонажа оборотной стороны, в нумизматической литературе до сих пор не возникало сомнений в правильности отнесения эмиссии к правлению Маврикия. Мнения расходились лишь по вопросу о ее длительности. У. Рос предполагал, что причина выпуска херсонским монетным двором монет с семейным портретом кроется в неизвестных нам событиях и что этот чекан является своеобразным выражением благодарности той или другой стороны за оказанные услуги.⁹⁴ Принятие гипотезы, что на монетах изображен Феодосий, сын Маврикия, уже позволяло ограничить время чеканки с 589 или 590 г. (коронация Феодосия)⁹⁵ по 602 г. (свержение с престола и смерть Маврикия и его сына). У. Рос, допуская, что на монетах изображен не ребенок, а юноша, считал возможным связать выпуск «фамильных» монет с предполагавшимся в 596—597 гг. разделом империи, по которому Константинополь и восток страны отходили Феодосию.⁹⁶ Эмиссия должна была прекратиться в связи с ссорой Маврикия с Феодосием, принимавшим участие в заговоре против отца.⁹⁷ Ф. Гриерзон полагает, что херсонские монеты чеканились в самом конце царствования Маврикия, в 602 г.⁹⁸

В 1977—1978 гг. В. А. Анохин⁹⁹ и В. Хан¹⁰⁰ независимо друг от друга пришли к выводу, что фоллисы и полуфоллисы Херсона начали выпускать при Юстине II. В. А. Анохин считает, что монеты с названием города продолжали чеканить и при преемнике Юстина II — Тиберии II, а Маврикию можно отнести только экземпляры с его именем. В. Хан приписывает Маврикию также только монеты с его именем, а все памятники с названием города датирует правлением Юстина II и в персоне, представленной на оборотной стороне, видит соправителя.

Изучение херсонской эмиссии фоллисов и полуфоллисов, выявление большого количества вариантов типов вынуждает признать, что эмиссия была длительной, однако, как кажется, и названную выше новую атрибуцию еще нельзя признать окончательной.

В настоящее время известно шесть типов чеканенных херсонских монет с тремя фигурами. Они различаются по надписи на лицевой и знаку стоимости на оборотной стороне:

1. Надпись ХЄРСWΝΟC, знак стоимости М.
2. Надпись ХЄРСWΝΟC, знак стоимости К.
3. Надпись ХЄРСWΝΟC или ХЄРСΟΝΟC, знак стоимости Н.
4. Надпись ХЄРСΟΝΟC, знак стоимости Δ.
5. Надпись DNMAVRICPPAVC, знак стоимости Н.
6. Надпись DNMAVRICPPAVC, знак стоимости Δ.

(Монеты седьмого типа — с надписью DNMAVRIC PPAVC и знаком стоимости М, — опубликованного Ю. Сабатье,¹⁰¹ до сих пор не обнаружены. Можно предполагать, что Ю. Сабатье ошибся в чтении надписи плохо сохранившейся монеты).

Все нумизматы считают монеты с цифрами М и К наиболее ранними,¹⁰² замененными новой эмиссией с цифрами Н и Δ, отразившей кризисные явления в византийской экономике¹⁰³ или попытку связать традиционную монетную систему Херсона с общеимперской.¹⁰⁴ Подтверждает это всеобщее мнение постепенно уменьшающийся вес фоллисов: наиболее высокий у монет с цифрой М (от 13,5 до 16,2 г), он постепенно снижается (до 15—9 г) у фоллисов с цифрой Н. Употребление знака стоимости Н полтора десятилетия спустя — на монетах Ираклия — также указывает на то, что эмиссия с цифрой М предшествовала сериям с цифрой Н.

Монеты с цифрами Н и Δ, помимо указанных выше двух пар типов, имеют несколько их вариантов, что указывает на ряд выпусков, установить последовательность которых значительно сложнее. Несомненно, что следующими за первым выпуском были монеты с цифрами Н и Δ и надписью ΧΕΡСWΝΟC или ΧΕΡCΟΝΟC, как это отмечалось и В. А. Анохиным и В. Ханом. На этих монетах императрица представлена в короне с тремя лучами, как на всех известных экземплярах с цифрой М, крест она держит за самый конец; корона на голове Маврикия (как и на монетах с цифрой М) напоминает шлем, вокруг голов императорского семейства — нимбы.

Таким образом, не только надпись, но и сходство ряда элементов изображения позволяют считать указанную группу монет с цифрами Н и Δ вторым выпуском. В процессе чеканки этой серии появляются некоторые отступления от первоначального типа: над головами императорской четы появляется равноконечный крестик, на оборотной стороне — крест вместо хризмы; известен экземпляр, где императрица изображена в короне с двумя зубцами, а на другом императорская чета представлена на «пьедестале».

В эту серию не входит ряд монет с названием города, написанным через «эту» и греческое ρ (иногда в лигатуре) или через эpsilon и латинское R (ΧΗΡCΟΝ, ΧΕRCON). На монетах этой группы перечисленные выше детали изображения развивают или наследуют элементы иконографии, которые впервые появляются на монетах с именем Маврикия.

Характерным отличием иконографии монет с именем Маврикия, отмеченным и другими исследователями, помимо надписи, является скипетр в руке Константины с настолько длинным нижним концом, что он виден в правом поле у подола платья. Лучи на короне императрицы заменяются двумя зубцами. Персона на оборотной стороне представлена как с крестом, так и с хризмой, причем уследить какую-нибудь закономерность в появлении того или другого символа невозможно. По-видимому, помещение креста или хризмы не имело в это время уже принципиального значения, так как на паре монет следующей четвертой группы, связанных общим лицевым штемпелем, император на оборотной стороне в одном случае изображен с крестом, в другом — с хризмой, что, кстати, опровергает гипотезу В. Хана о двух официнах.

Анализируя развитие иконографии в статье, посвященной определению хронологической последовательности указанных типов,¹⁰⁵ я обратила внимание на хронологический разрыв между вторым выпуском и монетами с именем Маврикия. Однако этот вывод оказался ошибочным. Монеты с именем Маврикия имеют вариант, где черта под ногами императорской четы заменена широкой полосой, от которой иногда сохраняется только рамка. На одном из экземпляров варианта (из собрания ГИМа) императрица изображена с коротким ски-

петром, который она держит за конец. Об изображении императрицы в двухчастной короне и императорской четы на «пьедестале» на монетах второго выпуска — с названием города — упоминалось выше. Таким образом, выявляется постепенность в изменении элементов иконографии и типа при переходе от второго выпуска к третьему, что говорит о непрерывной работе монетного двора в течение всего периода выпуска этих серий.

Такая же непрерывность наблюдается и в дальнейшем развитии этого чекана: постепенно в короне Константины теряется обязательная двухчастность, в изображении всего императорского семейства наблюдается схематизация, в надписи встречаются неточности или ошибки.

Упомянутые выше монеты с неправильным написанием названия города наследуют особенности третьего выпуска, и даже можно сказать точнее — его конца. Манера выполнения изображений на этих монетах более небрежная, чем на монетах начала эмиссии, короны неопределенной формы, нимбы иногда отсутствуют. Обособленность этих монет от второго выпуска подтверждается еще одним очень важным фактом: они чеканены небольшим количеством штемпелей, связывающих их в компактную группу.¹⁰⁶

Я считаю эту группу четвертым выпуском, что подтверждается, помимо упоминавшейся уже деградации стиля и надписи, тем, что монеты с надписью «Херсон», относящиеся к этой группе, имеют более низкий средний вес, чем монеты первых выпусков.¹⁰⁷

Все особенности типов, рассмотренные на фоллисах, повторялись на параллельных им полуфоллисах. Во время четвертой эмиссии чеканились, вероятно, преимущественно крупные номиналы. Из известных мне монет с цифрой Δ, пожалуй, только одна, — опубликованная А. В. Орешниковым,¹⁰⁸ — имеет черты, характерные для фоллисов четвертого выпуска.

На мой взгляд, одинаковость изменений на фоллисах и полуфоллисах также доказывает, что чеканка монет в Херсоне второй половины VI в. производилась партиями, выпусками, различия в изображениях получались в результате длительности чекана, а не вследствие одновременной работы разных мастеров.

Для того, чтобы судить о протяженности чекана всей этой любопытной эмиссии, следует обратить внимание на одну очень маленькую деталь. На монетах с цифрой М ноги императорской четы передаются небольшими штрихами с чуть загнутыми концами. Так же они изображаются и на монетах второго выпуска. На большинстве монет с именем Маврикия ноги как у императора и императрицы, так и императора на оборотной стороне передаются скобкой, а на некоторых экземплярах конца серии и почти на всех монетах четвертого выпуска (с неправильным написанием названия города — ХНРСОН) так же, как и на монетах Ираклия, в виде очень тупого угла. Эта небольшая деталь, не отражающая никаких «церемониальных» изменений в образе императорской четы, а фиксирующая индивидуальный почерк резчиков штемпелей, свидетельствует о смене поколений граверов (если учесть при этом, что она не совпадает с изменениями типов, последовательность выпуска которых доказана выше).

Таким образом, мы можем говорить по об одном десятилетии выпуска фоллисов и полуфоллисов. Это позволяет принять гипотезу В. Хана и В. А. Анохина о начале чекана херсонских фоллисов в правление Юстина II. Отсутствие заметного перерыва в развитии элементов типа, на наш взгляд, подтверждает мнение В. А. Анохина о продолжении эмиссии и в правление Тиберия II. Ка-

нонический тип монет не дает возможности разделить безошибочно монеты по правлениям, однако кажется, что второй выпуск с названием города мог продолжаться и при Маврикии. Изменение длины пропендулий на короне императрицы не происходит одновременно со сменой второго выпуска третьим (как думает В. Хан): среди монет с именем Маврикия встречаются экземпляры, на которых императрица изображена в короне с длинными подвесками (№ 2000 и 1998 эрмитажного собрания). Следовательно, этот элемент в иконографии императрицы не может служить бесспорным аргументом для атрибуции монет тому или иному правлению.

Выделение в херсонской эмиссии второй половины VI в. особого выпуска с именем Маврикия и возвращение затем к первоначальной легенде, подтверждает мнение У. Роса об особых обстоятельствах, вызвавших чеканку монет с именем императора. Этот выпуск мог прекратиться только со смертью этого царя. Таким образом, мы решаемся отнести последний выпуск — с неправильным написанием Херсона — ко времени Фоки.

Ираклий (610—641), Константин II (641—668)

Следующий датированный выпуск монет в Херсоне был произведен в правление Ираклия. Монеты этого императора имеют канонический для херсонских фоллисов тип: на лицевой стороне две царствующие особы стоят в рост, анфас, с атрибутами власти в руках; круговая надпись DDNNH6PACETH6PACONS. На оборотной стороне изображен правитель с хризмой в руках, а в поле слева — цифра H.¹⁰⁹

А. В. Орешников опасался относить эту монету к Херсону,¹¹⁰ тем более, что единственный известный в то время экземпляр был куплен у константинопольского торговца-антиквара.¹¹¹ Однако, как говорилось выше, первые коллекции херсонских монет, так же как и первые публикации, появились за пределами России, и это никем не было воспринято как бесспорное доказательство нехерсонской принадлежности этих монет.

Следование типу фоллисов Маврикия могло бы скорее вызвать подозрения в подлинности монет, чем сомнения относительно места чеканки. Второй экземпляр также был приобретен за границей: И. И. Толстой купил его в Вене. Приписав его Херсону, он, однако, в заключение цитирует слова А. В. Орешникова о том, что определить место принадлежности может только находка подобных монет на городище.¹¹² Что же касается подлинности, то никаких сомнений по этому поводу не было высказано. Третий экземпляр, находящийся в коллекции Думбартон Оакс, также был приобретен на одном из западноевропейских аукционов. Однако Ф. Гриерзон без колебаний отнес этот тип монет к Херсону (в подлинности и в этом случае не возникло никаких сомнений).¹¹³ Впрочем, вопрос как о поддельности монет Ираклия, так и о месте их чекана снимается находкой одной такой монеты в херсонесских раскопках 1940 г.¹¹⁴ и при раскопках Боспора в 1963—1964 гг.¹¹⁵

Безусловно, нужно согласиться с И. И. Толстым, что на монете представлен Ираклий с женой Мартиной и сыном Ираклием Константином, хотя надпись упоминает лишь Ираклия и Ираклия Константина. Женская корона играет в данном случае решающую роль. В таких коронах — с зубцами — на визан-

тийских монетах изображались только императрицы. Полнота надписи принципиального значения не имеет: на монетах с изображением Ираклия и Мартины, чеканившихся на других монетных дворах империи, имя императрицы также не упоминается.

Монеты с изображением Ираклия, Ираклия Константина и Мартины выпускались на монетных дворах империи приблизительно с 615 по 630—635 гг., до коронации сына Мартины Ираклеона, заменившего ее в трехфигурной монетной композиции. Третьим лицом на этих монетах всегда был сын Ираклия от первого брака Ираклий Константин. Поэтому И. И. Толстой прав, видя в царской особе, изображенной на оборотной стороне херсонских монет, Ираклия Константина.¹¹⁶

Можно допустить, что монеты с изображением императорской семьи выпускались в Херсоне в тот же отрезок времени, что и на центральных монетных дворах, т. е. с 615 по 630 г. Ф. Гриерзон, обращая внимание на вес монет Херсона, который значительно выше веса фоллисов, чеканившихся в метрополии после реформы 630 г., решает уточнить дату чекана херсонских монет Ираклия и относит их к первому десятилетию царствования. Подтверждает такую дату, по его мнению, и надчеканка с именем Ираклия, характерная для 20-х гг. VII столетия, сделанная на экземпляре монеты Ираклия, хранящемся в коллекции Думбартон Оакс.¹¹⁷

Монеты Ираклия, наследуя иконографическую схему херсонских монет предшествующего времени, отличаются от них некоторыми деталями: короны у Ираклия и Ираклия Константина плоские, а у императрицы в руках держава, как на константинопольских фоллисах этого же времени; на оборотной стороне знак стоимости располагается слева от наследника. Штемпели сделаны значительно лучше, тщательнее и художественнее, чем в последнем выпуске монет с названием Херсона, но вес монет — около 9 г — указывает на продолжение начавшейся при Маврикии деградации фоллиса. Описанные монеты Ираклия — последние известные нам датированные нумизматические памятники Херсона, относящиеся к первому периоду существования города.

До последнего времени к херсонскому монетному двору относили также монограмму № 5, надчеканивавшуюся на херсонских монетах конца VI — начала VII в. Ю. Сабатье, впервые ее опубликовавший, прочитал ее как имя Ираклия,¹¹⁸ по-видимому, основываясь на сходстве данной надчеканки с монограммами Ираклия на константинопольских фоллисах и сицилийских надчеканках. Сходство это действительно поразительно: совпадают почти все элементы, различно лишь их начертание: буквы h и e на контрамарке Херсона передаются косыми черточками, а в сицилийских и константинопольских монограммах более близки подлинным начертаниям этих букв на монетах.

Однако недавно К. В. Голенко высказал мнение, что надчеканки на херсонских монетах заключают не имя Ираклия, а название монетного двора, Боспора, и относятся к VIII в.¹¹⁹ Основанием для такого заключения послужили монета Тиберия Апсимара со сходной надчеканкой, хранящаяся в Керченском историко-археологическом музее, а также находки монет с надчеканкой монограммы № 5 на боспорском городище.

По мнению К. В. Голенко, это доказывает, что все надчеканки сделаны не при Ираклии, а значительно позднее, после Тиберия III, начертание же монограммы на хранящемся в Керчи экземпляре и находки при раскопках

указывают на место чекана: поскольку Апсимар правил полвека спустя после Ираклия, надчеканки с именем последнего никак не могли появиться на его монете.

Оппонентом К. В. Голенко выступил Ф. Гриерзон, который обратил внимание на ряд важных деталей.¹²⁰ Во-первых, все надчеканки на херсонских монетах, известные до сих пор, имели монограмму № 5, а надчеканка на монете Тиберия — № 6. Делались они на лицевой стороне, надчеканка же, обнаруженная К. В. Голенко, — на оборотной стороне. Кроме того, все надчеканки № 5 ставились только на херсонских монетах, а надчеканка № 6 поставлена на монете константинопольского монетного двора. Это сопоставление разъясняют сицилийские надчеканки с монограммой и изображением Ираклия и Ираклия с сыном. Они ставились не только на лицевой стороне, но и на оборотной: более ранняя надчеканка, на которой изображался один Ираклий, ставилась на лицевой стороне, а более поздняя — с изображением Ираклия и Ираклия Константина — на оборотной стороне надчеканенных монет. Соответственно надчеканка монетного двора первоначально ставилась на оборотной стороне, а затем — на лицевой их стороне. Следовательно, не обязательно имя нового правителя надчеканивалось на лицевой стороне монет его предшественников. Однако сицилийские надчеканки указывают правило: одновременные надчеканки ставились на одной и той же стороне надчеканиваемых памятников.

Из приведенных выше сопоставлений можно сделать вывод: надчеканки на херсонских монетах и на монете Тиберия разновременны и имеют разное значение. Сходство надчеканок на херсонских монетах Маврикия и монограммы имени Ираклия на константинопольских фоллисах 20-х гг. VII в. дает основание Ф. Гриерзону не только видеть в херсонских надчеканках монограмму имени Ираклия, но и датировать их 20-ми гг. VII в.

Отвергая предложенное К. В. Голенко чтение монограммы № 5 на херсонских монетах, Ф. Гриерзон принимает в то же время его гипотезу о месте их надчеканивания. Однако принятие этой гипотезы, объясняющей находки надчеканенных монет на Боспоре и отсутствие аналогичных находок в Херсонесе, ставит новые проблемы: во-первых, почему надчеканивание херсонских монет на Боспоре начинается только после прекращения чеканки в самом Херсоне; во-вторых, почему надчеканивались только монеты Херсона, в то время как известны находки монет и других монетных дворов.

Между тем нужно обратить внимание на следующее обстоятельство, которое не учел К. В. Голенко.¹²¹ Раскопки в Керчи в дореволюционное время были крайне незначительны, и монеты византийского времени оттуда в музейные и частные коллекции почти не поступали. Напротив, материалы раскопок в Херсонесе отсылались в Археологическую комиссию, которая предоставляла некоторым лицам и Эрмитажу (в собрании которого имеется 6 монет с надчеканками) возможность выбирать наиболее ценные экземпляры. Лишь «просеянные» таким образом коллекции возвращались в Херсонес. Однако нынешнее собрание Херсонесского музея не полностью сохранило даже эту, уже профильтрованную, часть: в 1928 г. почти 12 000 монет, в том числе и редкие экземпляры, были переданы в ГИМ. Таким образом в Херсонесском музее сейчас наиболее полно отражены находки только последних лет, а за это время херсонские монеты с надчеканками не были найдены не только в Херсонесе, но и в Керчи.

Недавно в Херсонесе был найден византийский фоллис конца VII—начала VIII в. (как кажется, Тиберия III), надчеканенный монограммой № 6, которую и К. В. Голенко, и Ф. Гриерзон читают как «Боспор».¹²² Эта находка позволяет уже иначе оценить имеющиеся в нашем распоряжении пока очень скромные данные.

В конце VII—начале VIII в. Херсон явился ареной бурных событий, приведших к ниспровержению взошедшего во второй раз на престол Юстиниана II и воцарению Филиппика. Новый император, до коронации носивший имя Вардана, был провозглашен царем в Херсоне, где отбывал ссылку. Мне кажется вполне вероятным, что, провозгласив Вардана императором, херсонцы надчеканили первой буквой его имени некоторое количество монет.

У нас не менее оснований для принятия этого толкования рассматриваемой монограммы, чем для принятия гипотезы К. В. Голенко. Во-первых, надчеканка ставится на монетах, ближайших к перевороту Вардана, т. е. на монетах Тиберия III и Юстиниана II (?). Во-вторых, подобная надчеканка не встречалась на монетах, найденных за пределами Крыма. Наконец, Херсонес — это место находки хотя бы одной из монет, в то время как присутствие в коллекции Керченского музея еще не доказывает местного происхождения монеты.

Итак, мне кажется, что надчеканки № 6 на константинопольских фоллисах конца VII—VIII в. правильнее всего связать с династическим переворотом, в котором Херсон принял активнейшее участие, с пребыванием императора в этом городе.

Если высказанное предположение правильно, то оно подкрепляет традиционное представление о Херсоне, как о том пункте, где ставились надчеканки Ираклия (в экстренных случаях монетные мастера использовали хорошо известный им быстрейший и простейший способ выпустить монеты от имени нового правителя), а также решает вопрос о дате литья монет (с тремя фигурами), о которых пойдет речь в следующем параграфе.

В. А. Анохин считает, что одновременно с надчеканками монограммой Ираклия, которая ставилась на крупных номиналах, в Херсоне было произведено массовое надчеканивание мелких номиналов (пентануммиев) штемпелем с хризмой, имевшее целью унифицировать разные типы монет, ходившие в городе, приравняв их к номиналу в 5 нуммиев.¹²³ Не ясно, на чем базируется это утверждение В. А. Анохина, тем более, что известны монеты крупных номиналов, надчеканенные хризмой или крестом. К сожалению, клад, где встречаются монеты IV—V вв. с надчеканками, найденный в Херсонесе несколько лет назад, до сих пор не издан. Поэтому серьезное обсуждение этого вопроса пока невозможно. То же можно сказать о гипотезе В. Хана о херсонском происхождении нескольких солидов VII в. Мне кажется, что для суждения об этом еще мало данных, хотя экстренный выпуск солидов и был возможен, о чем будет сказано ниже.

Что же касается Боспора, то выпуск монеты в захолустном городке области, в столице которой монетный двор бездействовал, представляется чрезвычайно маловероятным. В связи с этим, мне кажется, отпадает и вопрос о боспорском происхождении фоллиса Константа II с обычной для Херсона трехфигурной композицией.

МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ VIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА

Первый период работы херсонского монетного двора было принято заканчивать временем Ираклия (610—641),¹²⁴ а начинать следующий с совместного правления Михаила III и Василия II (867 г.).

Эти периоды разделяются не только большим промежутком времени, но и коренными изменениями в технике монетного производства в Херсоне. Если описанные выше монеты V—VII вв. чеканились, как все византийские монеты на протяжении всего тысячелетнего существования империи, и в основных чертах следовали типологии византийских монет, т. е. на них помещалось изображение императора и легенда с его именем, то эмиссия, начавшаяся в середине IX в., является и в том и в другом отношении оригинальной: монеты середины IX—X в. литые, а вместо изображения и надписи, как правило, помещаются инициалы или монограмма имени императора.

Почему произошел такой разрыв между традиционной византийской и херсонской монетной техникой, можно ответить, говоря об истории Херсона в целом. В настоящем разделе пойдет речь лишь о монетах, которые дают нам возможность проследить один из этапов преобразований в монетном деле Херсона.

Литые монеты Херсона, подражающие типу херсонских монет Маврикия

В 1911 г. В. А. Орешников издал монету, на лицевой стороне которой представлены две персоны в рост, анфас, в длинных одеждах, правая, по-видимому, со сферой. На оборотной стороне изображена фигура в рост, анфас, слева от нее — длинный крест, который она, по-видимому, должна поддерживать (рука, держащая крест, неразличима). Справа — литера Δ. В. А. Орешников считал опубликованную им монету вариантом известных херсонских монет Маврикия, не обращая внимания на технику выполнения — литье.¹²⁵

В собрании И. И. Толстого имелся экземпляр подобной же монеты, совершенно очевидно выполненной в технике литья. На лицевой стороне в поле справа с трудом различалась буква, которую И. И. Толстой прочел как В и усмотрел в ней инициал имени Василия I.¹²⁶ Третий экземпляр без всяких следов надписи или букв был найден в раскопках Херсона 1935 г. и опубликован Л. Н. Беловой как монета Маврикия.¹²⁷

Высказанные В. А. Анохиным в «Обзоре монетного дела...» соображения о том, что описанные выше литые монеты лишь заимствовали тип монет Маврикия и выпускались после середины VII в., но до середины IX — времени начала новой монетной эмиссии¹²⁸ — кажутся совершенно убедительными. Главный довод против приписывания этих монет Маврикию заключается в технике их исполнения — литье, так как эта техника стала применяться на херсонском монетном дворе значительно позднее, после времени Ираклия (610—641), монеты которого еще чеканились.

Нужно согласиться с В. А. Анохиным в том, что трудно установить точно время этой эмиссии. Однако уже сейчас можно утверждать, что литые монеты с тремя стоящими фигурами выпускались в Херсоне несколькими сериями, возможно отделенными друг от друга значительными промежутками времени.

В настоящий момент известно лишь несколько экземпляров, различающихся между собой существенными деталями. Например, экземпляр, изданный А. В. Орешниковым, ближе всего к монетам Маврикия, особенно к полуфоллису четвертого выпуска.¹²⁹ Однако у него плохо сохранилась лицевая сторона, и можно только предполагать, что в поле справа была какая-то буква. На экземпляре из раскопок Г. Д. Белова на лицевой стороне между фигурами помещен крест, который поддерживает правая из представленных на монете особ. (Напомним, что на монетах Маврикия император изображен с державой, императрица — с крестом, который она держит на правом плече). Надписи, по-видимому, нет. На оборотной стороне крест вверху почти сливается с Δ. Два лица, представленные на лицевой стороне монеты И. И. Толстого, имеют мало общего с изображениями императора и императрицы на монетах Маврикия: отсутствуют короны, какие-либо царские регалии в руках, вид одежды совершенно неопределенный, во всяком случае, это не парадное облачение, в котором представлен базилевс на монетах Маврикия. Нет таких различий в изображении обоих лиц, которые позволили бы считать одного из них императрицей, а другого — императором, но левая фигура, как кажется, в нимбе. На оборотной стороне этой монеты изображение слева стерто, справа Δ, над ней слева — крест. На лицевой стороне в правом поле находится буква В. На четвертой из изученных мною монет, происходящей из собрания Русского Археологического общества, изображенные лица представлены в плащах, крест на оборотной стороне слился с Δ, изменив смысл этого знака, превратившегося в символ Голгофы.

Сохранность опубликованных В. А. Анохиным монет из собрания Херсонесского музея¹³⁰ значительно хуже, чем эрмитажных, монеты разного диаметра и веса, но изображения их лицевых сторон настолько близки, что кажутся происходящими от общего штампа. Справа в поле на лицевой стороне — следы надписи. Правая фигура — в нимбе. Эта деталь имеет чрезвычайно важное значение для датировки всей серии.

И. И. Толстой относил свою монету (с буквой В на лицевой стороне) к правлению Василия I, как это следует из этикетки, сохранившейся при монете в собрании Эрмитажа. Правда, ему самому атрибуция казалась сомнительной, что засвидетельствовано вопросом против имени императора. На наш взгляд, предлагавшееся И. И. Толстым определение нельзя принять по следующим соображениям.

Прежде всего, тип этих монет резко отличается от всей эмиссии IX—XI вв. Предположение И. И. Толстого могло бы быть правильно только в том случае, если бы монетами с изображением трех фигур начиналась новая эмиссия: можно было бы допустить, что в поисках прототипа монетарии обратились к распространенным в Херсоне монетам и воспользовались ими для создания рисунка новых. Копирование монет 250-летней давности свидетельствовало бы о важных особенностях денежного обращения Херсона. Однако херсонская эмиссия IX—X вв. начинается не с Василия I, к правлению которого тип херсонских монет уже сложился, о чем будет сказано ниже. В последней четверти IX в. в Херсоне существовала и вполне устоявшаяся техника изготовления монет, так что любой новый тип выпускался уже в «отработанном» виде. Поэтому, повторяю, датировка И. И. Толстого интересующих нас монет кажется маловероятной.

Уточняя ранее высказанное предположение, В. А. Анохин предложил датировать выпуски литых подражаний монетам Маврикия второй половиной VIII в.¹³¹ Я склонялась отнести их к более широкому периоду — всему VIII в.¹³² Однако обе гипотезы не учитывали отмеченной выше особенности типа — изображение нимба у одной из персон лицевой стороны. Нимб только у одной из фигур указывает на переосмысление персонажей первоначальной композиции, в которой уже невозможно усматривать императорскую чету. (Следует в этой связи вспомнить, что на монетах Ираклия и император и императрица изображались без нимба). Подтверждая мнение о значительно более позднем, чем правление Ираклия, выпуске литых монет, этот факт, как кажется, позволяет высказать более обоснованное предположение о верхней границе первой эмиссии литых подражаний.

В 730 г. Лев III эдиктом запретил почитание икон. Развернувшаяся после этого религиозная борьба захватила и Херсон, епископы которого принимали участие и в иконоборческих соборах. Сведения источников о высылке в Херсон опальных иконопочитателей свидетельствуют о приверженности городских властей правительственной политике в отношении икон. Следовательно, трудно допустить, чтобы в Херсоне после 30-х гг. VIII в. выпускались монеты с изображением святого или персоны, которая могла быть за него принята.

К сожалению, чрезвычайно важное археологическое свидетельство — обстоятельства находки одной из монет в раскопках — мы не можем привлечь для установления даты серий. Монета, найденная Г. Д. Беловым, была обнаружена в могиле № 12 «базилики 1935 г.», постройку которой археологи относят к VI в. Автор отчета пишет, что кладбище на месте базилики появилось после разрушения храма, и датирует весь комплекс могильника XI—XIII вв.¹³³ Однако могилы как по характеру погребений (костницы или единичные трупоположения), так и по глубине захоронения и по инвентарю очень различны. Верхний слой одной, безусловно, поздней, детской могилки находился на уровне стены часовни, построенной на месте разрушенной базилики. В могиле была найдена одна восточная тонкая медная монета. Как показывают многолетние раскопки, тонкими медными восточными монетами, находимыми на херсонесском городище, являются, как правило, татарские.

Наряду с этой могилой, в отчете описаны такие, где среди инвентаря встречаются монеты более раннего времени, например, № 24, 25, 26 и др., содержавшие монеты Василия I, Романа I, Иоанна Цимисхия, Льва VI. В захоронении № 1 возле черепа лежала монета Юстиниана I (527—565); возможно, что погребение современно этой монете, так как, судя по отчету, оно не было повреждено и в нем не было повторного захоронения.

Могила № 12, где была найдена литая монета с тремя фигурами, также не была использована вторично. Она находилась под часовней в среднем нефе базилики, т. е. является погребением в базилике и относится к более раннему, чем часовня, времени. Однако материалами для более точной ее датировки мы не располагаем. Следовательно, и дата найденной в ней монеты с тремя стоящими фигурами не может быть уточнена.

Однако присутствие монеты в могиле одного из центральных храмов позволяет предполагать, что эмиссия была официальной, «государственной», что подтверждается, на наш взгляд, еще и тем, что последующие, IX в., херсонские выпуски были литыми, а продукция фальшивомонетчиков — чеканенной.

Итак, хронологические рамки монет первой группы — середина VII — первая четверть VIII в. Наличие нескольких вариантов типа указывает на известную протяженность выпуска серии. Первый вариант, и наиболее многочисленный, более всего приближается к прототипу: все фигуры в нимбах, в руках можно предполагать атрибуты власти, по кругу — следы названия «Херсон». Канонический тип затрудняет датировку: не обязательно композиция изображает трех императоров, это могут быть и император с императрицей, а на обороте — повторение изображения императора, и правящий царь с двумя соправителями.

Больше данных для атрибуции содержат монеты, где этот канонический тип нарушается. Таким нарушением для большинства монет является изображение в нимбе лишь одной из фигур, что указывает на переосмысление традиционной композиции, в которой одна из персон — в нимбе — приобретает отличное от других значение. Сравнивая эти монеты с монетами константинопольского монетного двора, мы находим близкую композицию на монетах Юстиниана II, на которых впервые в монетном деле Византии появляется изображение Христа.

Переосмыслиется в ряде случаев и обратная сторона: дельта превращается в крест на Голгофе. Наконец, последний вариант этой группы, на котором лицевая сторона сохраняет только композиционную схему старого типа, несет и указание на дату: справа в поле помещена буква В. На оборотной стороне этой монеты изображение затерто, таким образом получается изображение лишь одного правителя и святого. Если верно наше предположение, что бета означает начальную литеру имени правителя, то мы можем приписать эту монету только одному императору — Филиппику Вардану и датировать временем до его коронации, т. е. периодом пребывания в Херсоне.

Таким образом, две серии укладываются в промежуток времени, когда Херсон проявил некоторую непокорность по отношению к императорской власти и когда император (пусть пока еще не коронованный) находился в городе. Единственным препятствием для принятия этой гипотезы является недавняя находка в Херсонесе монеты Тиберия III, контрамаркированной надчеканкой, напоминающей бету, о которой писалось выше.

Итак, мы можем констатировать появление техники литья в херсонском монетном дворе еще в конце VII—начале VIII в. и высказать обоснованное предположение о выпуске по крайней мере двух вариантов из трех в период бунта, осложненных отношений с императорской властью.

Находка на Мангупе клада фальшивых византийских номисм VIII в. позволяет, на наш взгляд, датировать монету подобного типа из частного собрания, которая отличается от описанных выше цветом бронзы и техникой: она чеканена (эти же особенности характеризуют и клад фальшивомонетчика). Дата клада, определяемая подражанием монете Василия I, свидетельствует о возможности обращения литых монет с трехфигурной композицией в течение VIII в. (Я благодарна А. Г. Герцу за представленную возможность упомянуть об этом кладе).

Рассмотренные литые монеты с тремя фигурами уничтожают тот резкий разрыв между эмиссиями V—VII и IX—X вв., причины которого всегда привлекают внимание исследователей. Наследуя иконографическую схему последних монет ранней эмиссии, по технике изготовления — литью — эти монеты примыкают к более поздней.

В 1964 г. в одной из башен южной херсонесской стены, во время археологических работ, проводившихся И. А. Антоновой, был найден небольшой клад, состоявший из сорока пяти целых и двух обломков литых монет двух типов. Первый тип — с буквами П на лицевой и оборотной сторонах, размером 12—13 и 14—16 мм и весом соответственно 1,2 и 1,9 г — до этой находки не был известен. Монеты второго — с буквами П на лицевой и Х на оборотной стороне, читаемыми на πόλις Χερσῶνος — по помещенным на них буквам аналогичны экземпляру, изданному А. В. Орешниковым,¹³⁴ однако по фактуре, качеству литья и размеру значительно отличаются от него (13—14 мм, вес 1,20 г). Подобные монеты и ранее находимы были в раскопках Херсона, но из-за плохой сохранности оставались неопределенными.¹³⁵

Отсутствие в кладе монет с известными типами, выпускавшихся после 867 г., позволяет датировать клад, а следовательно, и монеты более ранним временем. Изучение самих монет подтверждает это заключение.

Монеты клада (так же, как и аналогичные монеты из раскопок) отличаются чрезвычайно плохим качеством литья, обнаруживающим неумение литейщиков, либо, скорее, низкую или неотработанную технику производства. В сделанной мной публикации клада¹³⁶ подробно описаны ряды монет, отлитых в одной форме и в разных формах с идентичными изображениями. Как удалось установить, только 3—5 монет, как правило, можно отнести к одной форме, причем последние отливки получались настолько плохого качества, что изображение на них либо искажалось, либо было уже совершенно неразличимо. Кроме того, в ряде случаев монеты с идентичными изображениями значительно различались диаметром. Эти наблюдения указывают на то, что при литье монет клада использовались мягкие недолговечные формы, а в качестве штампа — сами монеты.

Близкую к этой несовершенную технику литья мы можем наблюдать еще лишь на монетах, обычно относимых ко времени совместного правления Михаила III и Василия I. Они, так же как и монеты клада, имеют значительные колебания в весе и размере, помещавшиеся на них литеры зачастую искажаются из-за порчи формы, чрезвычайно редко встречаются экземпляры, у которых можно предполагать общий штамп или общую форму.

Производство совершенствуется вскоре после того, как Василий I завладел властью: уже первые выпуски монет нового царствования отливались, вероятно, в твердых формах. Даже в собрании Эрмитажа, при формировании которого хранители руководствовались правилом избегать дубликатов, на 30 монет насчитывается всего 6—8 штампов оборотной стороны, хотя несомненна частая смена формы: с указанным числом штампов оборотной используется большое количество штампов лицевой, а в ряде случаев, при идентичности лицевой и оборотной сторон у монет оказывается разное соотношение осей этих сторон, что также указывает на то, что две, казалось, идентичные монеты отливались в разных формах. Однако небольшая разница в диаметре, сравнительно четкие изображения, гладкая поверхность этих монет указывают на улучшение качества литья по сравнению с монетами времени Михаила III.

Второй тип монет Василия I выполнен уже в той отработанной совершенной технике, в которой отливаются все последующие монеты Херсона. Это посте-

пенное улучшение техники производства херсонских монет определяет время выпуска монет клада — незадолго до монет Михаила III и Василия I.

К такой же дате склоняют нас и особенности начертания букв. Монеты первого типа (с буквами П—П) подразделяются на две группы. К первой относятся экземпляры с литерами, выполненными небрежными тонкими линиями. Ко второй мной отнесены монеты небольшого диаметра, на лицевой стороне которых П начертано более широкими линиями, чем на монетах первой группы. Оно ничем не отличается от П на монетах Михаила III¹³⁷ и Василия I.¹³⁸ Однако П на оборотной стороне прорисовано так же, как на монетах первой группы, — небрежными тонкими линиями. И если изображения лицевой стороны, стираясь, не искажаются, то изображения оборотной, так же, как и на монетах первой группы, при порче формы, которая происходит очень быстро, приобретают совершенно неожиданные начертания. У монет второго типа, с П на лицевой и Х на оборотной стороне (в большинстве случаев очень плохой сохранности) оборотная сторона отлита в настолько стертой форме, что отнесение монет именно ко второму типу стало возможно лишь благодаря установлению связей по общей форме или штампу. Лучшей всех сохранилась монета № 428 клада, которая и позволила определить весь тип. На лицевой ее стороне помещено прекрасно выполненное П, аналогии которому находятся как на монетах клада второй группы первого типа, так и на ранее известных монетах Херсона. Оборотная сторона сильно стерта, тем не менее явственно проступает помещенная на ней буква Х. Аналогичные изображения имеет монета № 427, оборотная сторона которой отлита в общей с монетой № 428 форме либо в форме, оттиснутой общим штампом. Помещенное на ее лицевой стороне П, прочерченное тонкими линиями, ближе по рисунку к монетам первой группы первого типа. На остальных монетах второго типа Х почти не различимо, а П очень стертое, близкое по начертаниям П на монете 428.

Как уже отмечалось, монеты, на которых П выполнено широкими твердыми линиями, уверенным почерком, наиболее близки первому выпуску монет Василия I (867—868 гг., см. ниже), хотя точных аналогий отыскать не удалось. Тонко прорисованные П имеют аналогии на монетах Михаила III и Василия I. Казалось бы, это дает основание поместить их между монетами с буквами МВ и первым выпуском монет Василия. Однако краткий промежуток времени, протяженностью всего в год с небольшим, отделяющий конец правления Михаила III от коронации Константина, сына Василия I,¹³⁹ когда, можно предположить, начался выпуск уже третьего типа монет Василия, не оставляет, на мой взгляд, места для полисной эмиссии, если не считать клад единовременным чрезвычайным выпуском. Однако такому предположению противоречат находки в раскопках Херсона монет, подобных монетам клада.

Таким образом, перед нами целая группа разнотипных монет, обнаруживающая общность в технике производства и в символе, помещенном на монетах, — букве П, чтение которой как πόλις до сих пор не оспаривалось никем из ученых. Наличие нескольких типов указывает на известную продолжительность выпуска этих монет, что, следовательно, исключает возможность экстренного их литья в 867 г.

Наконец, смысл помещенных на монетах литер позволяет утверждать, что монеты были выпущены до совместного правления Михаила III и Василия I. Буквы П—Х, которые еще А. В. Орешников прочел как πόλις Χερσῶνος,

ясно указывают, что в момент выпуска этой серии в городе решающую роль играло самоуправление. Буквы П—П я затрудняюсь прочесть, однако, несомненно, что они никоим образом не могут быть привязаны к императорским именам или титулам и скорее также заключают какие-то термины муниципальной организации. Со времени же правления Михаила III и Василия I на одной из сторон херсонских монет стали постоянно помещать инициалы имен императоров. Монеты без таких инициалов должны быть отнесены к предшествующему времени. Приписать же их моменту какого-нибудь неизвестного нам события, недалеко отстоящего от начала правления Василия I, связанного с защитой херсонцами полисных свобод, невозможно, так как полисные монеты не были экстренным единовременным выпуском.

Итак, остается допустить, что эмиссия описанных выше полисных монет производилась перед 867 г., однако незадолго до этой даты, на что указывает близость техники производства и типа данных монет и монет с буквами МВ и первого выпуска Василия I. Кажется, что начало ее можно связать с созданием фемы Климатов (836 г.), от периода существования которой сохранились и другие памятники полисной организации управления городом. Возможно, что реорганизация всего финансового и налогового хозяйства Херсона, связанная с введением фемы, и послужила одним из толчков к новому выпуску монет в Херсоне. В. А. Анохин датирует эти монеты концом VIII — первой третью IX в.,¹⁴⁰ поскольку, по его мнению, с момента создания фемы в Херсоне начали выпускать монеты с именами императоров (см. ниже).

Как указывалось выше, наряду с монетами, подобными кладовым, в Херсоне находят экземпляры с теми же буквами П и Х, но хорошего качества отливки и большего веса и размера. Техника производства и метрологические данные заставляют сопоставить их с монетами конца правления Василия I — начала царствования Льва VI. Этот очень небольшой выпуск (известно лишь несколько экземпляров подобных монет) может быть связан с попыткой Херсона восстановить полисное правление, однако более точную дату этой эмиссии предложить трудно: начертание литер П и Х на данных монетах очень традиционно (ср. монеты Юстиниана I с монограммой города и выпуски XI—XIII вв. с монограммой № 26) и не позволяет определить место данных монет в монетном ряду конца IX—начала X в.

Монеты с литерами А, П, М и крестом на обороте

Среди допаспортизованных монет Херсонесского музея хранится несколько монет с буквой П на одной из сторон и крестом на обороте, по качеству литья сходных с кладовыми. Экземпляр лучшей сохранности издан еще в 1908 г. А. В. Орешниковым.¹⁴¹ Им же была издана монета с альфой на лицевой и равноконечным крестом на обороте, и другая — с бетой на лицевой и напрестольным крестом,¹⁴² оказавшаяся продукцией фальшивомонетчика. В 1977 г. В. А. Анохин опубликовал две монеты, на лицевой стороне которых помещена М, а на оборотной — точно такой же крест, как на монетах с альфой.¹⁴³ В. А. Анохин считает все монеты с буквами П и А, в том числе и описанные в предыдущем разделе, полисной эмиссией, выпускавшейся параллельно с монетами, несущими

щими инициалы императоров Василия I и Михаила III, и расшифровывает помещенные на них обозначения как начальные литеры слов архонт и протевон. Монеты же с буквой М он считает вторым выпуском монет Михаила III, одновременным с названными полисными.

Такое объяснение недостаточно обосновано. Мало вероятно, чтобы в одном и том же византийском городе выпускались монеты от имени двух властей (по весу и диаметру монеты этих «параллельных линий» настолько мало разнятся между собой, что не могут быть рассматриваемы как разные номиналы), но даже если допустить такую возможность, совершенно необъяснимы разные способы изготовления монет (по мнению В. А. Анохина, некоторые из так называемых полисных, опубликованных им монет — чеканены) и принципиально разное начертание литер М и А на императорских и полисных, которое не может быть следствием работы разных гравиров.

Делать какие бы то ни было заключения об этой группе монет преждевременно, пока не будет выяснено, действительно ли среди них имеются чеканенные экземпляры. Чеканка будет свидетельствовать о более ранней, чем IX в., дате этой группы монет или о том, что перед нами продукция другого монетного двора, хотя и находившегося в тесном контакте с херсонским. Последнее предположение объясняет параллелизм в выпусках, особенности шрифта, а также датировку монет с буквами ВА на лицевой и К, Т, Ω на оборотной, приписываемых Василию II и Константину VIII¹⁴⁴ или Василию I с Константином,¹⁴⁵ и не кажется невероятным, даже если выяснится, что сведения о чеканенных экземплярах — ложны.

Итак, возобновивший свою деятельность после перерыва, длительность которого точно установить в настоящее время не представляется возможным, монетный двор Херсона начал выпускать сначала монеты с девизом города. Сравнение со сфрагистическим материалом (см. ниже) позволяет считать, что эта эмиссия могла производиться в период существования фемы Климатов, когда в городе продолжалось муниципальное правление под контролем стратига фемы. С 867 г., т. е. со времени совместного правления Михаила III и Василия I, содержание легенды херсонских монет меняется — появляется имя византийского императора, которое через год становится и единственной надписью на монетах Херсона.

МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ ХЕРСОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX—X ВЕКА

Монеты с монограммой $\overline{\text{T}}\text{H}$ и литерами МВ

Первыми монетами IX в., на которых читается имя императора, являются небольшие памятники с литерами МВ, которые с момента их публикации относили к совместному правлению Михаила III и Василия I,¹⁴⁶ однако В. А. Анохин предложил датировать их временем царствования Михаила III.¹⁴⁷

Возможность видеть в литере В начальную букву слова βασιλεὺς рассматривалась еще Б. В. Кене, который пришел к выводу, что такое чтение невозможно, так как на монетах Херсона IX—X вв. никогда не употреблялся этот титул.¹⁴⁸ В. А. Анохин, не опровергая аргументацию Б. В. Кене, объясняет такую аномалию в херсонском монетном деле необходимостью отличить букву М —

начальную букву имени — от цифры М, помещавшейся на византийских монетах в течение трех с половиной столетий — с правления Анастасия I (491—518) до Феофила (827—842). Однако нужно помнить, что и бета была не только буквой, но и цифрой, и помещение ее рядом с М, если бы М для херсонцев была привычным обозначением номинала, внесло бы только путаницу в установившиеся представления о стоимости монеты. Напротив, именно потому, что херсонские малые номиналы никогда не несли обозначения стоимости, а непосредственные предшественники данных монет имели буквенные легенды, для херсонцев и литеры МВ не представлялись загадкой, требующей объяснения.

Не работает на гипотезу В. А. Анохина и предложенная им расшифровка изданной Л. Н. Беловой¹⁴⁹ монеты с монограммами № 9 на лицевой и № 8 на оборотной стороне, которая, по мнению В. А. Анохина, доказывает, что на первых выпусках херсонских монет с именами императоров ставились и титулы.

Монограмма одной из сторон этой монеты совершенно ясна: № 8 — *πόλις*. Другую монограмму В. А. Анохин читает как имя императора Феофила и его титул *Dominus Noster Theophilus*.¹⁵⁰ Однако такую интерпретацию трудно принять по многим причинам.

На изданной Л. Н. Беловой фотографии четко видны буквы ТН и над ними Н. Слева от Н Л. Н. Белова усмотрела букву О, которая на фотографии не видна и которую В. А. Анохин и принимает за D. На эрмитажном экземпляре и известном мне по протирке экземпляре из частной коллекции слева вверху видна черточка, которая производит впечатление натека, получившегося из-за порчи формы. Решает вопрос о составе монограммы хранящийся в ГИМе экземпляр того же штампа (или формы), что и описанные выше, но хорошей сохранности. На нем четко видно, что над буквами ТН есть только одна литера Н. Таким образом, отпадает предложенное В. А. Анохиным чтение монограммы как титула императора.

Другая часть монограммы — буквы ТН — тоже не может быть расшифрована так, как предлагает В. А. Анохин: В. А. Анохин исходит из современного написания имени Феофила в странах с латинским алфавитом; в византийское же время на всех монетах, в том числе и выпущенных в Италии, где больше всего можно было бы ожидать появления латинского шрифта, имя Феофила начинается с теты. С теты начинались и имена Феодоры и Феклы, соправительниц Михаила III в годы его малолетства. Поэтому ни одному из этих трех правителей нельзя приписать изучаемые монеты.

Чтобы понять эту монограмму, нужно исходить из логики построения монограмм в Херсоне этого времени, которая оказывается очень несложной. Наиболее близкий интересующему нас вариант — сокращение слов ПОЛИС ХЕРСОН на монетах Михаила и Василия I. В ней левую часть поля кружка занимает первая буква первого слова, над которой размещается следующая, значительно меньшей величины. Рядом с первой буквой, справа от нее, стоит почти равная ей по высоте литера Х — первая буква названия города.

Другой вариант построения монограммы можно видеть на монетах Василия I и Константина, где инициал имени правящего императора занимает центр кружка, а литеры К Ω — первые две буквы имени его сына-соправителя в половину меньше, чем В — размещаются по сторонам центральной. Третий вариант представляют монеты Льва VI и Александра, на которых помещены рав-

ной величины инициалы братьев-соправителей, причем ламбда, с которой начинается имя старшего из братьев, стоит слева.

Еще один вариант дают сами интересующие нас монеты: начало слова *πολις* построено так же, как на монетах Михаила III и Василия I, т. е. крупная Π, над которой размещено небольшое Ο, но справа вместо буквы Χ (ХЕРСОН) стоит третья буква слова ПОЛИС, Λ, которая оказывается равной по величине букве Ο.

Основываясь на описанных выше наблюдениях, мы можем предполагать, что в монограмме заключены два слова, из которых первое начинается на Т, а второе — на Н.

Чтение Н как *Ἡράκλεια* очень заманчиво — оно позволило бы и в монетах с двумя Π видеть эмиссию небольшого лежащего близ Херсона города. К сожалению, такая интерпретация не имеет под собой никаких известных исторических фактов и сведений. Поэтому пока остается предполагать, что в интересующей нас монограмме заключены неизвестные нам имена, названия или термины. Среди них нельзя, однако, подобрать ни одного императорского имени.

Отсутствие императорского имени на монете, а также фактура и плохая техника производства роднят эту монету с монетами описанного выше клада, но более сложное построение монограммы позволяет считать ее следующим за описанными в предыдущем разделе выпуском, непосредственно предшествующим монетам с буквами ΜΒ.

Отвергая предложенную В. А. Анохиным расшифровку монограммы № 9, мы тем самым отвергаем и единственную аналогию, предложенную В. А. Анохиным чтению литеры Β как титула императора на монетах с буквами ΜΒ. В пользу отнесения монет с буквами ΜΒ к царствованию Михаила III может быть высказан только один аргумент — оно снимает резкий пик интенсивности выпуска монет в Херсоне, приходящийся на 867 г., если придерживаться общего принятого определения этих монет: эмиссию, которая приписывается одному году, следовало бы распространять на двадцать предшествующих лет. Однако этот аргумент в настоящее время не может быть решающим, так как не изучена интенсивность выпусков монет в Херсоне по годам. По предварительным подсчетам, такой же пик может приходиться и на первый год правления Василия I. Поэтому, мне кажется, в настоящий момент нет достаточных оснований, чтобы принять предложенную В. А. Анохиным новую атрибуцию монет с буквами ΜΒ.

Василий I (867—886)

Атрибуция монет Василия I не вызывает никаких сомнений: со времени де Сольси к правлению этого царя относят без колебаний монеты с буквой Β.¹⁵¹ Известны два типа монет, причем второй — в двух вариантах, хотя и незначительных, но позволяющих говорить о двух выпусках.¹⁵²

На монетах первого типа на лицевой стороне помещена бета, которая расшифровывается как имя императора, на оборотной — буквы π и ομικрон, которые рассматриваются как первые буквы слова «полис». Справа от π помещается крестик, родившийся из буквы χι. Среди монет этого типа значительно больше единообразия в начертании букв на лицевой и оборотной сторонах, чем на монетах предшествующих выпусков. Однако полной унификации, которую можно

отметить для монет X в., еще нет. Например, на монетах № 3553 и 3560 эрмитажного собрания литера П имеет начертания, близкие написанию этой буквы на монетах с монограммой МВ. Другие монеты по начертанию пи приближаются к монетам вышеописанного клада.

На ряде монет П маленькое с длинной горизонтальной чертой, концы которой утолщаются и загибаются кверху.

Столь же разнообразны начертания буквы В на лицевой стороне. На некоторых монетах она с широкой верхней петлей и без соединения с вертикальной чертой (№ 3553 и 3560), на других, напротив, этот элемент узкий, вытянутый. Наиболее же распространены монеты, где верхняя и нижняя части пропорциональны и перемычка между ними смыкается с вертикальной чертой.

Неустойчивость начертания букв и близость некоторых из них начертанию литер на монетах клада, а также помещение на обороте буквы П позволяет считать данные монеты наиболее ранними в монетной эмиссии Василия I.

Несмотря на разнообразие, все буквы В имеют общий элемент, присущий и монетам следующего типа, — нижнюю горизонтальную черту, выступающую за пределы вертикальных линий. Этот признак настолько постоянен на монетах времени Василия I, что его можно рассматривать как датирующий.

Монеты первого типа достаточно многочисленны, однако они выпускались очень непродолжительное время — с начала царствования Василия I до коронации его сына Константина, т. е. с сентября 867 по ноябрь 869 г., когда стали лить монеты с монограммой Василия I и Константина (№ 16) на лицевой и шестиконечным крестом на четырех ступенях — на оборотной стороне.

Атрибуция монет с инициалами Василия и Константина со времени их первого прочтения не вызывала сомнений: их всегда относили к совместному правлению Василия I и его сына Константина.¹⁵³ Однако В. А. Анохин высказал мнение, что они должны быть датированы временем Василия II и Константина VIII,¹⁵⁴ поскольку на них помещен такой же крест, как на монетах с монограммой № 26, отнесенных мной к концу XI—XIII в.,¹⁵⁵ а В. А. Анохиным — к царствованию Романа III или Романа IV.¹⁵⁶

В. А. Анохин обращает внимание на то, что монеты с монограммой № 16 не встречаются в кладах совместно с несомненными монетами X в., выводя из этого факта заключение, что они, следовательно, не участвовали в денежном обращении Херсона X в. С другой стороны, они и по типу креста, ободку и, главное, по весу близки монетам с монограммой № 26, в то время как в X в. ни при одном из императоров в Херсоне не выпускали такую крупную монету.

Действительно, внешнее сходство монет Василия и Константина с анонимными с монограммой № 26 настолько броско, что кажется логичным связать оба типа в близкую по времени группу. Однако приведенных аргументов мало, чтобы произвести перемещение монет с монограммой № 16 из девятого столетия в одиннадцатое.

Во-первых, одного отсутствия монет крупного диаметра и более тяжелого веса в кладах иного метрологического состава недостаточно, чтобы отрицать их совместное обращение. Важно отсутствие их и в тех редких, точно датированных археологических слоях, которые не позволяют определить и находимые в них вещи более поздним временем, чем X в. Если археологические открытия подтверждают отсутствие монет с монограммой № 26 в обращении X в. (о чем речь будет ниже), то о монетах Василия и Константина этого сказать нельзя.

Например, на полу помещения 9а (раскопанного в 1931 г.), где было найдено 73 монеты X в., оказались и интересующие нас монеты Василия и Константина.¹⁵⁷ Это помещение — одна из тех редких удач в раскопках Херсона, когда слой IX—X вв. четко отделен от последующего строительного периода мощной засыпью, которая не прорезана насквозь ни одним позднесредневековым фундаментом. Пол помещения находился почти на скале — в 6—10 см выше скалы, — стены же покоились на остатках стен эллинистического времени. Найденные монеты лежали на полу в слое пожарища, так что нет сомнения, что они попали туда одновременно в момент разрушения здания.

Таким образом, эта находка прежде всего опровергает мнение В. А. Анохина о том, что монета с монограммой № 16 выпускалась после разрушения Херсона в конце X в. Однако она не исключает еще возможности выпуска монет до разрушения Херсона, но все же при Василии II (в помещении были найдены обычные херсонские монеты Василия II, а также анонимные фоллисы константинопольского монетного двора, чеканившиеся при этом императоре). Чтобы принять или отвергнуть такую вероятность, следует изучить монетные изображения, так как иного способа установить хронологию монет IX—X вв. у нас нет.

Херсонские монеты с именем одного Василия II имеют и на лицевой и на оборотной сторонах крестообразные монограммы. Крестообразные монограммы господствовали в монетном типе Херсона со времени Романа I, однако это не исключало периодического появления монограммы иного вида или просто первых букв имени императора (например, монеты Константина VII).¹⁵⁸ Поэтому мы не можем принимать форму монограммы как датирующий признак.

Форма креста также, на мой взгляд, не является уникальной или характерной для какого-то определенного отрезка времени: впервые появившись на монетах Василия I, шестиконечный крест на Голгофе исчезает уже к концу эмиссии этого императора, но вновь возникает в XI в. на монетах с монограммой № 26, причем начертания их настолько близки, что кажутся оттиснутыми одним штампом. Поэтому мне представляется более достоверной датировка по форме букв.

Монограмма лицевой стороны интересующих нас монет состоит из трех литер — В, К, Q. Хотя консервативность в технике изготовления монет и в начертании букв чрезвычайно велика в Херсоне, как и вообще в средние века, все же можно выделить какие-то особенности письма в небольшие отрезки времени. В частности, из тех трех букв, которые присутствуют в указанной монограмме, в К мне не удалось заметить каких-либо изменений в течение столетия, что же касается букв В и Q, они, несомненно, дают датирующий материал.

Бета, помимо присутствия в дискуссионной монограмме, встречается на монетах времен Михаила (литеры MB), Василия I, Романа II и Василия II. На первых бета имеет очень простые начертания: два полукружия, прислоненные к вертикальной черте. На всех монетах времени Василия I, несмотря на многообразие форм, литера В, как было отмечено, имеет одну общую деталь: нижняя горизонтальная черта далеко выступает за пределы вертикальных элементов буквы. Во времена Василия II выступающая за пределы вертикальных линий горизонтальная черта не употребляется ни в нумизматике, ни в сфрагистике, в том числе и на монетах Херсона. В изучаемой же монограмме

бета написана с длинной горизонтальной чертой, что свидетельствует в пользу датировки монеты IX в.

К такой же дате склоняет нас и начертание омеги: на монетах с монограммой № 16 средняя черта сделана у нее в виде петельки. Такое начертание этой буквы встречается на херсонских монетах Романа I с погрудным изображением, на некоторых из его монет с крестообразной монограммой первого и второго типов,¹⁵⁹ а также на монетах Константина VII с погрудным изображением на лицевой стороне, т. е. на монетах, выпускавшихся до 40-х гг. X столетия. Напротив, на монетах Константина VII с изображением креста средняя черта уже не образует петельки, почти всегда без петли омега в монограммах на монетах Константина VII и Романа II, в монограмме имени Иоанна Цимисхия. Таким образом, и этот элемент монограммы свидетельствует о том, что монеты с монограммой № 16 не относятся ко второй половине X в.

Итак, имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении факты не позволяют исключить монеты с монограммой № 16 из числа херсонских выпусков IX—X вв. Палеографические признаки, еще более ограничивающие возможную дату дискуссионных монет (не позднее 40-х гг. X в.), оставляют лишь одну возможную датировку — временем Василия I и Константина, т. е. 869—879 гг.

Вероятно, в этот же период или сразу вслед за ним выпускалась часть второго типа монет с инициалом одного Василия на лицевой стороне, на оборотной стороне которых вместо девиза *πόλις Χερσώνος*, помещавшегося на монетах первого типа, присутствует крест, который является полной аналогией креста на монетах Василия I и Константина. Литера В на монетах этого варианта второго типа также чрезвычайно близка начертанию этой буквы на монетах Василия I и Константина.

Второй вариант этого же типа отличается иным начертанием буквы В и креста. Четырехконечный крест на Голгофе с небольшими перекрестиями на концах, помещавшийся на монетах второго варианта, является вторым образцом креста, который в дальнейшем попеременно с первым присутствует на монетах Херсона.

Монеты второго варианта второго типа являются последними в монетной эмиссии Василия I.

Лев VI (886—912), Александр (886—913)

Василию I наследовали два его сына, коронованные еще при жизни отца, хотя практически правил страшший из них — Лев VI. Поэтому в период правления Льва выпускались монеты как с именем одного правящего императора, так и с именами обоих братьев соправителей.

В нумизматике Херсона время Льва VI представляет, пожалуй, наиболее ясный период. Буквы ΛΕ, а затем ΛΑ указывают на уникальные имена царей Македонского дома — Льва VI и его брата Александра, поэтому со времен де Сольси монеты с этими буквами прочно закрепились за названными императорами.¹⁶⁰ Можно лишь попытаться уточнить их относительную хронологию, что, однако, является весьма сложной задачей.

Несомненно, что наиболее ранним, первым выпуском этого царствования нужно считать монеты с буквами ΛΕ на лицевой стороне, где Λ изображена

с длинной горизонтальной чертой вверху, тогда как широкий четырехконечный крест на оборотной их стороне имеет те же начертания, а иногда оттиснут тем же штампом, что и крест на последнем выпуске монет Василия I.¹⁶¹

Крест того же вида, но другого штампа можно видеть на монете Льва и Александра как первого типа с буквами ΛΑ,¹⁶² так и второго типа, с теми же буквами, но расположенными по сторонам шестиконечного креста на Голгофе.¹⁶³ Второй тип хронологически более поздний, так как четырехконечный крест на них, как правило, более стертый. Введение нового элемента в привычный тип также говорит в пользу более поздней даты этих монет.

Наконец, последними, вероятно, были выпущены монеты с буквами ΛΕ по сторонам шестиконечного креста на оборотной и погрудным изображением императора на лицевой стороне.¹⁶⁴ В. А. Анохин, отмечая разный диаметр монет с идентичными изображениями, считает возможным выпуск некоторых экземпляров первого типа — после четвертого (причем, в качестве штампа, по его мнению, были использованы монеты).¹⁶⁵ Это заключение не кажется достаточно обоснованным: при использовании монет в качестве штампа редукция могла произойти довольно быстро в процессе литья первого выпуска, а новый тип восстанавливал первоначальный размер монет.

Следует особо отметить монеты Александра, выпускавшиеся в единственный год его самостоятельного правления.¹⁶⁶ В. А. Анохин предложил читать альфу, помещенную на одной из сторон, как первую букву слова *ἄρχων* и отнес этот тип к полисным выпускам времени Михаила III. Однако, судя по техническому исполнению этих монет, они могли быть выпущены после царствования Василия I, так как в начале правления этого императора, как отмечалось выше, продолжалось литье еще довольно несовершенными методами. Кроме того, начертание альфы на этих монетах почти такое же, как на монетах Льва VI и Александра — отсутствует только долгая горизонтальная черта вверху. Но если обратить внимание на то, что на монетах времени Льва VI в эволюции литер Λ и Α можно наблюдать сокращение, укорачивание именно этого элемента (при предложенной нами хронологической последовательности, строящейся на эволюции креста), то альфу без долгой горизонтальной черты следовало бы поставить в конец ряда, что и получается при отнесении монет с литерами Α — ΠΧ ко времени Александра. Что же касается девиза оборотной стороны этих монет, — полис Херсон, который В. А. Анохин считает невозможным в это время, то, хотя нам слишком плохо известна история Херсона, рассказ Константина Порфирородного позволяет допустить попытки восстановить полисные свободы в Херсоне и после создания фемы. Нам до сих пор неизвестны медные монеты императора Александра, чеканенные на монетном дворе Константинополя. Херсонский выпуск подчеркивает известную независимость монетного чекана этого города от «установок» центрального правительства. Может быть, правда, что эта независимость была связана с возродившимися ненадолго полисными привилегиями, символ которых появился на монетах Александра в виде названного выше девиза «полис Херсон».

Следующее за смертью Александра пятидесятилетие, в течение которого на византийском троне находился Константин Порфирородный с несколькими сменявшими друг друга соправителями, представляет большие трудности для датировки монет Херсона из-за хронологической чересполосицы правлений императоров с одинаковыми именами. Во-первых, сам Константин дважды царствовал единолично, но лишь по несколько месяцев: в 919—920 гг., в период между изгнанием его матери, регентши Зои, и коронацией Романа I и в 944 г. после низложения сыновей Романа Лакапина. В оба эти момента в Херсоне могли выпускаться монеты только от его имени (как в Константинополе). Во-вторых, тот же Константин имел по очереди двух соправителей с одинаковыми именами: своего тестя — Романа I Лакапина (920—944), а затем сына, Романа II (945—959). В третьих, хотя Роман I считался всего лишь соправителем законного императора, однако, благодаря обладанию фактической властью, узурпировал право выпускать монеты лишь с одним своим именем. С другой стороны, Роман II, хотя и недолго, но правил единодержавно, следовательно, можно ожидать монеты с его именем. Между тем из продукции константинопольского монетного двора этого правления лишь недавно стали известны всего две монеты (обе золотые¹⁶⁷). Указанная сложность периода обусловила то, что многие монеты именно этого времени оказались неправильно определенными.

Одной из нерешенных загадок являются монеты с погрудными изображениями царствующих особ на лицевой и оборотной сторонах и инициалами ρ—ο и χ—ρ. Известно четыре типа монет с погрудным изображением императоров X в.: 1) с погрудным изображением на лицевой стороне и монограммой № 24 — на оборотной; 2) с погрудным изображением на лицевой и монограммой № 21 — на оборотной; 3) с погрудным изображением как на лицевой, так и на оборотной стороне; 4) с такими же изображениями и буквами ρ—ο на лицевой и χ—ρ — на оборотной — по сторонам изображений. Первой стала известна монета с монограммой № 21, впервые изображенная в альбоме Л. Векселя,¹⁶⁸ а затем вновь изданная Ф. де Сольси в упоминавшемся выше труде.¹⁶⁹ Каппа и омега не оставляли сомнения в принадлежности данных монет Константину VII. Монета была датирована вторым единоличным правлением Константина (944). Затем Ю. Сабатье издал монету с двумя погрудными изображениями, которую он приписал Константину VII и Роману II.¹⁷⁰ Как можно предполагать, исходя из высказываний Б. В. Кене,¹⁷¹ основанием для такой атрибуции послужило сходство изображений на данной монете и изданной де Сольси монете Константина VII.

Вслед за монетой, на которой находились изображения двух правителей, Б. В. Кене опубликовал другую с погрудным изображением императора на лицевой и монограммой № 24 на оборотной стороне.¹⁷² Поскольку монограмма указывала на принадлежность данной монеты одному из Романов, а изображение на вновь открытом памятнике имело полную аналогию в изображении лицевой стороны монеты, приписанной Константину VII и Роману II, автор публикации отнес свою находку Роману II. Более того, Б. В. Кене писал, что «судя по сходству с описанною общею монетою Романа и отца его, эта монета относится к первому времени царствования Романа».¹⁷³

Таким образом, рассматривая историю публикаций монет с портретным изображением, можно констатировать логическую обоснованность предлагавшихся атрибуций: видя стилистическое и типологическое сходство данных монет, авторы публикаций не могли разделить их хронологически и объединили в одну временную группу.

Логичность построения нарушилась, когда А. В. Орешниковым была найдена и опубликована монета с такими же погрудными изображениями правителей, как на приписывавшихся Константину VII и Роману II, но с буквами ρ — θ на лицевой и χ — ρ на оборотной стороне, размещенными по сторонам изображений.¹⁷⁴ Монограммы показывали, что эти монеты могли принадлежать только Роману I и Христофору — других правителей с такими инициалами, правивших совместно, в Византии X в. не было. Издатель, естественно, обратил внимание на большую близость данных монет как по типу, так и по исполнению, монетам, приписываемым Константину VII и Роману II. Отказавшись от принятой ранее атрибуции последних, он предложил новую: «Хотя монета букв не имеет, — писал он, — но сходство изображений с предыдущей монетой позволяет отнести ее Роману I и Христофору».¹⁷⁵

Ни первый издатель монет с двумя погрудными изображениями, ни А. В. Орешников не обратили внимание на то, что одна из особ, представленных на монетах, изображена в короне с зубцами, которая в византийской иконографии всегда отличала царствующую императрицу. Такую корону можно видеть на императрице Феодоре, жене Юстиниана I, на знаменитой мозаике в церкви Сан Витале в Равенне¹⁷⁶ и на императрице Зое, дочери Константина VIII, на мозаике в Софийском соборе в Константинополе.¹⁷⁷ На монетах VI—XI вв. во всех без исключения случаях византийские императрицы изображались в коронах с зубцами или выступами.¹⁷⁸

В Херсоне было помещено изображение императрицы на описанных выше монетах конца VI—начала VII в. — и в этих случаях отличительным элементом одеяния царицы была корона с зубцами.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что и на монетах Херсона X в. с погрудными изображениями резчик штампа изображал на оборотной стороне императрицу и, следовательно, монеты выпускались от имени императора и императрицы. В статье, опубликованной в 1967 г., я приписала монеты с двумя погрудными изображениями без инициалов Константину VII и Зое (914—919), оставив Роману I и Христофору такие же монеты с их инициалами ρ — θ и χ — ρ .¹⁷⁹

Однако эта атрибуция породила новые проблемы. На монетах с погрудными изображениями и инициалами Романа I и Христофора фигура, по сторонам которой стоят начальные буквы имени Христофора, также представлена в женской короне, чему я не могла найти удовлетворительного объяснения. Это дало основание В. А. Анохину предложить иную атрибуцию обоих типов монет.

Принимая за доказанное, что на одной из сторон этих монет изображена императрица, он предлагает монеты без букв относить Константину VII и его жене Елсепе, а с монограммами — Константину VII, Елсепе, Роману I и Христофору.¹⁸⁰ Предложенное В. А. Анохиным толкование кажется решающим вопросом. Однако наблюдения над традициями в монетном деле Херсона рождают сомнения в правильности такой интерпретации.

Монеты с инициалами Романа I и Христофора очень редки: нам известно всего пять экземпляров этого типа: два в Эрмитаже, два в Херсонесском музее и один в ГИМе в Москве. На всех без исключения экземплярах буквы ρ—ο, находящиеся по сторонам изображения императора, представленного в плаще, в короне с тремя расходящимися лучами, выступают над слегка или сильно стертым изображением. Ту же особенность можно наблюдать и на оборотной стороне: рельеф находящегося там погрудного изображения царствующего лица (в лоре, в короне с зубцами) ниже, чем рельеф букв, и тем не менее более стертым оказывается изображение, а не буквы. Такое явление совершенно невозможно при естественном снашивании монеты в процессе обращения. Оно может иметь лишь одно объяснение: для изготовления форм этих монет были использованы старые, уже стершиеся штампы либо старые формы с изображениями, дополненные затем прорисовкой букв, которые в форме оказались глубже, а на монете — рельефнее старого сносившегося затертого изображения.

Лучшим доказательством правильности такого предположения была бы находка монет обоих типов с абсолютно идентичными изображениями царствующих особ. К сожалению, особенность литья заключается в том, что даже отлитые в одной форме монеты имеют некоторые, иногда существенные, различия. Тем меньше надежды выявить абсолютно идентичные среди тех небольших выпусков, которые нас интересуют. И все же ряд монет показывает если не общую форму, то общую основу, может быть, общий штампик, с помощью которого оттискивалось изображение в форме. Такую общую основу для оборотной стороны монеты с инициалами Романа I и Христофора из Херсонесского музея мы находим на монете с двумя изображениями без инициалов, принадлежащей тому же музею. Детали изображения на них почти одинаковой величины, совершенно одинаково расположены, свободное поле на монете без инициалов точно соответствует пространству, занятому буквами χ—ρ на монете Романа I и Христофора. Как и следовало ожидать, форма, в которой отлита монета без букв, была новее, чем форма монеты с буквами.

Изображение, идентичное лицевой стороне монет Романа I и Христофора, не встречается ни на одной из монет с двумя изображениями без букв, но мы неожиданно находим его на монетах, приписывавшихся А. В. Орешниковым и его предшественниками Роману II (два экземпляра из Эрмитажа с монограммой Романа и упомянутая выше монета Романа и Христофора из Херсонесского музея). Совершенно одинаковые изображения на всех трех монетах оказываются равной величины, одинаково расположенными, свободное поле на лицевой стороне монет Романа с монограммой № 24 соответствует пространству, занятому буквами ρ—ο на монете Романа I и Христофора. Однако изображение на монете Романа и Христофора более стертое, чем на монетах одного Романа.

Этот факт решает вопрос, которого до сих пор мы касались лишь мимоходом, и указывает на возможное объяснение проблемы монет с погрудными изображениями на обеих сторонах.

Во-первых, совершенно бесспорно устанавливается, что монеты с погрудным изображением на одной из сторон и монограммой № 24 на другой, которые со времени их издания приписывались Роману II (959—963), на самом деле лились до совместного правления Романа I и Христофора. Христофор умер в 931 г., следовательно, у нас не остается сомнений, что монеты, выпущенные ранее

монет с его именем и несущие монограмму имени Романа, могут принадлежать только его отцу, Роману I, вступившему на престол в 920 г.

Во-вторых, также бесспорно устанавливается, что для отливки монет Романа I и Христофора была использована лишь одна половина формы, употреблявшейся для отливки монет с двумя погрудными изображениями без букв. Причем особенно надо подчеркнуть, что отнята была половина с изображением Константина и заменена половиной от другой формы, ранее использовавшейся для отливки монет именно Романа I. И на этой форме с изображением Романа I были дополнительно начертаны две первые буквы его имени. Причем, чтобы вписать эти буквы в оставшееся свободное поле, монетчик допустил совершенно явную ошибку. Как известно, имя Романа пишется через омегу, а не через омикрон. На всех херсонских монетах с именем Романа (кроме дискуссионных) в монограмму включалась омега. Объяснить «неграмотность» изготовителя форм монет Романа и Христофора можно только тем, что в поле, где должна была быть помещена буква, оставалось мало места для омеги, так как при изготовлении изображений не рассчитывали на размещение в поле каких-либо символов.

Если принять предложение В. А. Анохина, что на монетах с погрудными изображениями (без букв) представлены Константин и Елена, а на монетах с монограммами $\rho-\omega$ и $\chi-\rho$ Константин, Елена, Роман и Христофор, было бы естественно ожидать, что для отливки последних будут взяты формы с хорошо известными изображениями Константина и Елены, которые могли начать выпускать лишь за два года до коронации Христофора: Елена стала женой Константина лишь в 919 г. Между тем для монет Романа I и Христофора соединены формы от двух различных выпусков, и, там, где стоят буквы $\rho-\omega$, изображен именно Роман. На наш взгляд, тем самым подчеркивается, что Роман, а не Константин изображен на этой стороне монеты. Это двойное подчеркивание не может быть случайностью: монетчики явно хотели отличить изображение Романа от изображения Константина на сходных монетах. Но если на одной из сторон изображен только Роман, то становится неприемлемой гипотеза В. А. Анохина, по которой рядом с буквами $\rho-\omega$ должно быть изображение Константина, а рядом с инициалами Христофора — изображение Елены. В результате, исчезают основания видеть и на монетах без букв Константина и Елену. Это дает нам право вернуться к своему толкованию монет без букв с погрудным изображением императора и императрицы.

Нам известно лишь одно женское изображение начала X в., — это помещавшееся на константинопольских монетах изображение Зои, матери-регентши малолетнего Константина VII. Именно ее вместе с Константином мы и видим на херсонских монетах с двумя фигурами, но без букв.

Если же на подобных монетах литеры $\rho-\omega$ сопровождают изображение Романа, то остается нерешенным вопрос, чье изображение сопровождают буквы $\chi-\rho$, а следовательно, и к какому времени следует отнести эти монеты.

В. А. Анохин упрекает меня в том, что я, постоянно обращаясь за сравнениями к монетной истории метрополии, стремлюсь, как он выражается, «втиснуть в прокрустово ложе константинопольской чеканки монетное дело Херсона». Мне кажется, мой оппонент не совсем справедлив, делая такой упрек. Тем более, что сам использует сравнение с константинопольской чеканкой во всех затруднительных случаях. Сравнение — метод, который бывает неизбежен при отсутствии дополнительных источников местного происхождения. Я не

отрицаю своеобразие Херсона, но как постараюсь показать дальше, при всем своеобразии Херсон был городом Византийской империи и подчинялся основным ее законам и тенденциям развития.

В монетном деле проявляется и связь города со всей империей и его обособленность. Осознание жителями себя как подданных империи, подчинение херсонской власти требованиям византийского двора выражаются в том, что на монетах города помещаются имена византийских правящих императоров. Проявлений своеобразия несравненно больше: необычная техника (литье), особый вес и, возможно, стандарт и названия монет, не говоря уже о таком уникальном случае в истории средневековой Византии, как полисные монеты.

Некоторые отклонения от византийских образцов можно обнаружить и в списке имен императоров, представленных на монетах, но такие случаи исключительно редки. На монетах Херсона называются главные, правящие императоры, имена которых помещаются на константинопольских фоллисах. Нет только монет, где были бы имена Василия I и Льва VI во время их совместного правления. Напротив, имеются монеты Александра, а также Романа II и Василия II, константинопольских фоллисов которых до сих пор не найдено.

За исключением этих кратковременных правлений, которые в общей сложности составляют четыре года и которые до недавнего времени были белыми пятнами в византийской нумизматике, в более чем столетней истории третьего периода деятельности херсонского монетного двора существует еще только один случай, который может быть отклонением от константинопольского образца: это интересующие нас монеты с именем Христофора и Романа: фоллисов с именем Христофора в Константинополе не выпускалось.

Однако следует обратить внимание на то, что существуют коронационные золотые монеты Христофора, выпущенные в Константинополе, которые тоже являются необыкновенными памятниками: на них представлены только Роман I и Христофор, а имя первого, законного императора Константина VII даже не упоминается. Невольно с этим фактом в монетной истории Византии связываются и загадочные монеты Херсона.

У. Рос¹⁸¹ рассматривал возможность выпуска «коронационных» монет Христофора не по случаю его коронации, а в связи с выходом замуж за болгарского царя его дочери в 927 г. Это был момент, с которого Христофор начал ставить свою подпись выше подписи законного императора Константина VII. Однако У. Рос отказался от такого предположения, изучив иконографию на монетах: на коронационных номисмах Христофор изображен безбородым, на остальных же, даже на тех, где он еще стоит ниже Константина, представлен бородатым. Это чрезвычайно важный датирующий момент. Он доказывает, что коронационные монеты выпускались задолго до того, как Христофор поднялся над Константином VII в иерархической лестнице, т. е. до 927 г.

Заманчиво усмотреть в херсонских монетах с монограммами Романа I и Христофора подтверждение первого предположения У. Роса и видеть в женском изображении, помещенном рядом с инициалами Христофора, изображение его дочери. Однако мне кажется, от этого толкования дискуссионных херсонских монет приходится отказаться.

По аналогии с лицевой стороной этих же монет, где изображение соответствует надписи, нужно предполагать, что и на оборотной стороне изображение должно соответствовать надписи, т. е. оно должно представлять Христофора. Выпуск

монет Романа I и Христофора, на которых отсутствует имя законного императора Константина, может быть приурочен только к одному событию — коронации Христофора в 921 г.

Поскольку использование формы с изображением Романа, а не Константина в этих монетах показывает, что монетарии придавали значение тому, какое изображение взять для отливок, остается малопонятным факт, почему они использовали форму с женским изображением для отливки монет Христофора.

Можно объяснить это лишь тем, что выпуск был экстренным и единовременным, который не собирались продолжать, а следовательно, готовить новые штампы было некогда, да и не имело смысла. Тогда-то и было взято изображение лица, уже не находившегося у власти и которое никогда не могло вернуться к ней, т. е. использована форма, которая в будущем не могла пригодиться. Этим, мне кажется, подтверждается и тот факт, что первоначально монеты с погрудными изображениями двух лиц (без букв) изготовлялись не как монеты Константина и Елены. Однако это лишь второстепенный аргумент в пользу датировки данных монет временем Константина VII и Зои. Учитывая закон монетного дела Херсона выпускать монеты от имени тех императоров, чьи имена стоят на константинопольских фоллисах, мы не можем принять предположения В. А. Анохина о том, что монеты с погрудными изображениями без букв — Константина VII и Елены. С именем Елены в Константинополе не выпускались ни медные, ни золотые монеты. Регентство же Зои, которое длилось почти пять лет (914—919), отмечено чеканом и золотых и серебряных и, что особенно важно для нас, медных монет. Было бы еще более странным, чем выпуск монет с именем Елены, отсутствие монет Зои.

Итак, первыми монетами, выпущенными в царствование Константина VII, я считаю монеты с погрудными изображениями императора и императрицы. Они выпускались в 914—919 гг. от имени Константина VII и его матери-регентши Зои, изображения которых и помещались на монете.

В 919 г. Зоя была удалена из дворца захватившим власть Романом Лакапином. Однако коронован Роман был только в 920 г., следовательно, лишь в 920 г. могли начать выпуск монет с его именем. Монеты с монограммой № 24, несомненно, принадлежащие Роману и предшествующие выпуску монет Романа I и Христофора, могут быть отнесены к самому началу правления Романа Лакапина, т. е. к 920—921 гг. Возможно, однако, что выпуск их продолжался и после коронации Христофора.

Дата выпуска монет Романа I и Христофора совпадает с датой коронации Христофора — май 921 г.

К этому же начальному периоду царствования Константина VII следует отнести и его собственные монеты с погрудным изображением и монограммой № 21. Как указывалось выше, монеты эти были изданы Ф. де Сольси и приписаны к самостоятельному периоду царствования Константина — 944—959 гг. К тому же времени относили и другие его монеты — с точно такой же монограммой и крестом на лицевой стороне. Однако более внимательное изучение монограммы показало, что монеты разных типов не имеют общих форм или штампов, хотя технически это вполне осуществимо. Мы видели такое соединение на монетах Льва VI (I тип), Романа I и Христофора. Сами монеты Константина VII показывают, что замена одной из форм — половинки целой формы — производилась довольно часто. Например, для отливки монет Константина VII с погруд-

ным изображением были использованы два или три штампа лицевой стороны и пять — оборотной.

Различие между оборотными сторонами разных типов не ограничивается употреблением разных форм. Значительно важнее, что на монетах с крестом омега в монограмме пишется с прямой средней черточкой, на монетах же с погрудным изображением средняя черточка у нее сделана в виде петельки. (Наиболее четко такая форма омеги видна на монетах Романа I с погрудным изображением, о которых писалось выше).

Разница в начертании букв и использование разных форм для одинаковых монограмм позволяет говорить о одновременности двух типов монет Константина VII с монограммами № 21 и 22. Причем монеты первого типа — с погрудным изображением — связываются по палеографическим признакам с монетами начала X в.

Монеты Константина VII второго типа датируются с помощью монет с монограммой № 25, которые в литературе было принято относить ко времени Романа II.¹⁸² Издатель каталога византийских монет У. Рос, исходя из отсутствия монет Романа II в Константинополе, не мог допустить, что в Херсоне в это время выпускали четыре типа монет: монеты с монограммой № 24, которые в упоминавшейся выше статье я приписала Роману I, многочисленные выпуски с монограммами № 25 и 23, монеты с монограммами № 31 на лицевой и № 32 на оборотной стороне, причем первые три типа — за четыре месяца единоличного правления Романа II (как указывает В. А. Орешников, монограммы № 31 и 32 читаются как Роман и Василий и иной датировки, чем правление Романа II, не допускают). Из этих соображений У. Рос приписал монеты с монограммой № 25 Роману I.¹⁸³

В статье «Клад херсоно-византийских монет» А. М. Гилевич, следовавшая в атрибуциях А. В. Орешникову, обратила внимание на исключительную интенсивность выпуска монет с монограммой № 25, которая во много раз превосходит те же данные относительно монет других императоров X в.¹⁸⁴ Такой скачок не находит объяснения в исторической обстановке того времени. Принятие атрибуции У. Роса устраняет его.

Однако бесспорное доказательство принадлежности монет с монограммой № 25 времени Романа I отыскивается на самих монетах. На их лицевой стороне помещен шестиконечный крест на Голгофе. На большинстве монет он имеет дефект: правый его конец загнут вниз. По некоторым экземплярам можно проследить, что этот дефект получился в результате заплывания в форму (или скалывания на штампе) верхнего и правого элементов перекрестья. На меньшем количестве монет крест без дефекта, иного штампа.

Формы с изображением обоих крестов были использованы и для литья второго типа монет Константина VII, на которых на лицевой стороне помещен крест, а на оборотной — монограмма № 22.¹⁸⁵ Причем на всех без исключения просмотренных мною монетах Константина «дефектный» крест большей изношенности, чем на монетах с монограммой № 25. Другой крест — либо одинаковой, либо большей изношенности, чем на монетах с этой же монограммой. Отсюда можно сделать вывод, что монеты Константина VII с крестом большей изношенности лились позднее, чем монеты с монограммой № 25. Следовательно, монеты с монограммой № 25 должны быть отнесены Роману I.

Одновременно этот же факт дает нам возможность датировать второй тип монет Константина VII. Прекращение выпуска монет с монограммой № 25, безусловно, было вызвано низложением Романа I в 944 г. После правления Романа I был лишь один момент, когда могли быть выпущены монеты с именем одного Константина VII: 944—945 годы, короткий период его второго единодержавного правления.

Те монеты Константина VII, на которых помещен крест без дефекта такой же степени изношенности, как и на монетах Романа I, можно было бы рассматривать как одновременные последним. Однако, вероятно, правильнее датировать их, так же как монеты с дефектным крестом, 944—945 гг.; среди монет Романа I немного экземпляров с крестом без дефекта, напротив того, среди монет Константина такой крест преобладает. Следовательно, к началу выпуска монет Константина формы с дефектным крестом были старыми и недолго использовались для литья монет Константина. Формы с крестом без дефекта были новее и использовались дольше.

Итак, по крайней мере, часть монет Константина VII с крестом несомненно датируется 944—945 гг. Тип омеги на них, таким образом, можно уверенно считать действительно более поздним, чем на монетах Константина с погрудным изображением, аналогии которому мы нашли на монетах конца IX—начала X в. И как бы мы ни старались избежать сравнений с константинопольским чеканом, аналогии напрашиваются сами собой: два разновременных выпуска монет Константина VII были и в Константинополе: один — в 919—920 гг. (что обнаруживается по перечеканкам на них монет Романа I), другой — в 944—945 гг., когда для перечеканки использовались монеты Романа I.

Поскольку один из разновременных типов монет времени единоличного царствования Константина VII соответствует второй константинопольской эмиссии (944—945), мы вправе допустить, что первый тип был согласован со временем первой константинопольской эмиссии (919—920).

Итак, начальный период царствования Константина VII в монетном деле Херсона характеризуется преобладанием в качестве монетных типов погрудных изображений правителей: 914—919 гг. — Константин VII и Зоя (погрудные изображения на обеих сторонах); 919—920 — Константин VII (погрудное изображение — монограмма № 21); 920—921 — Роман I (с погрудным изображением и монограммой № 24); 921 — Роман I и Христофор (погрудные изображения с буквами ρ—ο и χ—ρ).

К следующему периоду царствования Константина VII, который правильнее было бы назвать периодом царствования Романа I, мы, вслед за У. Росом, отнесли монеты с монограммой № 25. Период этот начинается в 924 г., когда Роман короновал всех своих сыновей и стал первым императором государства.

Началась эта третья эмиссия Романа I монетами с монограммой № 23.¹⁸⁶ Доказательством служит монета № 3989 из эрмитажного собрания. Она имеет на лицевой стороне тот же «дефектный» крест, что и монеты Романа I с монограммой № 25, но в начальной стадии его редукции: кончика справа уже не видно, но остался след от верхней части перекрестья. Датировка подтверждается и начертаниями букв мю и омеги, совпадающими с начертанием этих букв в монограмме № 24 на монетах Романа I с погрудным изображением, которые были датированы выше 921—924 гг.

После низложения Романа I и его сыновей и нескольких месяцев единоличного правления Константин Порфирородный в 945 г. короновал своего сына

Романа II, совместно с которым и царствовал последние годы своей жизни. Отец помещал его имя рядом со своим на всех монетах этого периода, в том числе и на медных. В Херсоне также выпускались монеты от имени Константина VII и Романа II. Ю. Сабатье, впервые издавший херсонскую монету с монограммами Константина и Романа, отнес ее к этим последним годам правления Константина VII.¹⁸⁷ Атрибуция, предложенная Ю. Сабатье, прочно утвердилась в нумизматической литературе.¹⁸⁸

С монет Романа I с монограммой № 23 появляется в херсонском монетном деле тип крестообразной монограммы. Монеты Константина VII и Романа II изготовлены по такому образцу. Любопытно отметить, что, хотя монограмма имени Романа II на них составлена из тех же букв, что и монограмма на монетах Романа I, и даже расположение букв в них одинаково, тем не менее они заметно отличаются друг от друга. На монетах с именем Константина VII и Романа II буква *мю* имеет начертание, близкое к современному заглавному русскому *М*, в то время как на монетах Романа I она напоминает волнистую линию, как и на всех монетах начала X в. Форма *М*, имеющаяся на монетах Константина VII с Романом II, сохраняется и на монетах самостоятельного правления Романа II (959—963), хотя монограмма сама и изменяется.

Исходя из формы монограммы, Ф. Гриерзон отнес монеты, обычно приписывавшиеся Роману II и Василию II, ко времени Романа I, прочитав монограмму оборотной стороны как титул βασιλεῦς.¹⁸⁹ Однако отмеченное выше начертание *М*, появившееся на монетах Константина VII и Романа II, своеобразное начертание омеги, которое возникает, по-видимому, только около середины X в. (см. ниже, с. 95), побуждает нас придерживаться установившейся атрибуции этих монет Роману II и Василию II (960—963).

Монетные выпуски второй половины X века

Роман II оставил наследниками своих малолетних сыновей, Василия II и Константина VIII, первые годы царствования которых отмечены борьбой за власть нескольких претендентов на престол. Двое — сначала Никифор Фока, затем Иоанн Цимисхий — воцарились не без помощи вдовы Романа II и матери малолетних императоров императрицы Феофано. От имени этих правителей и выпускались медные монеты, как в Константинополе, так и в Херсоне в первые годы царствования Василия II и Константина VIII.

Время Никифора Фоки (963—969) отмечено в Херсоне нововведением в монетном типе: на оборотной стороне стала помещаться монограмма титула императора — деспот (№ 34).¹⁹⁰ Монограмма слова «деспот» помещалась также на монетах его преемника Иоанна Цимисхия, где она имеет иную форму (№ 36),¹⁹¹ сохранившуюся и на монетах Василия II, которые начали выпускаться после смерти Иоанна Цимисхия.¹⁹²

Монетами Василия II заканчивается третий период деятельности херсонского монетного двора. Однако не смерть Василия в 1025 г. является гранью этой эмиссии. Прекращение выпуска следует связать с важнейшим событием в истории города — взятием его войсками Владимира в 989 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД РАБОТЫ ХЕРСОНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

Анонимные монеты с монограммой ро

В 989 г. русский князь Владимир взял Херсон после продолжительной осады. Следы пожара и толстый мусорный слой, лежащий поверх разрушенных зданий X в., на полу которых нередко находят монеты описанных выше выпусков, отмечают это событие на херсонесском городище. 989 г. разделяет третий и четвертый периоды в истории Херсона и его монетного дела: IX—X вв., монеты которых рассмотрены в предыдущем разделе, и XI—XIII вв., история и монетное дело которых рисуются еще довольно неотчетливо.

До опубликования моей статьи «Датировка некоторых монет Херсона» считалось бесспорным, что Херсон XII—XIII вв. не имел своей монеты и вопрос о последнем периоде работы монетного двора Херсона в литературе не дискутировался. Монеты, датированные мной XII—XIII вв., во всей нумизматической литературе относили к правлению Романа I — это монеты с монограммами № 26—28.¹⁹³ Они были определены так Ю. Сабатье в упоминавшейся уже «Иконографии»,¹⁹⁴ и их атрибуция с тех пор не подвергалась сомнению. Позднее автором каталога Британского музея У. Росом Роману I были приписаны монеты с монограммой № 25.¹⁹⁵ Правда, многие нумизматы¹⁹⁶ продолжают придерживаться мнения де Сольси, который первым датировал эти монеты, отнеся их ко времени Романа II на том основании, что монограмма составлена в форме креста, как и монограммы на монетах преемников Романа II.¹⁹⁷ Подкрепленная авторитетом А. В. Орешникова¹⁹⁸ и Ю. Сабатье, первоначально приписавшего монеты с монограммой № 25 Роману III,¹⁹⁹ а затем принявшего атрибуцию де Сольси,²⁰⁰ эта датировка была признана также археологами. В нумизматической литературе совершенно забыты самая первая публикация монет обоих типов и первое прочтение обеих монограмм, предложенное Г. Б. Келером, который видел в них сокращение слова РОМА — «Новый Рим», т. е. Константинополь.²⁰¹

Выше было показано, что У. Рос был прав, отнеся монеты с монограммой № 25 к правлению Романа I. В результате новых атрибуций времени Романа I оказались приписанными следующие типы монет: монеты с монограммой № 24 и изображением императора; монеты с изображениями и монограммами Романа I и Христофора; монеты с монограммами № 25 и 23; во многих работах продолжают числиться за ним также девять типов монет с монограммами № 26—28.

Группа монет с монограммами № 26—28 выделяется из перечисленных выше, а также из монет преемников Романа I и его предшественников как по своим метрологическим данным, наличию нескольких весовых групп с одинаковыми изображениями на лицевой или оборотной стороне, так и отсутствием вкладах херсонских монет IX—X вв.

Наиболее распространенными из этой группы являются самые большие из литых херсонских монет — с монограммой № 25 на лицевой стороне и крестом на Голгофе — на оборотной. Средний вес их 7,90 г, размер 25 мм.²⁰²

Ко второму типу этой группы относятся экземпляры с аналогичными изображениями на лицевой и оборотной сторонах, но меньшего диаметра и веса.²⁰³

Известный мне экземпляр из собрания ГИМа имеет диаметр 22 мм, вес 4,12 г. Возможно, что это редуцированный выпуск первого типа, однако разница в диаметре и весе столь существенна, что приходится ее отметить, выделив эти экземпляры в отдельный тип.

Третий тип составляют многочисленные монеты с монограммой № 25 на лицевой стороне и гладкой оборотной.²⁰⁴ Средний вес их 3,10 г, диаметр 21 мм.

Четвертый тип представлен единственным экземпляром из собрания Эрмитажа. На лицевой его стороне помещена монограмма № 25, на оборотной — буква Х. Вес монеты 2,24 г, диаметр — 20 мм.

Пятый тип составляют монеты, лицевая сторона которых подобна предыдущему типу, но на оборотной помещен цветок лилии.²⁰⁵ Средний вес 3,67 г, диаметр 33 мм.

Следующие четыре типа (так же, как и два предыдущих) довольно редки в находках. Всех их объединяет форма монограммы (№ 27, 28) на лицевой стороне. Наиболее распространенными среди них, как и среди вышеописанных, являются крупные монеты с крестом на Голгофе на оборотной стороне.²⁰⁶ Они составляют шестой тип всей группы с монограммой ро. Вес их чуть больше 8 г, диаметр 25 мм.

Монеты с такой же лицевой стороной, но монограммой № 39 на обороте, образующие седьмой тип, насчитывают всего несколько экземпляров.²⁰⁷ Вес трех из них 7,82, 6,63 и 6,28 г, диаметр — 25 мм.

К восьмому типу относятся монеты с монограммой № 27 и гладкой оборотной стороной,²⁰⁸ а последний, девятый, составляют маленькие монетки с лицевой, подобной двум описанным выше типам (№ 28), и крестом на Голгофе — на оборотной стороне.²⁰⁹ Вес их 2,27 г, диаметр — 15—17 мм.

Как видно из описания, монеты с монограммами № 26 и 27 (в дальнейшем для сокращения пишется «монеты с монограммой ро», но имеется в виду вся группа в целом) в метрологическом отношении представляют собой замкнутую группу трех различных весовых категорий. К первой можно приписать монеты первого, шестого и седьмого типов, размером в 25 мм, весом соответственно 7,90, 8 и около 7 г. Ко второй, средней, следует отнести монеты третьего, пятого и восьмого (?) типов, размером в 21—23 мм, весом 3,10—3,60 г. Особо нужно выделить монеты девятого и, возможно, четвертого типов (вес 2,27 г, диаметр 17—20 мм).

Сходную группу из трех номиналов составляют монеты херсонской эмиссии IX—X вв. — времени Василия I. К самому крупному можно отнести монеты Василия I и Константина, о которых говорилось выше, — со средним весом 8,86 г и диаметром 22—25 мм. Средний составляют монеты с буквой В на лицевой стороне и крестом на Голгофе — на оборотной (вес — 3,5 г, диаметр 17—19 мм). К наименьшему следует отнести монеты с бетой на лицевой и монограммой № 13 на оборотной стороне. Нужно оговорить, что, называя три номинала в эмиссии Василия I, я не противоречу себе, не отвергаю показанную в предыдущих разделах последовательность монетных выпусков и не считаю, что все эти монеты выпускались одновременно. Однако одновременное обращение всех трех весовых групп должно было привести к установлению их стоимости относительно друг друга в зависимости от стоимости содержавшегося в них металла. (Как показывает состав приводимых ниже кладов, монеты в Херсоне, как и в самой Византии, не изымались из обращения при смене типов или прав-

лений). Монеты Василия I с бетой на оборотной и крестом на лицевой стороне оказались наиболее удобными в обращении, так как большинство последующих монет IX—X вв. имели приблизительно тот же вес и размер.

Монеты с монограммой ро, хотя и выделяются в метрологическом отношении, но не более, чем разнятся между собой монеты выпусков и серий X в. Условно они могут быть приравнены к трем номиналам времени Василия I. Однако ни одна монета с монограммой ро любой из трех весовых категорий не была обнаружена вкладах совместно с другими херсонскими монетами. На эту их особенность обратила внимание А. М. Гилевич при публикацииклада 1960 г.

Состав кладов X в., найденных в Херсонесе, охватил почти все известные типы средневековых херсонских монет, даже такие редкие, как, например, Романа II и Василия или Льва VI. Так, клад 1960 г., найденный в стене дома X в. на северном участке Херсонеса и состоявший из 37 экземпляров, содержал монеты Василия I, Константина VII, Константина VII и Романа II, Романа I (с монограммой № 25; в описанииклада издатель следовал А. В. Орешникову и относил эти монеты Роману II), Романа II и Василия, Иоанна Цимисхия, Василия II. Клад 1949 г., насчитывавший 68 монет, содержал монеты почти всех правителей IX—X вв., от имени которых выпускались монеты в Херсоне, в том числе и отсутствующие в предыдущемкладе монеты Льва VI и Никифора Фоки. Клады 1909, 1911, 1928, 1960 гг. (в помещении «В») также содержали монеты от Василия I до Василия II, но наиболее распространенных типов.²¹⁰ Клад из 17 монет, найденный у стены северного нефа в базилике 1932 г., содержал монеты того же состава: Василия I (3 экз.), Романа I (с монограммой № 25, 3 экз.), Константина VII (1 экз.), Константина VII и Романа II (2 экз.), Никифора Фоки (1 экз.), Василия II (6 экз.).²¹¹

При сравнении состава всех херсонских кладов, выясняется отсутствие в них, помимо упомянутых монет с монограммой ро, также монет Михаила III и Василия I, Константина VII и Зои, Александра, Романа I (с монограммой № 24), Романа I и Христофора. Однако понять данное явление не трудно. За исключением монет Михаила III, эти памятники редко встречаются в раскопках, в музеях они насчитываются в единичных экземплярах. Кроме того, по весу все они отличаются от обычных вкладах монет и являются (условно — по весу) другим номиналом. Формирование сокровищ из монет преимущественно одного достоинства — явление закономерное и распространенное не только в Херсоне. Для него эта закономерность подтверждается существованиемклада, составленного исключительно из монет Василия I и Константина, который был найден под плитами «водопровода» у крестового храма в 1897 г.²¹² Тем не менее, клад 1912 г., содержащий, наряду с обычными херсонскими монетами, и одну монету Василия I и Константина,²¹³ доказывает, что иногда монеты иного номинала, даже редкие, могут включаться вклады.

Нужно отметить также, что время сокрытия почти всех кладов относится к концу X в. Вполне возможно, что монеты IX—начала X в., имевшие нестандартный, пониженный для X в. вес, вышли из обращения, точнее, были вытеснены из него за семьдесят—сто лет, прошедших со времени их выпуска.

Отсутствие вкладах монет с монограммой ро не может быть объяснено ни их редкостью (это наиболее часто встречаемые в раскопках монеты), ни особым номиналом (как было отмечено выше, среди них имеются все три бытовавшие в Херсоне весовые категории). Единственное допустимое объяснение заклю-

чается в том, что эти монеты не участвовали в денежном обращении X в., а следовательно, и не выпускались в течение этого столетия.

Подтверждением правильности такого предположения служат находки херсонских монет в археологических раскопках городов Саркела и Тмутаракани, куда вывозились монеты наиболее распространенных типов, независимо от их стоимости.

Саркел, как известно, начал строиться в конце 30-х гг. IX в., а был покинут жителями и разрушен в конце XI—начале XII в. Таким образом, время его существования охватывает весь признанный сейчас третий период деятельности херсонского монетного двора. Херсон поддерживал связь с Саркелом, и его монеты были найдены в раскопках последнего.

За время раскопок 1949—1952 гг. там были обнаружены следующие монеты: Василия I (6 экз.), Константина VII (2 экз.), Романа I с монограммой № 25 (9 экз.), Константина VII и Романа II (7 экз.), Романа II и Василия (1 экз.), Никифора Фоки (2 экз.), Иоанна Цимисхия (1 экз.) и Василия II (4 экз.). Помимо этого, были найдены монеты константинопольского чекана X—XI вв. и среди них — монета Романа Лакапина.²¹⁴

Следует обратить внимание на то, что херсонские монеты с монограммой ро не найдены на городище в эти сезоны. Не встречались они в Саркеле и в раскопках других лет. Так, в раскопках В. И. Сизова в 1883 г. найдены чеканенные в Константинополе монеты Василия I, Романа I и Никифора Фоки, а также херсонская монета Романа I (с монограммой № 25).²¹⁵ В 1887 г. при раскопках Н. И. Веселовского найдены херсонские монеты Василия I, Романа I (с монограммой № 25) и Константина VII с Романом II.²¹⁶

Итак, на саркельском городище в разные годы найдены херсонские монеты IX—X вв., наиболее обильных выпусков, за исключением чрезвычайно многочисленных в самом Херсоне монет с монограммой ро. Саркел, безусловно, имеет свои особенности денежного обращения, однако состав попавших в него херсонских монет определяется особенностями денежного обращения в Херсоне, а также, возможно, политической ситуацией. Однако наличие монет Романа I константинопольского чекана, а также его херсонских монет с монограммой № 25 среди находок не дает оснований думать, что политическая ситуация X в. являлась причиной отсутствия там монет с монограммой ро.

Время расцвета другого города, где находят херсонские средневековые монеты, приблизительно совпадает с временем существования Саркела и выпуском херсонских монет IX—X вв. При раскопках Тмутаракани в 1952 и 1953 гг. найдены херсонские монеты Василия I, его же с Константином, Романа I (с монограммой № 25) и Василия II, а также три византийские монеты XI в.²¹⁷ В 1954 г. экспедицией В. А. Рыбакова там же были найдены монеты Василия I, Романа I (с монограммой № 25), Константина VII, Василия II, а также византийский фоллис XI в.²¹⁸ Таким образом, и здесь, в городе, несомненно, поддерживавшем связь с Херсоном до конца XI в., в течение трех сезонов не найдено монет с монограммой ро — одних из самых многочисленных в Херсоне.

С другой стороны, в 1961 г. на городище Изяславля, гибель которого датируется 1237 г., экспедицией М. К. Каргера была найдена монета с монограммой № 26. Ее находка была необъяснимой загадкой для археологов, так как принятая ее датировка — X в., а на городище, по словам М. К. Каргера, не было найдено ни одной вещи древнее XII в.²¹⁹

Таким образом, находки монет в раскопках Саркела, Тмутаракани и Изыславля подтверждают вывод, сделанный на основании кладового материала, об отсутствии монет с монограммой ро в денежном обращении Херсона X в. и дают дополнительно две даты: до конца XI в. эти монеты еще не были известны за пределами Херсона, а в начале XIII в. одна из них оказалась далеко за пределами своего обычного циркулирования. Эти даты и являются пока почти единственными вехами, на основании которых можно судить о времени выпуска монет с монограммой ро.

Материал раскопок Херсона, к сожалению, пока лишь в очень небольшой степени может быть использован для их проверки. Дело в том, что многие памятники Херсона датируются на основании монет, в частности, монет с монограммой ро, которые всегда относили к X в. Вследствие этого проверка даты монет с помощью даты памятника в большинстве случаев становится полной бессмысленностью. Кроме того, при многослойности города, жизнь которого без перерыва продолжалась около двух тысяч лет, неизбежно перемешивание слоев, перемещение вещей из слоя в слой. В частности, несомненные херсонские монеты X в. зачастую встречаются в слоях XIII—XV вв. вместе с монетами с монограммой ро. Наконец, фиксация находок монет до сих пор была недостаточно точной, что еще больше затрудняет нашу задачу послойного размещения монет в раскопках и тем самым проверки их даты. Можно привести бесконечное множество примеров тому, но сошлюсь лишь на несколько.

В описи монет из раскопок Р. Х. Лепера, сделанной Л. Н. Беловой, под № 1, 2 и 3 перечисляются монеты, найденные в Уваровской базилике 9 июля 1908 г.: № 1 — византийская анонимная монета, № 2 — монета с монограммой № 26; № 3 — херсонская Василия I.²²⁰ Анонимные византийские монеты выпускались в течение полутора столетий, начиная с правления Иоанна Цимисхия. Поскольку в публикации не указан тип монеты, невозможно установить ее дату. Но допустим, что она принадлежала к самому раннему типу конца X—начала XI в. Остается неизвестным, найдены ли две другие монеты вместе с ней или отдельно, на одном уровне или на разных, связываются как-то с датой раскопывавшегося памятника или оказались там случайно.

В другом месте, на полу сгоревшего дома XII—XIII вв. в южном помещении, найдена монета с монограммой ро. Однако в северном его помещении (тоже на полу?) оказалась позднебоспорская.²²¹ Последняя никак не может датироваться XIII в., а это ставит под сомнение и возможность датировки монеты с монограммой ро временем слоя.

Наиболее подробными и точными являются отчеты экспедиции Г. Д. Белова. Но и в них отсутствует фиксация, достаточно точная для того, чтобы можно было с полной уверенностью относить интересующую нас монету к определенному слою. Например, помещение 1 в квартале XVII (раскопки 1940 г.) является одним из немногих, где, по словам авторов отчета, прослеживается стратиграфия позднесредневековых слоев.²²² На глубине 21 см от уровня позднесредневекового пола обнаружен пол, который датируется X в. В засыпи между ним и полом XIII в. находились монета Романа I с монограммой № 25 (в отчете — Романа II) и Василия I и обломки белоглиняной поливной посуды. В том же помещении на уровне 57 см от позднесредневекового пола обнаружен ранне-средневековый пол VI в. Засыпь, сделанная между ним и полом X в., содержала монеты Романа I (с монограммой № 25) и Льва VI, т. е. те же, что и над полом

X в. Судя по отчету, среди них не было монет с монограммой ро, что подтверждает предложенную нами датировку этих монет более поздним, чем X в., временем. Однако в описании монет, приложенном к отчету, Л. Н. Белова упоминает еще следующие монеты из того же помещения: Василия I и Константина (под черепичным завалом), Константина VII и Романа II (под черепичным завалом у юго-западной стены), Василия I (ниже подошвы на 90 см, следовательно, ниже пола VI в.?), Льва VI, Никифора Фоки (то же), Константина VII (II слой) и 7 экземпляров монет с монограммой ро (Роман I отчета и приложения), которые все записаны просто во второй слой.²²³ Возникает вопрос, куда помещать монеты с монограммой ро, помеченные «II слой»: ведь обычно в отчетах Г. Д. Белова этим термином обозначаются слои IX—XIII вв. Если, судя по отчету, монет с монограммой ро не было в слоях IX—X вв., то, значит, они принадлежат более позднему времени? К сожалению, отчет не дает ответа на этот вопрос.

И все же именно в отчетах о раскопках содержатся бесспорные свидетельства отсутствия монет с монограммой ро в X в. и бытования их в XII—XIII вв. Это прежде всего клад данных монет, известные уже в довольно большом количестве: клад в могиле № 23 в храме 1897 г.,²²⁴ находка кладового характера в могиле храма XII в. (раскопанного экспедицией Херсонесского музея в 1964 г.)²²⁵ и т. д. Наиболее важны для нас два клада. Первый найден при раскопках 1893 г. на северном берегу моря близ монастырского кладбища в большом здании с террасой XIII в., в подвале. Он содержал 192 херсонские медные монеты с монограммой № 26 средней величины, все одного типа.²²⁶ Другой был обнаружен во время раскопок Г. Д. Белова в 1955 г. и состоял из семи монет, лежавших стопочкой в углу помещения XIII—XIV вв.²²⁷ Очень интересна групповая находка, состоявшая из 58 монет с монограммой ро разных типов, обнаруженная в 60-м помещении портового квартала при раскрытии третьего слоя, в котором были найдены также византийские и восточные монеты XII—XIII вв.²²⁸

Выше упоминалось уже о чрезвычайно важных для датировок раскопках Г. Д. Белова в 1931—1932 гг. Напомним, что на участке тех лет слой X в. был отделен от слоя XII—XIII вв. засыпью, не потревоженной интенсивной застройкой более позднего времени. На участке 1931 г. «стены помещений 9а, 12а и 21а оказались настолько глубоко засыпанными, что совершенно не были видны на поверхности к началу следующего строительного периода». Поэтому в последний строительный период распланировка новых зданий произведена была иногда заново, например, переулок прошел над помещением 9а на высоте 2 м от его пола.²²⁹

На полу помещения 9а, датированного VI—X вв., найдено 73 монеты: одна — с изображением Асклепия и Гигиен, одна — позднбоспорская III в., 2 — Константина II, одна — Константина I и херсонские: 15 — Василия I (в том числе с Константином), одна — Льва VI, 20 — Константина VII и его же с Романом II, 16 — Романа I с монограммой № 25 (Роман II отчета), 6 — Василия II и одна — Иоанна Цимисхия. Аналогичный состав монет на полу в помещении 12а: Василия I, Льва VI и Александра, Романа I (с монограммой № 25), Константина VII, Василия II.²³⁰ В цистерне «И», целиком заполненной засыпью второго слоя, на дне было найдено 75 монет Херсона; Михаила III и Василия I, Льва VI, Льва VI и Александра, Константина VII и его же с Романом II, Романа I (с монограммой № 25), Иоанна Цимисхия и Василия II.²³¹

Приведенные списки хорошо иллюстрируют заключение автора «Отчета», что «монеты, найденные в большом количестве на полу помещений 9а, 12а и других, относятся к IX—X вв., более поздних монет не найдено».²³² Монеты с монограммой ро совершенно очевидно не относятся к IX—X вв., поскольку они полностью отсутствуют в перечисленных помещениях.

Совершенно иная картина обнаруживается в помещениях того же участка раскопа, но относящихся к более позднему периоду. В доме 3 (1 слой, помещение 3) найдены монеты с монограммой ро и Иоанна Цимисхия. Дом 4: в колодце найдена монета Василия I и с монограммой ро. В помещении 15 дома 6 на полу кладовой найдены монеты Василия I, Льва VI, Романа I (с монограммой № 25), Константина VII, Иоанна Цимисхия и с монограммой ро. В кладовой дома 7 (помещение 14) найдено по одной монете Лициния, Константина I, Льва V, 3 — Василия I, по одной — Константина Порфирородного и Романа I (с монограммой № 25) и 15 монет с монограммой ро.²³³

Итак, существует не только кладовый, но и бесспорный археологический материал, свидетельствующий об отсутствии монет с монограммой ро в денежном обращении Херсона X в. до пожара 989 г. Таким образом, у нас есть полное основание считать, что до конца X в. эти монеты не выпускались. Этот основной вывод упомянутой выше статьи принят некоторыми исследователями.²³⁴ Однако предложенная мной датировка эмиссии XII—XIII вв. вызвала возражения.

К. В. Голенко отнес эти монеты к времени Романа IV.²³⁵ В. А. Анохин считает неубедительным мое предложение читать монограмму № 39 как имя Палеолог, подобно тому, как расшифровываются аналогичные монограммы на византийских монетах²³⁶ и вещах.²³⁷ Загнутый справа конец горизонтальной черты в этой монограмме, в котором я вижу элемент буквы Г,²³⁸ В. А. Анохин рассматривает как элемент буквы Т, сходной по начертанию с этой литерой в монограмме слова деспот на херсонских монетах Никифора Фоки, и на этом основании принимает традиционную расшифровку монограммы как слово деспот. Монограмму № 38, еще более сложную для прочтения, он также толкует как бесспорно заключающую в себе слово деспот. Помещение титула императора на одной из сторон, по его мнению, свидетельствует о том, что монограмма на другой стороне заключает имя — Роман. Тем самым монеты с монограммами № 26 и № 27 на лицевой стороне и № 38 или 39 на оборотной датируются им временем Романа III и Романа IV так же, как и монеты того же размера с крестом на реверсе. Остальные типы с монограммой ро В. А. Анохин не датирует, но считает, что при Михаиле VII город был лишен права выпускать монеты, однако продолжал отливать копии романовских до конца XI—начала XII в.²³⁹

Однако В. А. Анохин не учел, что в дискуссионной монограмме № 39 загнут лишь один конец горизонтальной черты справа. Если бы резчик штампа имел в виду изобразить Т того типа, что на монетах Никифора Фоки, он должен был бы поставить вертикальную черточку и у левого ее конца. А. В. Орешников первым обратил внимание на особенность горизонтального элемента монограммы и отказался от чтения ее как *δεσπότης*, которое сам же предложил несколькими годами раньше.²⁴⁰

Кроме того, на данном этапе исследования чтение монограмм № 38 и 39 не имеет того принципиального для датировки значения, которое придал ему мой оппонент. Дело в том, что Палеологи, так же как и императоры X, XI

и XII вв., носили титул деспота. На ряде византийских монет второй половины XIII—XIV в. этот титул сокращается в форме, близкой (но не идентичной) херсонской. Более того, на палеологовских монетах мы находим формулу, которая дала бы прекрасное истолкование сочетания монограмм № 27 и 39, если бы даже В. А. Анохин оказался прав и монограмма № 39 заключала слово «деспот»: существуют монеты времени Андроника II Палеолога без личного имени императора, с надписью *αὐτοκράτορες ῥωμαίων*.²⁴¹ Можно бы допустить, что на монетах Херсона поместили именно эту формулу, заменив слово «автократор» близким по содержанию — «деспот».

Таким образом, в различных толкованиях монограммы № 39 и ее вариантов не следует искать решения вопроса о дате монет с монограммой ро. Поскольку крест, помещенный на большинстве типов этой эмиссии, также не имеет каких-либо датирующих признаков, выяснение времени выпуска всех серий зависит от понимания основной монограммы ро и установления относительной хронологии типов.

Большое количество типов монет с монограммой ро не позволяет допустить, что все они принадлежат к кратковременному царствованию одного из Романов, правивших в XI в. (Роман III Аргир находился на троне с 1028 по 1034 г., Роман IV Диоген — с 1068 по 1071 г.). Поэтому, если бы даже принять, что часть монет с монограммой ро относится ко времени Романа III и Романа IV, то другая часть все-таки должна была выпускаться при их преемниках, носивших другие имена (что признает и В. А. Анохин). А это равносильно анонимному значению монограммы ро. Следовательно, мы теряем предложенные К. В. Голенко и В. А. Анохиным ориентиры начала новой эмиссии.

Признание монет с монограммой ро анонимными невольно приводит к сравнению их с анонимным чеканом константинопольского монетного двора. В Византии долгое время выпускались так называемые анонимные фоллисы — крупные медные монеты (более тяжелые, чем фоллисы императоров X в.), на которых помещалось изображение Христа, богоматери или крест и соответствующая формула (например, *Ihsus XPISTUS BASILEU(S) BASILE(ΩY)* — *Ἰησοῦς Χριστός βασιλεὺς βασιλέων*). Эти монеты начали чеканить еще при Иоанне Цимисхии, когда в Херсоне продолжали выпускать монеты с именами императоров (Иоанна Цимисхия и Василия II), и особенно обильные их выпуски приходятся на конец X—начало XI в.²⁴² Кажется, что в подражание им и стали лить в Херсоне анонимные монеты с монограммой ро.

К сожалению, у нас до сих пор очень мало данных, чтобы установить относительную хронологию типов монет с монограммой ро и протяженность эмиссии. Однако некоторые вехи, мне кажется, можно наметить.

Со второй половины XI в. в Византии постепенно возвращаются к традиционному чекану, и к концу этого столетия анонимные фоллисы уступают место монетам с именем правителя. Поэтому представляется наиболее вероятным, что возрождение херсонской эмиссии, при подготовке которой была заимствована идея анонимных фоллисов, должна была произойти до окончательного упразднения последних, т. е. до реформы Алексея I Комнина.²⁴³ Однако вряд ли можно датировать возобновление работы херсонского монетного двора началом XI в.: в таком случае можно было бы ожидать монеты с монограммой ро в раскопках Саркела и Тмутаракани, однако они там, как указывалось выше, не обнаружены.

Итак, представляется, что четвертый период работы херсонского монетного двора нужно начинать с последней четверти XI в.

Другая вежа — и единственно надежная — это упоминавшаяся выше находка монет с монограммой № 26 на Изяславском городище. Благодаря ей можно определенно утверждать, что монеты первого типа выпускались до начала XIII в.

При изготовлении форм этих монет был использован лишь один штамп лицевой и один штамп оборотной стороны. Тот же штамп оборотной стороны (с крестом), но уже совершенно стертый, применялся и при изготовлении форм для монет второго типа, что указывает на хронологическую последовательность выпусков (второй тип следует за первым) и время — XII в.

Однако на этом и кончается то бесспорное, что мы можем пока сказать, о последовательности типов. Остальные наблюдения позволяют высказать еще несколько соображений о хронологии выпусков, но весьма гипотетического характера.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что крест на монетах первого типа (с монограммой № 26) и шестого (с монограммой № 27) одного и того же штампа и что в кладе 1965 г. были монеты обоих типов. Однако это еще не говорит об одновременности монет. На некоторых из монет первого типа резче ободки, более четкий рельеф креста, так что кажется, что первый тип выпускался первым. Однако среди многих сотен просмотренных мной монет первого и шестого типов преобладают экземпляры с одинаково стертым изображением креста. Поэтому, чтобы говорить о последовательности этих типов, нужны иные данные.

В этой связи хочется еще раз обратить внимание на рассматривавшиеся выше монограммы № 39 и 38. Мне представляется, что абсолютное тождество монограммы № 39 на херсонской монете и монограммы имени владельца на чаше Михаила VIII не может быть случайным совпадением. По-видимому, это наиболее простой вариант сокращения имени Палеолог, который был хорошо известен в XIII в. Усложненные варианты встречаются на монетах при преемниках Михаила VIII. В редчайших случаях они сплетаются с монограммами, обозначающими монетный двор.²⁴⁴ Херсонскую монограмму № 38 можно рассматривать как аналогию таких усложненных монограмм. При традиционной ее расшифровке как слова «деспот» (Д, Е, С, П, Т) загнутый влево конец и косая черточка вверху оказываются лишними: ни в одной из букв этого слова нет подобных элементов.

Следует обратить внимание на то, что все монеты с вариантами монограммы № 39, за исключением одного экземпляра, связываются в одну группу благодаря лицевым сторонам, которые отлиты в формах, изготовленных с помощью одного штампа. Этот штамп отличается от штампа с аналогичной монограммой, которую мы видим на монетах с крестом (VI тип). Употребление разных штампов говорит о разновременности монет шестого и седьмого типов: выше уже неоднократно упоминалось, что технически вполне возможно сопряжение половинок разных форм, не говоря уже о повторных использованиях штампов.

Названное выше исключение — монета, монограмма лицевой стороны которой подобна монограмме первого типа.²⁴⁵ Чрезвычайно стертый штамп (или форма) лицевой стороны, к тому же, как кажется, являющийся вариантом пер-

вого, указывает на то, что монета эта лилась по прошествии длительного времени от начала выпуска монет первого типа.

Таким образом, можно предположить выпуск без больших промежутков первого и шестого типов и перерыв между этими двумя и седьмым типом. Поскольку монеты второго типа — средние по весу и диаметру, имеют тот же штамп креста, что первый и шестой типы, но большей стертости, мы можем предположить, что в период между литьем крупных номиналов шестого и седьмого типов выпускались монеты среднего диаметра и веса второго и третьего типов, что подтверждается, как кажется, и тем, что монограмма лицевой стороны у них, несмотря на меньшую величину, по пропорциям и начертанию совпадает с такой монограммой на монетах первого типа.

Новая эмиссия крупных монет — с вариантами монограммы № 39 (VII тип), — вероятно, была непродолжительной, о чем говорит очень незначительное количество экземпляров. Она может свидетельствовать о неудавшейся попытке возродить литье монет крупного номинала.

Очень трудно определить место монет с монограммой № 26 и «лилией» (или «крестом») на обороте (V тип): по размеру, весу и возможному символу они близки другим «средним номиналам», однако новый штамп лицевой стороны заставляет предполагать их более поздний выпуск.

Итак, на нынешнем уровне наших знаний можно предположить следующий порядок выпуска монет с монограммой ро:

1. Крупные монеты с монограммой № 26 и крестом на обороте (I тип).
2. Крупные монеты с монограммой № 27 и тем же крестом на оборотной стороне (VI тип).
3. Средние монеты с монограммой № 26 и крестом на обороте (II тип).
4. Средние монеты с монограммой № 26 и гладкой оборотной стороной, а также с буквой хи на обороте (III и IV типы).
5. Средние монеты с монограммой № 26 и лилией на оборотной стороне (V тип) — монеты с отличным от предыдущих штампом монограммы.
6. Крупные монеты с монограммами № 27 на лицевой и № 38 и 39 на оборотной (VII тип).

В предполагаемой последовательности выпусков монеты первого типа занимают первое место. Литье этих монет до XIII в., как писалось выше, определяется находкой в Изяславле. Монеты седьмого типа (с монограммами № 27 и 39), как было объяснено на предыдущих страницах, я по-прежнему склонна относить ко второй половине XIII в. Таким образом, время средних номиналов, мне кажется, приходится на вторую половину XII—первую половину XIII в.

К настоящему времени не удалось собрать никаких сведений, позволяющих высказать какие-нибудь предположения о дате самых маленьких монеток с монограммой № 28. Формы омеги и креста, отличающиеся от тех же элементов на монетах времени Романа I, не позволяют принять датировку их временем Романа Лакапина, предложенную В. А. Анохиным.²⁴⁶ Палеографические данные не исключают возможности датировать их правлением Романа II, однако метрологические (средний вес их на грамм меньше среднего веса выпусков X в.) и археологические сведения (отсутствие в находках X в.) говорят в пользу выпуска их после X в. Следует повторить, что предложенная классификация монет с монограммой ро не может считаться не только окончательной, но и удов-

летворительной, так как в нашем распоряжении еще слишком мало фактов для ее проверки.

Все же находки археологов, сделанные в последние годы, уже после возникновения дискуссии о монетах с монограммой ро, дают надежду, что высказанные предположения о дате монет правильны хотя бы в общих чертах. В упоминавшейся уже групповой находке в предпортовом районе (см. примеч. 228) были представлены монеты почти всех типов, включая такие редкие, как монеты с «лилией». Отсутствовали лишь мелкие монеты девятого типа. По мнению археологов, пожар, в результате которого образовался третий слой, содержащий этот кладик, произошел в конце XIII в., может быть, при разгроме Херсона татарами в 1299 г.²⁴⁷

Возможно, что в XIV в. в Херсоне были спорадические, малого тиража, выпуски монет, подражавших сериям XII—XIII вв., о чем можно судить по некоторым экземплярам, хранящимся в собрании Эрмитажа.²⁴⁸ Однако маленькие монетки девятого типа были, как кажется, последними памятниками регулярной деятельности херсонского монетного двора, просуществовавшего, с перерывами, около тысячи лет.

ПЕЧАТИ

ПЕЧАТИ

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИЙ И ЛИТЕРАТУРЫ

Среди памятников византийской эпохи при раскопках Херсонеса постоянно находят моливдовулы — подвесные свинцовые печати. Некогда они скрепляли недошедшие до нас документы — официальные грамоты, акты, постановления — или частную переписку. Печати частных лиц сообщают интересные сведения о населении Херсона, но особенно важны буллы чиновников: право подвешивать печать к официальным актам имели немногие представители византийской администрации; проследив бытование моливдовулов тех или иных чиновников в определенную эпоху, можно выявить изменения в управлении городом, иногда даже отметить важные рубежи в его жизни, выяснить интенсивность его связей с метрополией и т. д. При ограниченном количестве надписей, посвященных средневековому Херсону, крохах сведений о нем в произведениях византийских авторов, известия сфрагистических памятников становятся поистине неоценимыми для изучающих историю этого города.

Главные коллекции, содержащие печати Херсона, находятся в Херсонесском музее, собрание которого постоянно пополняется материалами из ежегодных раскопок, в Эрмитаже, составившем свои фонды через Археологическую комиссию, а позднее вобравшем музейные и частные дореволюционные коллекции, в частности, Н. П. Лихачева и И. И. Толстого, а также в Государственном Историческом музее, где оказалась часть материалов Н. П. Лихачева, к которой присоединились моливдовулы из случайных поступлений и археологических находок. Наиболее богатым и постоянно увеличивающимся является собрание Херсонесского музея, насчитывающее более ста печатей, из которых 18 несут название Херсона. 19 моливдовулов, связанных с администрацией Херсона, имеется в Эрмитаже. ГИМ владеет четырьмя такими печатями, некоторое количество их находится в частных коллекциях. Кроме того, в различных изданиях опубликовано 24 печати с названием Херсон из числа хранящихся в европейских и американских коллекциях.

Включенными в каталог 74 моливдовулами не исчерпывается количество известных к настоящему времени херсонских печатей. Например, не изданы еще многие

печати Херсонской фемы из коллекции Г. Закоса. Имеются они и в неопубликованных коллекциях европейских музеев, а также и в собраниях частных лиц.

Кроме того, не удалось установить нынешнее местонахождение печатей, происходивших из раскопок в Херсонесе, проводившихся Одесским археологическим обществом и хранившихся до Великой Отечественной войны в Одесском археологическом музее. Однако и то, что имеется в настоящий момент в нашем распоряжении, заслуживает огромного внимания и, я надеюсь, привлечет интерес как историков, так и археологов.

* * *

Сфрагистические памятники, связанные с историей средневекового Херсона, можно разделить на два больших раздела: I — печати, на которых помещено название Херсона или пунктов, близ него расположенных (около 70 экз.); II — печати без названия города, найденные на херсонесском городище (около 170 экз. из разных музеев). Оба раздела имеют важное значение для изучения административного устройства города и его административных отношений со столицей. Однако первая группа, несмотря на меньшее количество экземпляров, ее составляющих, кажется более ценной для исследователей: ее сведения касаются институтов, существовавших в самом Херсоне, и не повторяются в других источниках. Возможно, что во второй раздел попали печати Херсона, название которого не удалось прочесть из-за плохой сохранности памятника — из 170 печатей около 20 почти совершенно разрушены, на значительном же количестве читается лишь часть надписи, иногда надпись восстанавливается предположительно. Плохая сохранность печатей — главная беда и главная трудность, возникающая при чтении и классификации экземпляров второго раздела.

Настоящая работа касается только печатей, несущих на себе название Херсона.

Печатам Херсона специально посвящены три статьи: Г. Шлюмберже (Византийские печати фемы Херсон и Болгарии),¹ И. И. Толстого (О византийских печатях Херсонесской фемы)² и А. Ф. Вишняковой (Свинцовые печати византийского Херсонеса).³ Четвертая работа — Н. П. Лихачева — готовилась к изданию и была прочитана в виде доклада на заседании секции нумизматики и глиптики ГАИМК, но завершена не была и в настоящее время утеряна.⁴ Кроме того, в ряде общих работ содержится упоминание или публикация моливдовулов Херсона. Первые две из названных выше статей представляют собой публикации известных к тому времени сфрагистических памятников: у Г. Шлюмберже — 6 экземпляров, у И. И. Толстого — 15. А. Ф. Вишнякова, наряду с описанием новых печатей, делает некоторые выводы об организации управления Херсоном, которые, однако, вызывают сомнения, так как датировка булл, на основании которой делаются заключения, недостаточно аргументирована или вовсе не обоснована.⁵ К сожалению, доказательная датировка отсутствует и в большинстве других работ, содержавших публикацию печатей Херсона,⁶ что зависит от общего состояния византийской сфрагистики.

Датировка византийских моливдовулов и поныне остается сложной проблемой. Основные принципы были высказаны еще А. Мордтманом в статье, опубликованной более ста лет назад.⁷ Исходя из общих закономерностей развития иконографии в византийском искусстве и сравнивая этот процесс с развитием типов в византийской сфрагистике, А. Мордтман выделил три группы, отме-

ченные преобладанием того или иного образа на печатях, соответствующих трем историческим периодам в истории Византии:

«I. По рисунку представленных фигур, особенно изображению Пресвятой девы, по примитивной форме и по отсутствию симметрии букв печати более всего приближаются к императорским печатям от времени Юстиниана I до конца правления династии Ираклия.

II. Вторая группа, когда буквы становятся более продолговатыми и более правильными, а титулы владельцев более длинными, не знает изображений святых или богоматери; изображения заменены или простым крестом или монограммой в форме креста, обозначающей обращение: *Kúrie, βοήθει τῷ σῷ δούλω*.

III. Третья группа несет на лицевой стороне изображение богоматери и других святых».

«... Великий спор иконоборчества, который сотрясал Византийскую империю в течение двух веков, не мог не отразиться на печатях той эпохи. . . Поэтому печати первой категории мы помещаем в период перед Львом III, те, на которых на лицевой стороне имеется монограмма или крест — ко времени иконоборцев, в то время как те, которые украшены изображением (святых), должны быть отнесены ко времени, в которое культ икон был восстановлен. . . , т. е. ко времени императоров македонской династии и их преемников». «Однако, — пишет далее Мордтман, — после двухсотлетнего перерыва искусство иконописания не сразу могло быть восстановлено, несмотря на поощрения императоров, и в этот период между восстановлением иконопочитания и расцвета иконописания получили распространение различные виды процветшего креста и орнаментальные мотивы».⁸

Три периода, отмеченные А. Мордтманом на заре византийской сфрагистики, остаются незыблемыми и в настоящее время. Однако современного исследователя не может удовлетворить датировка памятников, производимая в пределах двух, а то и трех столетий. Поэтому дальнейшие исследования идут в направлении поисков путей уточнения дат отдельных памятников и целых групп. Б. А. Панченко считал важным датирующим признаком шрифт. Однако временные особенности шрифтов им не только не обоснованы, но и не изложены систематически.⁹ В. Лоран много сделал, чтобы установить закономерности развития типа на печатях церкви, особенно патриарших моливдовулах.¹⁰ Колоссальный опыт, накопленный им за пятьдесят лет работы, позволял ему отличать памятники разных эпох на основании стиля, сфрагистического типа и шрифта, внешнего вида печати. Однако, в чем заключается разница стилей, шрифтов и т. д. разных эпох, им нигде не объяснено.

К сожалению, остались незавершенными труды Н. П. Лихачева, в которых он стремился уточнить особенности печатей с крестообразными монограммами начала VIII в., второй половины VIII и первой половины IX в., датировать различные виды крестов и т. д.¹¹ По отношению к первому разделу эта работа продолжена В. С. Шандровской.¹²

При датировке печатей Н. П. Лихачев всесторонне изучал памятник: обращал внимание на величину, толщину и форму кружка, на шрифт, содержание легенды, титулатуру. Однако свой опыт он не обобщил. Его наблюдения, выводы, заключения приходится по крупицам извлекать из его трудов, значительная часть которых осталась в рукописях. Для настоящей работы очень важно заключение Н. П. Лихачева, касающееся шрифта печатей (он отмечал,

что моливдовулы, выполненные крупным строгим продолговатым шрифтом, относятся к первой половине IX в.), а также его общее наблюдение над характером изображений, кратко сформулированное следующим образом: однотипные памятники одновременны. Возможно, что во многих случаях и Н. П. Лихачев больше полагался на опыт и интуицию, чем на логически обоснованные выводы, что и приводило его иногда к непоследовательным, неубедительным датировкам.¹³

К сожалению, проделанная названными выше учеными работа является еще только начальным этапом. Лучше всего недавнее состояние византийской сфрагистики отразилось на каталоге моливдовулов, найденных в Коринфе. Автор его, Д. Р. Давидсон, не имея никаких руководств, кроме называвшейся уже статьи А. Мордтмана, попыталась конкретизировать высказанные в ней общие положения. В частности, предполагавшуюся А. Мордтманом промежуточную фазу перехода от иконоборчества к иконописанию она датирует X—XI вв. и относит к ней памятники с изображением крестов и животных. Естественно, что печати с изображениями Христа, богородицы и святых, помещаемые в период иконописания, датируются ею XI и следующими веками.¹⁴ Однако такая умозрительная классификация и датировка, не основанная на изучении самих памятников, очень далека от истины. Ни Н. П. Лихачев, ни В. Лоран, внимательно исследовавшие моливдовулы, не придерживаются подобного мнения.

Важным этапом в развитии византийской сфрагистики является вышедший в 1972 г. каталог коллекции моливдовулов Г. Закоса. Колоссальный материал, собранный в трех частях первого тома, позволяет авторам Г. Закосу и А. Веглери установить закономерности развития печатей ряда должностных лиц и тем самым обоснованно датировать моливдовулы. Критерии для датировки основной массы изданных памятников — с крестообразными монограммами — сформулированы не столь конкретно и требуют еще дальнейшего изучения. Естественно, что авторы не касаются вопросов хронологии моливдовулов конца IX—XI в., поскольку их труд включает более ранний материал.¹⁵ Развитие стремления найти объективные критерии для датировки на самих печатях находим в недавно появившемся Каталоге византийских печатей из Австрии, изданном В. Зайбтом.¹⁶ Особенно ценными представляются эпиграфические наблюдения автора.

В соответствии с периодизацией А. Мордтмана, авторы статей о херсонских печатях датировали памятники VIII—XII столетиями: к VIII—IX вв. отнесены печати с крестообразными монограммами, экземпляры с крестами — к IX—XI вв., а с изображением святых — к X—XI вв. Такая приблизительная дата памятников — в пределах полутора-двух столетий — не может нас удовлетворить, так как не дает возможности проследить за развитием институтов в городе. Датировать печати более узким промежутком времени — задача очень сложная, но необходимая.

Поскольку содержание легенды оборотных сторон печатей Херсона довольно стереотипно и в большинстве случаев не дает достаточных сведений для уточнения даты булл, я попыталась найти особенности, характерные для моливдовулов того или иного отрезка времени, анализируя изображения лицевых сторон и особенности шрифта в надписях. Для этого все памятники были разделены на группы по типологическим, стилистическим, иконографическим при-

знакам, и материал каждой группы изучен с привлечением аналогичных датированных булл, принадлежавших преимущественно чиновникам фем, так как еще не доказано, что печати византийской администрации и частных лиц определенного периода характеризуются одинаковыми особенностями. Однако, в силу отмеченной выше неразработанности способов датировки, сравнение с моливдовулами, изданными в трудах Г. Шлюмберже, К. Константинопулоса, Н. П. Лихачева и В. Лорана, приходилось делать с большой осторожностью, во всех случаях, когда это было возможно, выясняя принятые каждым из исследователей правила атрибуции и датировки.

Дело осложнялось еще тем, что в некоторых изданиях отсутствуют фотографии, прорисовки же не всегда точны и, как правило, не передают многие важные подробности изображений. Поэтому в качестве дополнительного был использован материал сфрагистической коллекции Эрмитажа, где было просмотрено и обработано несколько тысяч печатей, из которых лишь десятки оказались возможным привлечь в данной работе.

При построении настоящего раздела книги хотелось бы придерживаться того же принципа, который выдержан в первом разделе: расположения материала в хронологическом порядке. Однако это оказалось невозможным, и параграфы следуют в зависимости от удобства развития доказательств.

Описание печатей с указанием изданий и местонахождения дано в каталоге, помещенном в приложении, в параграфах же даются лишь номера печатей по этому каталогу.

ПЕЧАТИ

С КРЕСТООБРАЗНЫМИ МОНОГРАММАМИ

Наиболее ранними сфрагистическими памятниками Херсона являются 20 печатей с крестообразными монограммами, заключающими обращение к Христу или богородице (тип VIII или V по Лорану),¹⁷ и надписью $\tau\omega$ $\sigma\omega$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\omega$ или $\tau\omega$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\omega$ $\sigma\omega$ в углах креста, образуемого монограммой (Каталог, № 1—18).

Согласно классификации А. Мордтмана, печати с такими монограммами относятся к иконоборческому времени. Н. П. Лихачев уточнил, что экземпляры с широким крупным шрифтом следует датировать VIII в., а с правильным крупным продолговатым шрифтом — концом VIII—первой половиной IX в.¹⁸ Другое уточнение сделано В. С. Шандровской, которая, развивая взгляды Н. П. Лихачева, показала, что моливдовулы конца VII—начала VIII в. отличаются от более поздних не только шрифтом, но и легендой лицевой стороны: вместо формулы $\tau\omega$ $\sigma\omega$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\omega$, на них ставится формула $\tau\omega$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\omega$ $\sigma\omega$, а в иных случаях в углах, образуемых крестообразной монограммой, размещаются имя и титул владельца.¹⁹

Принимая в принципе классификацию А. Мордтмана, Н. П. Лихачев и В. Лоран, однако, расширили время бытования крестообразных монограмм, датируя часть печатей с указанными выше типами монограмм концом IX или даже X в.²⁰ Мотивы такой датировки ими не объяснены. Но, вероятно, исследователи исходили во всех случаях из особенностей шрифта, поскольку, как сказано выше, и разделение моливдовулов между VIII и первой половиной IX в. делалось Н. П. Лихачевым на основе этого признака. Г. Закос и А. Веглери

также считают, что крестообразные монограммы продолжали гравироваться на печатях до начала X в. Датировку внутри трехсотлетнего периода выпуска печатей с крестообразными монограммами они производят по шрифту.²¹

Таким образом, основываясь на заключениях названных выше ученых, можно датировать всю группу из 20 херсонских печатей в целом второй половиной VII—началом X в. Датировка памятников, предложенная их издателями, не противоречит общему заключению: А. Ф. Вишнякова отнесла печати комита Херсона Косьмы (№ 2) и кира Херсона Исаака (№ 4) к VIII в.,²² Н. П. Лихачев датировал принадлежавший ему экземпляр печати архонта Григоры (№ 5) концом VIII—первой половиной IX в.,²³ к IX столетию приписал И. Барня экземпляр печати коммеркиария Иоанна (№ 18), найденный в Диногенции,²⁴ к VIII—IX вв. отнесены моливдовулы, опубликованные в каталоге Г. Закоса и А. Веглери (№ 1, 3, 5а, 7, 11а, 15).²⁵ Однако сохранившиеся в источниках сведения о Херсоне IX в. и разнообразие печатей, входящих в рассматриваемую группу, позволяют не только более точно датировать каждую печать, но и предложить несколько наблюдений о датировке печатей чиновников административных округов Византии IX в.

В составе названной выше группы херсонских печатей имеется три моливдовула стратигов фемы Херсон (№ 15, 15а, 16). Хотя фема в Херсоне была создана еще при Феофиле в 833—836 гг., первоначальным названием ее было «фема Климатов». Оно зафиксировано в «Табели о рангах», изданной Ф. И. Успенским²⁶ и датируемой 843—856 гг.²⁷ Следовательно, печати стратигов фемы Херсон подтверждают распространенное ныне мнение о бытовании печатей с указанными монограммами после 842 г., т. е. года восстановления иконопочитания. Встает вопрос, когда исчезает этот сфрагистический тип, где верхняя граница его распространения на печатях фемных чиновников вообще и какими годами следует датировать херсонские памятники.

Как кажется, изучение письменных источников и сфрагистического материала, касающихся всей Византии, позволяет довольно уверенно ответить на этот вопрос, правда, пока для одной группы моливдовулов — булл представителей византийской фемной администрации, а совокупность херсонских печатей и печатей других фем дает возможность уточнить датировку наших двадцати печатей иногда в пределах двух-трех десятилетий.

В различных изданиях опубликовано около 900 печатей представителей фемной администрации Византии. При знакомстве с ними открывается важная особенность — повсеместное распространение интересующих нас крестообразных монограмм V и VIII типов с надписью τῷ σῷ δοῦλῳ (схема II).²⁸ Они бытуют на печатях Италии и Малой Азии, на Балканах и в Херсоне, однако только на буллах фем, возникших до последней четверти IX в.: Сицилии,²⁹ Далмации,³⁰ Македонии,³¹ Фракии,³² Фессалоники,³³ Кефалинии,³⁴ Эллады,³⁵ Пелопоннеса,³⁶ Крита,³⁷ Кивирреотов,³⁸ Опсикия,³⁹ Оптиматов,⁴⁰ Вуккелариев,⁴¹ Пафлагонии,⁴² Армениака,⁴³ Фракисийской,⁴⁴ Анатолика,⁴⁵ Херсона,⁴⁶ Колонии,⁴⁷ Халдии.⁴⁸

Важно отметить, что уже среди моливдовулов с названием фем Харсиан и Месопотамия, создание которых ученые относят ко времени Василия I (873 г. — фема Харсиан)⁴⁹ и Льва VI (Месопотамия — до 899 г.),⁵⁰ нет памятников с такими монограммами.⁵¹ Из остальных фем, отсутствующих в «Табели о рангах» Успенского, но известных по Клиторологию Филофея, аналогичному

трактату, написанному в 899 г.,⁵² т. е. появившихся в промежуток между составлением обоих «табелей», на печатях с крестообразными монограммами V или VIII типа упоминается лишь Самос.⁵³ Среди печатей фем, созданных в X в., — Севастия, Селевкия,⁵⁴ Харпедзкий, Крит, Кипр и др. — также неизвестны экземпляры с монограммами V и VIII типов (см. схему II).

Таким образом, можно констатировать, что в течение правления Василия I (867—886) интересующие нас типы крестообразных монограмм все реже изображались на печатях фемных должностных лиц, а к концу его правления перестали помещаться вообще. Исходя из этого заключения, можно определить и верхнюю границу херсонских печатей с крестообразными монограммами 80-ми гг. IX столетия.

Печати, имеющие ограничительную верхнюю дату, позволяют сделать дальнейшие уточнения. На лицевой стороне печатей фемы Сицилия, прекратившей свое существование в 902 г., помещались либо крестообразная монограмма V или VIII типа с соответствующей надписью в углах, либо четырехконечный крест на Голгофе, каждый из концов которого заканчивается перпендикулярной чертой, либо павлин. Два последних типа сопровождаются круговой легендой: $\chi\rho\iota\epsilon\ \beta\omicron\eta\theta\epsilon\iota\ \tau\tilde{\omega}\ \sigma\tilde{\omega}\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omega$.⁵⁵ В надписи как лицевой, так и оборотной стороны на печатях с крестом и павлином всегда употреблялась открытая форма беты — R, ставшая единственной формой этой литеры на памятниках X—XI вв. Подтверждая мнение Н. П. Лихачева, что моливдовулы с четырехконечным крестом на Голгофе и легендой $\text{K}\epsilon\rho\omicron\text{N}\theta\epsilon\iota\text{T}\omega\text{C}\omega\Delta\text{O}\upsilon\Lambda\omega$, выполненной крупным продолговатым шрифтом, следуют по времени за памятниками с крестообразной монограммой,⁵⁶ печати Сицилии доказывают, что открытая форма беты появилась еще в IX в., на печатях нового сфрагистического типа. У нас есть бесспорные свидетельства того, что первые печати с открытой формой беты появляются в 60—80-е гг. IX столетия: на печати патриарха Фотия, первое патриаршество которого датируется 858—867 гг., а второе — 877—886 гг., вместе с новым типом появляется именно такая форма этой литеры.⁵⁷

Возникновение нового сфрагистического типа всюду сопровождалось изменением в шрифте: на всех печатях с четырехконечным крестом, принадлежавших чиновникам различных фем,⁵⁸ за единственным исключением,⁵⁹ употребляется открытая форма беты.

Такое одновременное повсеместное изменение написания литеры параллельно изменению сфрагистического типа прежде всего подтверждает, на наш взгляд, высказанное выше предположение, что в VIII—IX вв. печати чиновников изготовлялись либо в одном центре, либо по единому образцу, поступавшему из единого центра.

Второе, для нас более важное заключение касается датировки моливдовулов: хотя появление открытой формы беты явно сопровождает появление нового типа, можно ожидать, что изменение в шрифте, отмеченное на моливдовулах с четырехконечным крестом, отразилось на одновременных им печатях с монограммами V и VIII типов.

Действительно, в каталоге печатей, опубликованных Г. Закосом и А. Веглери, имеется небольшое количество памятников с указанными монограммами и надписью $\tau\tilde{\omega}\ \sigma\tilde{\omega}\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omega$, в легенде оборотной стороны которых использована открытая форма беты.⁶⁰

Поскольку к 80-м гг. IX в. печати с крестообразными монограммами указанных типов, как это было показано выше, вообще исчезли из практики византийской администрации, иначе говоря, были заменены моливдовулами с другими сфрагистическими типами, мы можем датировать памятники с названными монограммами и открытой формой беты на обороте десятилетиями, непосредственно предшествующими этому событию.

На моливдовулах с V и VIII типами монограмм и открытой формой беты на обороте можно отметить следующие особенности: кружок плоский, 3—4 мм толщины, шрифт разной высоты, но с тенденцией к уменьшению, буквы продолговатой, чаще всего строгой формы. Особо нужно обратить внимание на то, что на некоторых из рассматриваемых памятников наблюдаются хотя и небольшие, но важные для датировки изменения в начертании беты в монограмме лицевой стороны. В течение всего полуторавекового бытования бета в монограммах V и VIII типов изображалась с долгой горизонтальной чертой, выступающей далеко за вертикальные линии буквы.⁶¹ Редкие исключения отмечены Н. П. Лихачевым, Г. Закосом и А. Веглери для VIII в. Однако печати VIII в. имеют другое начертание литер в надписи оборотной стороны,⁶² чем на печатях с открытой бетой на обороте, где в тех же монограммах, помимо беты привычного начертания, появляется бета без долгой горизонтальной черты, небольшого размера, с полукругиями почти одинаковой величины.⁶³

Установленная выше дата печатей с открытой формой беты на обороте позволяет определить время печатей с монограммами, в которых бета без горизонтальной черты указанного начертания (даже если она сочетается с закрытой литерой на обороте⁶⁴) — это те же 60—80-е гг. IX столетия. В единственном случае, когда по косвенным данным можно было проверить дату печати с такими особенностями письма, она укладывается в третью четверть IX в.: это печать стратига Арависиона Апелатия, который участвовал в убийстве Михаила III в 867 г.⁶⁵

В статье, посвященной архонтам Херсона,⁶⁶ мной приведена эпиграфическая таблица, позволяющая проследить изменения шрифта на печатях стратигов IX в. В схеме не выделено особо, хотя на фотографиях и видно, начертание знака сокращения, которое также является чрезвычайно важным датирующим элементом надписей. На большинстве печатей с открытой формой беты этот знак «привязан» к букве, за которой он следует, и, начинаясь на нижней линии строки, поднимается до верхней, где загибается вправо. Такой знак сокращения появляется во втором десятилетии IX в. (судя по императорским печатям⁶⁷) и без больших изменений держится в течение IX в. на всех печатях с крестообразными монограммами. Лишь на немногих экземплярах с открытой формой беты он доходит до середины строки⁶⁸ и еще реже — отрывается от буквы. (Ср. аналогичную тенденцию на печатях Василия I и Константина⁶⁹). Хотя печати с такими «нестандартными» сокращениями чрезвычайно редки, но они важны, поскольку отражают тенденцию, переход к знаку сокращения, обычному в X в. — небольшому штриху у верхней и нижней линии строки.

Итак, мы можем отметить, что в третьей четверти IX в. традиционные формы написания букв в традиционном же типе, бытовавшем на византийских печатях полтора столетия, начинают постепенно меняться. В ряде случаев в монограмме лицевой стороны бета пишется без долгой горизонтальной черты, с полукругиями, мало разнящимися по форме и размеру. В легенде оборотной стороны,

наряду с закрытой формой, появляется открытая форма беты, тип сокращений — традиционный для IX в., лишь намечается тенденция к изменению.

Возвратимся теперь к печатям Херсона. Дата печатей стратигов Херсона Фоки и Константина (№ 15, 15а, 16), определенная нами предварительно, — не ранее, чем 50-е гг. IX столетия (после написания «Табели о рангах» Успенского, где фема еще носит название Климатов) и не позднее 80-х гг, когда исчезают фемные печати с крестообразными монограммами. Наличие открытой формы беты в легенде оборотной стороны, традиционный тип сокращения позволяют предполагать, что стратиги, владельцы этих печатей, правили Херсоном ближе к концу, чем к началу этого периода. Следует отметить неровный небрежный шрифт, который не встречается на датированных печатях 40-х—50-х гг. IX в.⁷⁰ К сожалению, плохая сохранность печатей затрудняет уточнение написания некоторых букв.

Печать, на которой читается название фемы Климатов (№ 14), предшествует печатям стратигов, но не может быть ранее 833—836 гг., т. е. ранее года образования фемы. Строгий продолговатый шрифт подтверждает датировку печати серединой IX в., а отсутствие долгой горизонтальной черты в монограмме лицевой стороны заставляет считать, что печать принадлежала чиновнику, жившему в Херсоне в 850—860-е гг.

Труднее датировать печати архонтов, которые составляют половину печатей всей группы с монограммами. Эти должностные лица Херсона упоминаются в двух источниках. Константин Порфирородный, рассказывая об образовании фемы в Херсоне, приписывает Петроне, строителю Саркела и первому стратигу Херсона, следующие слова, якобы сказанные им императору: «Если желаешь быть полным господином города Херсона и прилегающих к нему мест и чтобы они не ушли из-под твоей руки, то пошли своего стратига, а не доверяй их протевонам и архонтам. Ибо, — разъясняет далее Константин, — до Феофила не было стратига, посылаемого отсюда, а всем заведовал названный протевон с так называемыми отцами города».⁷¹

Рассказ Константина Порфирородного справедливо рассматривается всеми исследователями как свидетельство самоуправления города до образования фемы.⁷² Однако, называя архонтов, имеет ли в виду Константин Порфирородный конкретных должностных лиц или вообще начальников, из приведенного отрывка остается неясным: в разъяснительной части Константин, употребляя к слову протевон прилагательное «названный» (λεγόμενος), подчеркивает, что протевон это и есть название должностного лица, а слова «так называемые» (ἐπονομαζόμενοι) отцы города как бы разъясняют стоящее в констатирующей части слово «архонты». Это разъяснение вполне законно, так как в византийское время словом «архонт» обозначались многие понятия — начальник, правитель провинции, военачальник, вождь варварских племен, правитель иностранного государства⁷³ и т. д., — оно позволяет предположить, что Константин употребляет слово «архонт» в значении «начальник вообще».

В другом документе — «Табели о рангах» Успенского, — перечисляющем по классам должностных лиц (в соответствующем чине) империи, в третьем классе, классе спафариев, названы архонты Херсона, следовательно, не может быть сомнения, что архонты Херсона — реальные должностные лица, функционировавшие в городе. Однако Б. Бюри, издатель Клиторология Филофея, сопоставляя известия обеих «табелей», пришел к заключению, что архонты

«Табели о рангах» — анахронизм, что составитель этого документа использовал другой, более древний источник и случайно забыл вычеркнуть в нем должности, в его время уже не существовавшие.⁷⁴ Г. А. Острогорский, напротив, полагал, что архонты «Табели о рангах» Успенского — реальные представители феменной администрации: местные чиновники, подчиненные после учреждения фемены византийскому стратигу.⁷⁵ Е. Гликатци-Арвейлер видит в этих чиновниках начальников армии или флота.⁷⁶ Наконец, Я. Ферлуга считает их представителями муниципалитета.⁷⁷

Таким образом, если принимать точку зрения Б. Бюри, печати архонтов следует отнести к периоду до образования фемены, если встать на точку зрения Е. Гликатци-Арвейлер, их можно датировать периодом существования фемены, а следуя Г. А. Острогорскому, можно, вероятно, отнести печати и к тому и к другому периоду. Причем в одном случае буллы будут принадлежать чиновникам фемены, в другом — членам самоуправления.

Следовательно, мы не можем датировать интересующую нас группу печатей архонтов на основании письменных источников, но печати, будучи датированы, могли бы помочь решить спор об архонтах Тактикона Успенского и более обоснованно высказать гипотезу об их функциях.

Из всей группы следует выделить печать ипата Саввы (№ 1). Издатели датируют ее второй половиной VIII в.⁷⁸ Надпись в углах крестообразной монограммы — τῷ δοῦλῳ σου — склоняет к более ранней дате — первой половине того же столетия.⁷⁹ Характер шрифта — широкий с глубоким рельефом (судя по фотографии), пи со скругленным верхом, отчеркнутые поперечными черточками концы линий у альфы, разные формы омеги подтверждают эту дату.

Остальные печати отличаются от печати Саввы не только чином их владельцев (спафарии), но и характером шрифта (строгий, продолговатый, с невысоким рельефом), особенностями начертания отдельных букв (омега с прямыми черточками одной высоты, альфа с горизонтальной черточкой наверху и т. д.), надписью лицевой стороны (τῷ σῷ δοῦλῳ) и видом монограммы. Перечисленные элементы свидетельствуют о несомненной принадлежности этих печатей IX в.⁸⁰ Особенно следует обратить внимание на печать спафария Григория из собрания Эрмитажа (№ 11). Прекрасная сохранность экземпляра позволяет отчетливо видеть, что бета в монограмме лицевой стороны изображена без выступающей горизонтальной черты, что, как было показано выше, характерно для памятников третьей четверти IX столетия. Такая же бета и на печати спафарокандидата, имя которого не сохранилось (№ 10). Чин спафарокандидат, появление которого на печатях исследователи относят ко второй половине IX в.,⁸¹ подтверждает предполагаемую дату. К этому же или чуть более раннему времени следует отнести буллу спафария Константина (№ 8) с чуть выступающим слева концом горизонтальной черты у беты в монограмме лицевой стороны. Другие экземпляры трудно датировать столь же определенно. Большинство памятников плохой сохранности. Хорошо сохранившиеся печати Григоры (№ 5, 5а), выполненные прекрасным шрифтом первой половины IX в., не имеют каких-либо особенностей, позволивших бы в настоящее время уточнить эту широкую для наших целей дату.

На печати спафария Евстафия (№ 7), которую издатели датируют второй половиной VIII в.,⁸² датирующие литеры (Р с закругленным переходом от петли к вертикальной черте, вытянутая фита в монограмме) можно сравнить с соот-

ветствующими буквами на памятниках как конца VIII—начала IX в.,⁸³ так и третьей четверти IX в.,⁸⁴ но форма беты склоняет к дате издателя.

К сожалению, не вполне ясен знак сокращения, не видна бета в монограмме, не указаны толщина и вид кружка, которые могли бы помочь установлению даты памятника.

Однако наличие даже двух экземпляров, датируемых третьей четвертью IX в., решает спор об архонтах «Табели о рангах» Успенского: «Табель» называет реальных должностных лиц Херсона, функционировавших в городе еще в третьей четверти IX столетия. Подтверждается и известие Клиторология об упразднении или исчезновении этой должности к концу IX в.: печатей более поздних, чем буллы Григория, до сих пор не найдено.

Палеографические признаки помогают датировать и чрезвычайно интересную печать, опубликованную А. Ф. Вишняковой.⁸⁵

Печать кира Херсона Исаака (№ 4) отнесена издателем к VIII в.⁸⁶ Однако с такой датировкой нельзя согласиться: узкий, строгий и крупный шрифт, омега с вертикальными линиями одной длины характерны для первой половины — середины IX в.

Ро с заострением в верхнем левом углу определяет нижнюю хронологическую границу этого памятника — второе десятилетие IX в. Но чин владельца — ипат, — характерный для VII—VIII вв., а в IX в. употреблявшийся редко,⁸⁷ указывает на более раннюю дату в пределах названного отрезка времени.

Чрезвычайно интересной и важной для истории Херсона может оказаться булла эксусиаста Теофоба (№ 3),⁸⁸ если чтение географического названия на ней, предложенное издателями, окажется правильным.⁸⁹ Г. Закос и А. Веглери датируют ее второй половиной IX в. Однако представляется более правильной другая дата: конец VIII—начало IX в.: крупная фита в монограмме лицевой стороны, довольно широкие буквы (особенно сигма) на оборотной более характерны для этого времени.

Итак, печати с крестообразными монограммами, принадлежащие Херсону, можно разделить на три группы:

1. Печати периода самоуправления: ипата и архонта Саввы (№ 1) — VIII в.; ипата и кира Исаака (№ 4) — первой половины IX в., а также, возможно, спарфариев и архонтов Григоры (№ 5, 5а), неизвестного по имени (№ 6) и Евстафия (№ 7); возможно, эксусиаста Теофоба (№ 3) — конца VIII—начала IX в.

2. Печати периода фемы Климатов (833/836 гг. — третья четверть IX в.): неизвестного чиновника фемы Климатов (№ 14) и архонтов Херсона (№ 8—13).

3. Печати чиновников фемы Херсон: № 15, 15а, 16 — стратиг Фокис и Константина; № 17, 18 — коммеркиария Иоанна — третьей четверти IX в.

ПЕЧАТИ

С КРЕСТООБРАЗНОЙ МОНОГРАММОЙ XII ТИПА⁹⁰

Среди моливдовулов Херсона имеется еще один экземпляр с крестообразной монограммой — это печать протоспарфария и стратига Георгия (№ 44). Монограмма, помещенная на ее лицевой стороне, отличается от описанного выше V и VIII типов расположением букв, их мелким размером и начертанием литер как в самой монограмме, так и в сопровождающей ее надписи.

Первые исследователи византийских булл относили подобные печати, как и все с крестообразными монограммами призыва божьей помощи, к иконоборческому времени.⁹¹ Однако в трудах современных ученых обнаруживаем другие датировки: В. Зайбт относит их к последнему периоду развития крестообразных монограмм,⁹² В. Лоран определял время бытования печатей с XII типом монограмм IX—X столетиями,⁹³ Н. П. Лихачев считал их реминисценцией иконоборческого типа и датировал X и даже XI вв.⁹⁴

Мнения В. Лорана и особенно Н. П. Лихачева, основанные на многих новых наблюдениях, значительно ближе к истине, чем первые, в значительной степени теоретические заключения А. Мордтмана, Г. Шлюмберже и даже Б. А. Панченко. Поэтому к датировкам печатей с монограммой XII типа современными исследователями мы относимся с большим доверием. Однако и в их определениях существуют неувязки. Так, В. Лоран опубликовал печать проэдра Василия, приписав ее, на основании содержания легенды оборотной стороны, первому обладателю этого чина паракимомену Василию, таким образом, датировав ее 60—80-ми гг. X в.⁹⁵ Однако в другом случае владельцем печати с аналогичным типом лицевой стороны он счел патриаршего нотарию Прокопия, занимавшего эту должность при патриархе Игнатии (847—856).⁹⁶ В первом случае атрибуция не вызывает сомнений (это единственный случай в византийской сфрагистике, когда на печати читается не просто проэдр, а *πρόεδρος τῆς σύγκλητου βουλῆς*, т. е. так, как этот чин был пожалован Никифором Фокой фактическому правителю государства, сыгравшему самую видную роль при воцарении Никифора); отнесение печати Прокопия нотарию патриарха Игнатия совершенно не обоснованно, более того, произвольно: как отмечал сам В. Лоран, Прокопий, упомянутый на печати, и Прокопий, известный по письменным документам, занимали разные должности.

Из описанных Н. П. Лихачевым печатей с монограммами XII типа лишь одна имеет точную атрибуцию: владельцем печати митрополита Никомедии Н. П. Лихачев считал иерарха Стефана, занимавшего эту кафедру в конце X в.⁹⁷ (известно его пребывание там еще в 997 г.). В. Лоран полностью присоединяется к определению Н. П. Лихачева.⁹⁸ Вероятно, атрибуция обоих ученых правильна, однако, желая выяснить границы распространения того или иного стиля, мы должны быть строги и даже придирчивы. В частности, это касается и печати митрополита Стефана. Чин синкела, который получил распространение лишь во второй половине X в.⁹⁹ и одним из первых носителей которого был упоминаемый Н. П. Лихачевым и В. Лораном митрополит Никомедии Стефан, современник и соратник императора Василия II, заставляет отнести печать ко второй половине X в. Однако нам не известны полные списки митрополитов Никомедии.¹⁰⁰ Таким образом, мы не можем исключить возможности, что не существовало другого Стефана, митрополита Никомедии, жившего в X в. Поэтому при определении времени распространения печатей с монограммами XII типа сомнительные, подобные моливдовулу этого митрополита, являются для нас вспомогательным, второстепенным материалом.

Совершенно очевидно, что печати с монограммой XII типа более поздние, чем с монограммами V и VIII типов: как было отмечено выше, в монограммах V и VIII типов открытая форма беты не встречается, хотя употребление такой формы данной литеры вошло в обычай еще во второй половине IX в. Однако тот факт, что печати с XII типом монограммы появились позднее, чем с V и VIII,

не доказывает, что моливдовулы с XII типом не заходили в IX в.: новая форма беты могла появиться в монограмме со сменой тина, как это произошло с литерами на печатях с четырехконечным крестом и с графичным изображением богоматери. Тем не менее, очень существенно, что печатей с бесспорными датами, на которых была бы помещена монограмма XII типа, для IX в. мы не знаем. К X же столетию, помимо печати проэдра Василия, относятся еще три. Две из них сохранились при документах: 942 г., скрепленном императорским прото-спафарием Дзоэтом (печать с XII типом монограммы) и двумя другими чиновниками, и 952 г., также заверенном печатью с XII типом монограммы.¹⁰¹ Третья печать, хранящаяся в Эрмитаже (см. схему V, № 2) тоже не может быть ранее середины—второй половины X в. Ее владелец — стратиг фемы Харпедзкий. Эта фема была создана, по определению Г. А. Острогорского, в промежуток между написанием Константином Порфирородным его сочинений «О церемониях» и «О фемах», т. е. после 934 г.¹⁰²

Таким образом, несомненно, что данный тип монограммы бытовал около середины и во второй половине X в. Печатей с XII типом крестообразных монограмм чрезвычайно мало: из более чем пятисот моливдовулов с крестообразными монограммами, описанных Н. П. Лихачевым, лишь на четырех помещена монограмма XII типа.¹⁰³ Из 12-тысячного собрания Эрмитажа лишь 18 экземпляров несут монограмму XII типа. Аналогичные соотношения показывают последние публикации. Ограниченное количество моливдовулов с данным типом монограммы свидетельствует о том, что он не получил широкого распространения, а отсутствие моливдовулов с подобным изображением среди несомненных памятников XI в. позволяет нам не выносить эти печати за пределы X в.

Таким образом — середина (с 40-х гг.)—вторая половина X в. — это промежуток, к которому можно отнести и печать херсонского стратига. Шрифт памятника — мелкий, с неровными строчками, — а также начертание отдельных букв — ро с большой вытянутой петлей, тау с толстой горизонтальной чертой — позволяют сравнить эту печать с моливдовулом проэдра Василия (см. схему VII, № 6 и 8) и таким образом ограничить ее время приблизительно теми же десятилетиями.

ПЕЧАТИ ГРАФИЧНОГО СТИЛЯ С ПОГРУДНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ НИКОПЕЙИ

Среди печатей с названием Херсона имеется десять экземпляров с чрезвычайно сходными, иногда почти идентичными изображениями богоматери. Однако печати не принадлежат одному лицу. Более того, их владельцы занимали совершенно различные должности и разное положение на лестнице чинов. На двух печатях (№ 19 и 20) читается имя стратига Херсона Иоанна, на № 24 — *ἐκ προσώπου* Сергия, владельцем трех печатей (№ 21—23) был коммеркиарий Сергий, может быть, то же лицо, что и *ἐκ προσώπου*. Еще два моливдовула принадлежали коммеркиарию Дамиану (№ 25, 25а) и коммеркиарию Фотину (№ 26). По-видимому, к этой же группе принадлежит печать коммеркиария из Афинского нумизматического музея,¹⁰⁴ а также изданная Ж. Эберзольтом булла коммеркиария, имя которого не сохранилось.¹⁰⁵

Погрудное изображение богоматери с младенцем Христом перед грудью широко распространено на византийских печатях. Н. П. Лихачев отмечал бытование этого образа в различных вариантах на моливдовулах VI—XI вв.¹⁰⁶ Аналогичные даты обнаруживаем и у В. Лорана.¹⁰⁷ Большое количество печатей VI—XI вв. с изображением богоматери издано Г. Закосом и А. Веглери.¹⁰⁸ Изображение богоматери на группе херсонских печатей, о которых идет речь в данном разделе, характеризуется особыми приемами передачи образа: оно выполнено в низком плоском рельефе, мафорий на плечах богородицы трактован косыми штрихами, лицо удлиненное.

В сообщении, посвященном изданию этих памятников,¹⁰⁹ я постаралась показать, что стиль их — не следствие труда провинциальных художников, не результат работы граверов низкой степени мастерства. Действительно, среди географических названий, которые читаются на печатях данного стиля, можно встретить Константинополь,¹¹⁰ Афины,¹¹¹ Лакедемонию,¹¹² Халкию,¹¹³ Пергам,¹¹⁴ Трапезунт,¹¹⁵ Коркиру (Корфу),¹¹⁶ Калабрию,¹¹⁷ а среди владельцев есть остиарии, коммеркиарии, духовные лица,¹¹⁸ т. е. люди разных социальных групп, которые вряд ли были заказчиками одной мастерской.

Очень важно, что данный графичный стиль присущ не только тому типу богоматери, который изображен на печатях Херсона. Изображения богоматери Одигитрии, по сторонам которой помещены крестообразные монограммы призыва божьей помощи, а также погрудные изображения богоматери, по сторонам которой помещены такие же монограммы, выполнены в том же стиле.¹¹⁹

Итак, отпадают все возможные объяснения, кроме одного: данные приемы изображения характерны для какого-то определенного отрезка времени. Все описанные В. Лораном печати такого стиля (за исключением одного экземпляра)¹²⁰ отнесены им ко второй половине IX—первой половине X в. Г. Закос и А. Веглери считают, что графичное изображение богоматери с монограммой по сторонам помещалось на печатях времени первой реставрации иконопочитания (787—815 гг.), а с круговой легендой — после реставрации 843 г.¹²¹

Основываясь, главным образом, на выводах В. Лорана и Н. П. Лихачева и имея в своем распоряжении очень ограниченный материал, в указанном сообщении я определяла период, в течение которого бытовала графичная манера изображения богоматери, 60-ми гг. IX—30—40 гг. X в. Публикации Г. Закоса и А. Веглери дают бесспорный материал, заставляющий принять их дату появления этого стиля: моливдовулы императоров Никифора I, Льва V подтверждают правоту Н. П. Лихачева в атрибуции подобной печати с именем Михаила — Михаилу I.¹²² Однако тот сфрагистический тип, который мы видим на печатях Херсона, появился позднее: среди датированных памятников начала IX в. Г. Закос и А. Веглери не обнаружили печатей с круговой надписью вместо монограмм. Поэтому есть все основания считать, что печати, подобные херсонским, появились уже после окончательного восстановления иконопочитания.

Как упоминалось выше, на моливдовулах должностных лиц фем в течение правления Василия I выходят из употребления крестообразные монограммы V и VIII типов, по-видимому, обязательные до того времени на буллах представителей императорской администрации.¹²³ В ряде случаев монограмма заменяется четырехконечным крестом на Голгофе (например, на печатях фемы Сицилия), иногда помещается изображение павлина или, наконец, образ богоматери

указанного стиля. Однако печати последнего типа чрезвычайно редки среди фемных. Из 450 опубликованных и хранящихся в Эрмитаже экземпляров печатей чиновников фем только одна бесспорно аналогична херсонским.¹²⁴ Поэтому для определения хронологических границ распространения печатей данного типа и стиля мы вынуждены прибегать к изучению всех подобных печатей, а не только фемных.

Особую ценность представляет печать константинопольского патриарха Фотия из коллекции Думбартон Оакс, изданная В. Лораном.¹²⁵ Не только ее иконографический образ и стиль, но и сфрагистический тип полностью соответствует херсонским буллам. Дата ее определяется приблизительно: самый конец 50-х (начало первого патриаршества Фотия: 858—867)—середина 80-х (конец второго патриаршества Фотия: 877—886) гг. IX столетия.

Таким образом, можно констатировать, что печати с погрудным изображением богоматери Никопейи с удлиненным лицом, выполненные в графичной манере и плоском рельефе, с круговой надписью существуют уже в 60—80-х гг. IX в.

К сожалению, печать Фотия пока единственная, которая относительно точно датируется, поэтому очень трудно определить, как долго продержался этот стиль на печатях. Возможно, нам мог бы помочь моливдовул патриарха Николая I (896—908) из собрания Афинского музея. Печать контрамаркирована значительно меньшей по размеру печатью епископа Селевкии Юлиана.¹²⁶ Создается впечатление, что эта последняя выполнена в описанной выше схематической манере. Поскольку патриаршество Николая относится к началу X в., контрамарка сделана не ранее конца первого—начала второго десятилетия этого столетия. Более точно дата не может быть установлена, поскольку по другим источникам епископ Селевкии Юлиан не известен. К сожалению, из-за плохой сохранности печати (или недостаточно четкой фотографии) невозможно безошибочно определить стиль данного моливдовула, а следовательно, с уверенностью использовать печать для определения верхней границы распространения стиля.

Для решения вопроса можно попытаться установить время появления более поздних печатей: с тем же образом богоматери, но имеющим небольшие типологические и, главное, стилистические отличия. В «Корпусе» В. Лорана описано всего четыре памятника, которые могли бы быть применены для этой цели: № 85, 490, 787 и 920. Однако, первая из них, отнесенная В. Лораном ко времени после 930 г., настолько испорчена трещиной, что нет возможности определить характер изображения. К тому же имя владельца, на основании которого В. Лоран датирует печать, восстановлено им по одной букве,¹²⁷ и потому для наших целей дата не может считаться абсолютно надежной. На трех других печатях богоматерь имеет два типологических отличия от ее изображения на печатях графического стиля: изображение Христа заключено в круглый диск, над плечами богоматери — сокращенная надпись: МР — ΘV. Епископы — владельцы булл — занимали кафедры в разных концах империи: Неаполе, Неокесарии, Гераклее, — следовательно, новый тип был столь же широко распространен, как и первый. Хотя в передаче плаща богоматери здесь сохранился тот же прием — косые линии, в трактовке головы мастера стремились к большей реалистичности: изображение более объемно, лицо круглое, над лбом складки наброшенного мафория. Печать № 920 В. Лоран приписывает Стефану, занимавшему кафедру Неаполя до 911 г.¹²⁸; № 490 — датирует вторым десятилетием X в.;¹²⁹ № 878 — X в.¹³⁰ Две последние печати должны быть

исключены из числа доказательств, так как не известны полные списки епископов данных кафедр и нельзя быть абсолютно уверенным в том, что печать принадлежала именно тому епископу, которого предполагает В. Лоран, а не кому-либо другому.

Хотя дата 941 г. также может быть взята под сомнение: В. Лоран не аргументирует свою атрибуцию, — нам приходится на нее опираться, так как других памятников, которые могли бы указать время появления нового типа, в настоящий момент нет. В упомянутом выше сообщении мной сделана попытка определить верхнюю границу распространения графичного стиля на печатях, привлекая печать стратига фемы Харсиан,¹³¹ на которой изображена богоматерь с руками перед грудью, выполненная в чрезвычайно изящной манере. Кажется, что эта печать могла дать несомненные доказательства раннего появления нового стиля: со времени А. Рамбо считалось, что в 30-е гг. X в. фема Харсиан была введена в состав фемы Армениак,¹³² и, значит, печать ее стратига следовало бы датировать не позднее, чем третьим десятилетием этого столетия. Однако в последнее время было высказано предположение, что фема Харсиан существовала еще в 70-е гг. X в.¹³³ Поэтому моливдовул ее стратига теряет ту «ограничительную» дату, которая была так важна для нашего исследования.

Итак, пока в нашем распоряжении две очень ненадежные вехи, указывающие время появления нового стиля, и, следовательно, исчезновения старого, схематичного: печать епископа Юлиана не ранее второго десятилетия X в., выполненная еще в графичной манере, и печать неапольского епископа Стефана, на которой в приемах передачи изображения уже наблюдаются черты нового стиля и которую издатель датирует началом X в. Однако имеется косвенный аргумент в пользу того, что смена стилей происходила в течение первых десятилетий X в. — это монеты. Хорошо известна чрезвычайная графичность изображений на монетах иконоборцев и в первые годы после восстановления иконопочитания.¹³⁴ Лишь на знаменитых солидах Льва VI сделана первая попытка объемного портретного изображения императора.¹³⁵ Объемность в трактовке лиц видна и в нетрадиционных монетах Константина VII и Зои, т. е. во второе десятилетие X в. Новый стиль утверждается в третье — пятое десятилетие того же века (ср. монеты Константина VII первого выпуска,¹³⁶ Романа I¹³⁷ и Константина VII единоличного правления¹³⁸).

Итак, печати с изображением богоматери Никопейи графичного стиля и с круговой надписью, как представляется, можно датировать периодом с 60—80-х гг. IX по 30—40-е гг. X в. Поскольку моливдовулы Херсона не выделяются из общеимперской художественной традиции, то и они должны быть отнесены к тому же промежутку времени.

Наблюдения над эпиграфикой херсонских печатей позволяют уточнить датировку каждой внутри этого периода. Как отмечалось выше, важным датирующим элементом надписей является знак сокращения. Если на большинстве печатей с монограммами V и VIII типов он был «привязан» к букве, то на моливдовулах 941 г., изданных Ф. Дольгером, он уже передается небольшим штрихом (см. схему VIII, № 5, 6). Изменения начались в конце IX в.: на печатях с крестом и с павлином, принадлежавших стратигам Сицилии, знаки сокращения имеют оба варианта начертания (см. схему IV, № 1, 2). На печатях Херсона, принадлежавших стратигу Иоанну, знаки сокращения ближе к тем, которые бытовали на моливдовулах с монограммами, поэтому эти два памятника не

могут быть вынесены за пределы IX в. Сходные знаки сокращения имеют и печати коммеркиария Сергия (№ 21 и 23, № 22 — плохой сохранности), однако в типе их лицевой стороны появляются небольшие отличия, которые присутствуют на самом позднем из этой группы памятнике — печати коммеркиария Дамиана (№ 25, 25а): крестик в левом поле и диск вокруг изображения Христа. Печать Дамиана, помимо уже отмеченных деталей, отличается от всех остальных моливдовулов с графичным изображением богородицы более объемной передачей лица богородицы и начертанием букв, которые позволяют, как кажется, датировать ее первой третью X в.

Очень заманчиво приписать печати стратига Иоанна (№ 19, 20) известному по письменным источникам, управлявшему в Херсоне в конце IX в. Иоанну Воге, который не однажды выполнял дипломатическую миссию у печенегов.¹³⁹ К сожалению, у нас нет доказательств, что он единственный из стратигв второй половины IX — начала X в., носивший это имя, поэтому такая атрибуция будет произвольной.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ

Образы святых, так же как и изображение богородицы, часто помещаются на византийских моливдовулах. Так же как и в изображениях богородицы, в передаче их на печатях существует много вариантов, отличающихся размещением и содержанием надписи лицевой стороны, величиной и стилем изображения и т. д., что позволяет классифицировать и датировать сами буллы.

Среди печатей Херсона известно несколько экземпляров, на которых представлены разные святые погрудно или в рост, с вариантами надписи, сопровождающей изображения, выполненные в различной стилистической манере. Только две из них — стратига Херсона, изданная В. Лораном (№ 27),¹⁴⁰ и коммеркиария Херсона, опубликованная А. Ф. Вишняковой (№ 28),¹⁴¹ являются очень близкими между собой как по надписи, так и по стилю изображения. К сожалению, печать стратига настолько плохо сохранилась, что о ней можно судить, основываясь, главным образом, на обрывках надписи и на дате, предложенной издателем. Как я постараюсь показать ниже, к началу X в. можно относить печати лишь одного типа с изображением святых.

Печать коммеркиария Херсона (№ 28) с погрудным изображением св. Николая и круговой надписью, содержащей обращение к святому, по стилю изображения, соотношению надписи и изображения, а также по шрифту настолько близка рассмотренной выше группе печатей с графичным изображением богородицы, что кажется выполненной, если не одним мастером, то в одной мастерской в одно и то же время. Между тем, А. Ф. Вишнякова датирует ее X—XI вв.

К тому же времени относит И. И. Толстой моливдовул своего собрания,¹⁴² упоминающий коммеркиария Фотина в надписи оборотной стороны (№ 29), а на лицевой стороне несущий изображение св. Николая, поясное, выполненное в той же плоскостной манере, что и печать, изданная А. Ф. Вишняковой. Надпись, идущая по кругу, отличается от описанной выше: она начинается обращением «Господи» — *Kύριε, βοήθει*. Шрифт мелкий.

Четвертая печать с погрудным изображением св. Феодора (№ 49) очень плохой сохранности; и тем не менее несомненно, что изображение принадлежит

к иной, чем на трех предыдущих, стилистической группе: видимая на печати верхняя часть головы святого гравирована объемно, со старательной проработкой волос. По кругу читаются остатки надписи, аналогичной предыдущей, но в поле справа столбиком помещено имя святого — Феодор. Печать датирована издателем так же, как и предыдущие — X—XI вв.¹⁴³ По-видимому, близкой по стилю является печать с погрудным объемным изображением св. Николая (?) (№ 47). Последний моливдовул с погрудным изображением, принадлежавший архиепископу Константину, гравирован в высоком рельефе (№ 58).

Четыре другие печати представляют святого в рост. На первой из них, один экземпляр которой (№ 45) находится в Эрмитаже, а местонахождение другого (№ 45а) неизвестно, святой Иоанн представлен в рост, анфас, круговая легенда содержит обращение *Kύριε, βοήθει*, по сторонам святого столбиком надпись: «святой Иоанн». Изображение выполнено в невысоком рельефе, с проработкой складок одежды. Сходное изображение на печати, хранящейся в собрании Н. Н. Грандмезона (№ 48), однако нельзя быть полностью в этом уверенным, так как памятник чрезвычайно плохой сохранности, о типологической близости можно судить лишь по одинаковому расположению изображения и круговой надписи, остатки которой видим справа.

По-видимому, очень близкий вариант лицевой стороны имеет еще одна печать из частного собрания со св. Иоанном в рост (в легенде оборотной упоминается стратиг Иоанн) (№ 46). Наконец, последняя печать (№ 57) представляет святого воина в рост, анфас, опирающимся на копьё правой рукой, а левой поддерживающим щит. Первые три печати принадлежали стратигам Херсона, последняя, вероятно, катепану.

За исключением печатей с изображением стоящего св. Иоанна, образы святых на херсонских печатях не оригинальны ни по стилю, ни по типу: подобные изображения — одни чаще, другие реже — встречаются на византийских печатях. Поэтому, хотя ни один из деятелей, упоминаемых на херсонских печатях, не известен по письменным источникам, датировка самих булл была бы вполне возможна на основании аналогий с изображениями святых на датированных византийских печатях. Но беда в том, что не всегда удастся найти точные аналогии, датировки же В. Лорана и Г. Шлюмберже далеко не всегда обоснованы, если они относятся не к историческим деятелям, хорошо известным по письменным источникам. Впрочем, даже в этом случае датировки Г. Шлюмберже и В. Лорана расходятся иногда на полтора-три столетия. Например, печать с именем Феодора, игумена студийского монастыря, на лицевой стороне которой помещено погрудное изображение Иоанна Предтечи, Г. Шлюмберже датирует X—XI вв.,¹⁴⁴ а В. Лоран относит знаменитому Феодору Студиту.¹⁴⁵

Работа осложняется еще тем, что, выявляя стилистические и типологические признаки в изображении, нужно иметь перед собой точное воспроизведение печати, а не приблизительный рисунок, какой мы находим в труде Г. Шлюмберже. Поэтому в данном разделе, как и в других, где речь идет о стиле, я могу опираться почти исключительно на новейшие работы, выбирая и там лишь печати, достаточно четко воспроизведенные и относящиеся к византийской администрации, преимущественно фемной. Из-за этого значительно сокращается материал, который можно было бы привлечь для исследования. Так, аналогии херсонским печатям с графичным изображением святых опубликованы у В. Лорана — пять экземпляров, помимо буллы стратига Херсона.¹⁴⁶ В. Лоран

датирует описанные им памятники второй половиной IX—серединой XI в. Поскольку им не приведены основания датировки, нам предстоит проверить правильность ее, а также выяснить время бытования печатей с изображением святых иного стиля и других типов. К сожалению, в собрании Эрмитажа удалось выявить лишь несколько таких моливдовулов, как херсонские графичного стиля.¹⁴⁷

Ограниченность датированного материала, а иногда и отсутствие для некоторых типов экземпляров с бесспорными датами, заставляет нас в этом разделе отступить от правила, принятого в предыдущих, — рассматривать лишь однотипные памятники и попытаться проследить по опубликованным и датированным экземплярам линию развития иконографии святых в византийской сфрагистике. Определив относительную хронологию типов, можно будет по аналогиям и датирующим признакам установить время херсонских печатей.

Наиболее надежный материал для датировки доставляют печати фем, время существования которых ограничено. Известно большое количество фем, созданных в XI в., но лишь одна из них — Болгария, созданная в 1018 г., упоминается на достаточном количестве печатей. Из фем, образованных во второй половине X в., чрезвычайно важна Антиохия, а печати фемы Харсиан, о которой упоминалось в разделе о плоских графичных изображениях богоматери, будут привлекаться еще не раз.

Печати фемы Болгарии указывают на круг сфрагистических типов, которые бытовали в XI в.: двухсторонняя надпись, погрудные изображения святых и богоматери и образы святых воинов в рост.¹⁴⁸ Изображения богоматери и святых как в рост, так и погрудные, выполнены в высоком рельефе; нет внимания к деталям, погрудные изображения крупны; надпись располагается по сторонам изображения столбиком. На оборотной стороне во всех случаях легенда выполнена крупным квадратным шрифтом, характерные буквы: . Эти особенности стиля и шрифта видны на печати одного из первых известных по письменным источникам правителей этой фемы, назначенного еще Василием II анфипата и патрикия Константина.¹⁴⁹

Подтверждают эти наблюдения печати Антиохийской фемы. Созданная после завоевания сирийского побережья в 969 г., эта фема просуществовала немногим более столетия и была потеряна империей в 1085 г. Все опубликованные к настоящему моменту печати антиохийских стратиггов относятся к XI в. В первой половине этого столетия на лицевой стороне антиохийских моливдовулов помещалось погрудное, в высоком рельефе изображение святого с надписью столбиком в поле, с середины же века получает распространение изображение святого воина в рост, анфас, опирающегося правой рукой на копье, а левой поддерживающего стоящий на земле щит.¹⁵⁰ В надписях характерны буквы   (схема V, № 6). Изображения объемны.

В таком же стиле выполнены печати нескольких деятелей XI в., идентифицируемых вполне уверенно: Катакалона, куропалата и дуки Кипра, упоминаемого Аппой Компиной под 1100 г.,¹⁵¹ Иоанна Орфапотрофа,¹⁵² Михаила Евхаита, печать которого с упоминанием его в чине синкелла, который был дан ему Романом Аргиром (1028—1034), может датироваться второй четвертью XI в.,¹⁵³ а без данного титула — 1000—1028 гг.,¹⁵⁴ константинопольского патриарха Алексея (1025—1043),¹⁵⁵ антиохийских патриар-

хов Феодора (1034—1042)¹⁵⁶ и Василия II,¹⁵⁷ а также печать Николая Склира.¹⁵⁸

Итак, для печатей XI в. характерно объемное изображение святого — в первой половине столетия почти исключительно погрудно, а с середины века и святого воина в рост. (Любопытно, что к середине XI в. относится появление изображения императора в образе воина и на византийских монетах). Надпись располагается столбиком по сторонам изображения, но в некоторых случаях помещается и круговая легенда. На оборотной стороне легенда выполнена квадратным шрифтом с характерными буквами: Ψ Υ Δ Λ . В. Лоран отмечал преобладание в это время моливдовулов крупного диаметра.¹⁵⁹

Проверить приведенные заключения на более широком материале позволяет группа памятников, относящихся преимущественно ко второй половине XI—XII в., — это печати проэдров и протопроэдров. В 963 г., желая почтить паракимомена Василия, более других приложившего старания, чтобы Никифор Фока поднялся на престол, новый император создал чин проэдра. До смерти Василия II Болгаробойцы (1025 г.), ненавидевшего паракимомена, этот чин не получал больше ни один человек. Брат Василия II, взявший после его смерти всю полноту власти, пожаловал чин проэдра сразу троим своим приближенным. С каждым новым правителем увеличивалось число проэдров, и вскоре для выделения особо отличившихся в служении императору был создан чин протопроэдра, который после реформы Алексея I также потерял свое значение.¹⁶⁰ Для нас важны эти сведения, поскольку они позволяют выделить большую группу моливдовулов, дата которых не может быть ранее 30-х гг. XI в., и, изучив их, выяснить особенности типа и стиля в это время.

Только у Г. Шлюмберже и В. Лорана опубликовано более пятидесяти печатей, владельцы которых были проэдрами или протопроэдрами. Как на тех, так и на других помещаются изображения святых погрудно¹⁶¹ или в рост,¹⁶² богоматери Оранты¹⁶³ и богоматери, сидящей на троне.¹⁶⁴ Нередки печати с двухсторонней надписью. Все изображения, встречающиеся на этих памятниках, выполнены в сравнительно высоком рельефе, надпись на лицевой стороне расположена столбиком в поле по сторонам изображения.

Итак, печати проэдров и протопроэдров, которые относятся даже не ко всему XI в., а лишь к его второй половине и, возможно, к XII в., показывают те же образцы и ту же манеру исполнения, что и печати фем Антиохии и Болгарии, а также датированные памятники, описанные выше. Таким образом, можно определенно говорить, что в XI в. на печатях широко употреблялись образы святых погрудно или в рост, выполненные объемно, причем со второй половины XI в. появляется изображение святого воина в рост.

Из херсонских печатей с изображением святых только две могут быть сравнены с моливдовулами XI в.: булла архиепископа (№ 58) и печать собрания Херсонесского музея с изображением святого воина, стоящего в рост, анфас (№ 57). Сопоставляется с такой датировкой, основанной на типе лицевой стороны, и надпись на оборотной стороне этого моливдовула, в которой с большим трудом читается должность владельца — катепан. Как доказывает Е. Гликатци-Арвейлер, должность катепана была преобразована и получила распространение лишь в XI в.¹⁶⁵

Другие херсонские печати не находят себе аналогий среди памятников, несомненно датированных XI в. Например, на печатях антиохийских патриархов

Феодора (1034—1042) и Василия (с 1053 г.), упоминавшихся выше, на лицевой стороне погрудное изображение святых и круговая легенда с обращением «Господи. . .»,¹⁶⁶ как на печатах коммеркиария Фотина (№ 29). Однако стиль изображений и шрифт у них совершенно разные: на буллах патриархов изображения святых выполнены в высоком рельефе, а на печати коммеркиария изображение плоское, графичное. Надписи, идентичные по формуле и содержанию, написаны разным шрифтом: на печатах патриархов он крупный, квадратный, характерные литеры — омега в виде полукружия, разделенного вертикальной чертой, и дифтонг *ou*, представляющий собой дугу с горизонтальной линией: *Ω* *Θ*. На печати коммеркиария шрифт крупнее пропорционально изображению, омега начертана так же, как на печатах патриархов, но дифтонг *ou* написан раздельно: *OV*, на печати стратига шрифт, напротив, очень мелкий. Аналогичных примеров достаточно много. Приведем еще лишь один. На лицевой стороне печати М-6622 эрмитажного собрания помещено погрудное объемное изображение св. Николая, по кругу расположена надпись, начинающаяся с обращения *Kύριε. . .*, т. е. тип печати совпадает с типом печати коммеркиария Фотина, однако приемы передачи образа святого на них совершенно разные: на моливдовуле М-6622 изображение выполнено в высоком рельефе, без детализации, так, как и на рассмотренных выше печатах XI в. Действительно, на оборотной стороне этой печати помещен святой воин в рост, появление которого в византийской сфрагистике относят ко второй половине XI в.

Если же обратиться к памятникам X в., то среди них мы и находим ближайшие аналогии как печати коммеркиария Фотина, так и остальным херсонским печатам с изображением святых.

В 942 г. решался спор между монастырем Лавры и жителями одного из окрестных селений, в котором арбитрами были стратиг Фессалоники Катакалон, епископ Фессалоники Григорий, *ἐκ προσώπου* Цула, протоспафарий Дзоэт и эпопт Фома. Документ был скреплен тремя печатами: стратига Катакалона (с изображением сенмурва), епископа (с XII типом крестообразной монограммы) и печатью с изображением св. Димитрия одного из чиновников Фессалоники (надпись на печати очень плохой сохранности, прочесть по фотографии не удалось).¹⁶⁷ Последняя выполнена в плоском рельефе, изображение святого поясное, с небольшой головой. Надпись по кругу содержит обращение *Kύριε, βοήθει. . .*, над плечами столбиком написано имя святого.

За исключением надписи столбиком по сторонам изображения, все элементы типа и стиля на печати фессалоникийского чиновника совпадают с соответствующими элементами на печати коммеркиария Фотина. Если же вспомнить, что к началу X в. отнесены и некоторые печати с графичным изображением богоматери, неизбежно приходится сделать вывод, что данный стиль, графические приемы передачи образа свойственны были не тому или иному сфрагистическому типу, а являлись художественным приемом, свойственным данной эпохе. Этот вывод позволяет нам к этому же периоду, периоду существования графичного стиля, отнести и херсонские печати с графичным изображением св. Николая (№ 28) и св. Стефана (№ 27) и круговой легендой, начинающейся обращением *Ἄγιε, βοήθει. . .*

Среди херсонских печатей с погрудными изображениями святых наибольшие трудности для датировки доставляет моливдовул стратига Феодора (№ 49),

причем плохая сохранность его является лишь одной из причин этого. Объемность в гравировке головы святого могла бы указывать на XI в. Однако в передаче фигуры, насколько можно судить, есть отличие от рассмотренных выше памятников XI в.: она более плоская, с большим использованием линий в трактовке одежды. Аналогичные памятники известны среди византийских моливдовулов. Например, на печати М-6840 изображение святого выполнено в той же рельефной манере. Так же передано изображение св. Иоанна на печати М-6842. Важно отметить, что на этих печатях, так же как и на печатях стратига Феодора, помимо легенды столбиком, содержащей имя святого, имеется круговая стереотипная надпись, начинающаяся обращением Κύριε... , которая отсутствует, как уже говорилось выше, на подавляющем большинстве опубликованных памятников XI в.

К сожалению, датированных печатей с изображением святых, выполненных в подобном стиле, мне найти не удалось. Тем не менее, как кажется, у нас есть возможность наметить тот период, когда бытовали памятники этого стиля. Среди моливдовулов с изображениями святых, по стилю подобных двум вышеописанным, встречаются буллы судей Каппадокии,¹⁶⁸ Армениака,¹⁶⁹ Стримона.¹⁷⁰ Должность судьи существовала в фемах издавна, но лишь к концу X столетия этот чиновник получил высокие полномочия скреплять своей печатью документы.¹⁷¹ Таким образом, наличие среди интересующих нас памятников экземпляров, упоминающих судей, указывает, что некоторые из них могут относиться не ранее, чем к последней четверти X в., т. е. намечает возможную нижнюю границу данного стиля.

Названные выше печати М-6840 и М-6842 позволяют проверить эту дату. На их лицевой стороне помещено погрудное изображение богоматери с руками перед грудью. Моливдовулы с аналогичным иконографическим типом В. Лоран относит к разному времени (X и XI вв.), по-видимому, в зависимости от стиля и шрифта (объяснений датировки, как правило, нет).¹⁷² Изображения богоматери на печатях М-6840 и М-6842 выполнены в той же стилистической манере, что и изображения святых на их оборотной стороне: голова более объемна, фигура же более плоская. В этом стиле выполнены и другие моливдовулы с изображением богоматери как того же самого, так и других иконографических типов. Среди них печать Марии, матери августы Феофано.¹⁷³

Таким образом, перед нами опять группа памятников одного стиля, в которой часть экземпляров датируется второй половиной — концом X в. Поэтому не удивляет, что среди владельцев печатей с изображением богоматери, выполненной в таком рельефном стиле, мы также встречаем судей.¹⁷⁴ Упомянутая в предыдущем параграфе печать стратига Харсиан выполнена именно в этом стиле. Если бы дата упразднения этой феми, предложенная В. Э. Кэги, подтвердилась, мы имели бы еще одно важнейшее свидетельство существования моливдовулов данного стиля до 70-х гг. X в. Однако пока бесспорных доказательств нет, эта печать не является надежным датирующим документом. Другой памятник с изображением богоматери данного стиля и типа — печать епископа Лакседемонии Тсопсмита, — по видимому, датируется более надежно: В. Лоран считает его владельцем архиерея, занимавшего эту кафедру при Василии II.¹⁷⁵

Любопытно, что монеты с изображением богоматери такого стиля, хотя и другого типа, также появляются в царствование Василия II (971—1025).¹⁷⁶

Можно предполагать, что печати этого стиля в XI в. либо сосуществовали с печатями с объемным изображением святых, господство которых со второй четверти XI в. убедительно демонстрировали приводившиеся выше примеры моливдовулов проэдров и чиновников фем Антиохии и Болгарии, либо, скорее, уступили им место. В таком случае мы можем датировать этот самый элегантный из византийских стилей последней четвертью (а скорее, второй половиной) X — началом XI в.

Итак, хотя и весьма ограниченный, материал показывает следующую эволюцию стиля святых, совпадающую с эволюцией стиля в изображении богоматери на печатях. 80-е гг. IX в. — 30—40-е гг. X в. — графичное, плоскостное погрудное изображение. Во второй половине X в. (может быть, с середины X в.) изображения становятся объемными, тонко проработаны лицо и одежды, но заметна диспропорция — фигура менее объемна, чем голова. В XI в. (наиболее ранние датированные памятники относятся ко второй четверти XI в.) изображения делаются в высоком рельефе, можно сказать объемными, внимание к детализации утрачивается.

Внутри первого из этих периодов намечается уточнение. Круговая надпись, содержащая обращение к «Господу» (Κύριε...), на печати чиновника фемы Фессалоники сопровождается надписью столбиком по сторонам изображения святого, которая позднее становится единственной легендой лицевой стороны на большинстве памятников. Обращение Κύριε, читаемое на фессалоникийской булле, также становится единственной формой обращения к святому (в тех случаях, когда наличествует круговая легенда). Эта деталь указывает на то, что памятники графичного стиля с надписью, начинающейся обращением 'Αγιε... , развития которой мы не находим в более поздних памятниках, следует относить к более раннему времени, чем моливдовулы с обращением к Κύριε... Надпись столбиком, имеющаяся на фессалоникийской печати и присутствующая на всех более поздних памятниках, — еще один элемент, отмечающий этапы развития типа печатей.

Херсонские моливдовулы с изображениями святых отражают все три этапа эволюции этих образов византийской сфрагистики конца IX—X в. Мы можем первые два — стратига Херсона Стефана (?) (№ 27), коммеркиария Фотина (?) (№ 28), оба с графичными изображениями и надписью 'Αγιε... отнести к концу IX—началу X в. Печать коммеркиария Фотина (№ 29), на лицевой стороне которой помещен св. Николай и круговая легенда: Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ, — но отсутствует надпись столбиком — к первой трети (до 40-х гг.) X в. Четвертая печать — с именем св. Феодора (№ 49) — скорее всего может быть датирована второй половиной X в. — началом XI в., однако плохая сохранность ее не позволяет быть полностью уверенным в предложенной дате. Печать архиепископа — не ранее XI в.

В настоящем параграфе помещена лишь первая схема развития иконографии и стиля святых, встречающихся на херсонских буллах. Она, несомненно, будет уточняться и дополняться. Однако и на этом этапе она позволяет нам устанавливать приблизительное время моливдовулов, весьма трудных для датировки. Я имею в виду печати с изображением стоящего в рост св. Иоанна, принадлежавшие стратигам Георгию (№ 45, 45а) и Иоанну (№ 48).

Не только среди датированных, но и вообще среди хранящихся в Эрмитаже и изданных моливдовулов Византии не удалось найти памятников, полностью

аналогичных херсонским. Легенды их оборотных сторон содержат очень мало данных для датировки. Тем не менее, кажется, что некоторые соображения, пока очень и очень осторожные, о времени бытования этих печатей, можно высказать. Прежде всего, на лицевой стороне моливдовулов № 45 и 45а по кругу размещена надпись, заключающая обращение *Κύριε...*, редко встречающееся на печатях с изображением святых в рост, обычных для сфрагистики XI в. Манера изображения св. Иоанна напоминает печати второй половины X в.: довольно рельефно выполнена голова и в более низком рельефе исполнена фигура, промоделированная складками одежды. Омега в легенде на лицевой стороне выгравирована с петельками внизу. Начертания букв этой печати близки шрифту второй половины X в., о чем речь будет дальше. В то же время родовое имя владельца печати тянет печать к XI в., когда помещение родового имени на печати становится правилом. Сочетание всех перечисленных признаков, как кажется, позволяет датировать эти печати второй половиной X — самым началом XI столетия.

Печать № 48 с именем стратига Иоанна и изображением св. Иоанна в рост, несмотря на сходство в типе лицевой стороны, кажется более поздней, чем предшествующие: буквы оборотной стороны менее правильные и не вытянутые, а скорее вписывающиеся в квадрат. Впрочем, чрезвычайно плохая сохранность этого экземпляра оставляет открытым вопрос о его датировке.

Две печати: с погрудным объемным изображением св. Николая и стоящим в рост св. Иоанном (№ 47, 46) — вероятно, относятся к этой же группе моливдовулов второй половины X — начала XI в. К сожалению, я видела их всего несколько минут, и, не имея возможности проверить особенности шрифта и детали изображений, затрудняюсь в более твердой датировке.

Итак, предложенные в настоящем параграфе даты херсонских моливдовулов с изображением святых меняют картину, которая могла сложиться на основе заключений издателей: среди херсонских печатей лишь два экземпляра надежно датируются XI в. Преобладают же памятники X в., а две печати можно твердо отнести к концу IX — началу X в.

Рассмотренный в данном параграфе материал позволяет предложить приблизительную дату — конец X — начало XI в. — еще одной херсонской печати (№ 50), к сожалению, очень плохой сохранности, на которой помещено изображение богородицы с младенцем на груди, выполненное, как кажется, в том же стиле, что и печать стратига Феодора. Помимо стилистической близости лицевой стороны, печати обнаруживают также сходство в легенде и шрифте оборотных сторон.

НЕКОТОРЫЕ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ¹⁷⁷

Прежде чем переходить к датировке следующей группы моливдовулов, необходимо подвести некоторые итоги.

В предыдущих разделах были рассмотрены четыре группы печатей, объединившихся по чисто формальному признаку — идентичным или близким изображениям на лицевой стороне. Этот формальный принцип классификации, в одном случае счастливо дополненный сведениями письменных источников (печати с крестообразными монограммами V и VIII типов), позволил обнаружить

некоторые закономерности. Во-первых, херсонские печати не являются оригинальными, обособленными от остальных византийских моливдовулов ни по типу, ни по характеру изображения. Даже в том случае, когда владелец печати занимал должность, неизвестную в других местах империи (кир), его печать несет изображение, обычное для печатей должностных лиц Византии того времени. Это дало основание датировать печати Херсона, сравнивая с аналогичными печатями других областей империи, дата которых надежно устанавливается. Во-вторых, в ряде случаев удалось определить промежуток времени, в который тот или иной образ бытует без значительных изменений. Например, печати с крестообразными монограммами V и VIII типов, по-видимому, обязательными на фемных печатях чиновников VIII—IX вв., перестают употребляться к 80-м гг. IX в. Следующий за крестообразной монограммой V или VIII типа сфрагистический тип, из встречающихся на моливдовулах Херсона, — с погрудным изображением богоматери с младенцем Христом на груди, выполненным в графичной манере, — был распространен на фемных печатях с конца 60—80-х гг. IX в. до 30—40 х гг. X в. Аналогичный по манере исполнения и близкий по композиции тип святого с надписью-обращением 'Αγιε, βοήθει... можно отнести к тому же времени, может быть, только с более поздней нижней границей. Поясное изображение святого, выполненное в графичном стиле, с круговой легендой Κόριε, βοήθει τῷ σῶ δουλό, следует за ним. С 30—40 гг. X в. и до конца столетия изредка употребляется на моливдовулах крестообразная монограмма XII типа. Ко второй половине X — началу XI в. относятся рельефные, тщательно проработанные изображения богоматери (погрудно) и святых (погрудно и в рост). Одиннадцатым веком датируются печати с объемными обобщенными изображениями святых и богоматери.

Первый вывод, который можно было сделать из рассмотренного материала, был сформулирован в предыдущем разделе: памятники одного стиля одновременны.

Однако, если даже учитывать и разнообразные сфрагистические типы, выполненные в одном стиле, вывод окажется неполным. Приведу пример. На печатях фемы Сицилии, помимо упоминавшихся ранее печатей с крестообразной монограммой и четырехконечным крестом, имеется одна с изображением павлина. Птица выполнена в сравнительно высоком рельефе, реалистично. Если формально следовать выводу о стилистических чертах, свойственных эпохе, этот моливдовул стратига Сицилии следовало бы отнести к периоду не ранее второй половины X в. Другой пример. К описанному Ф. Дольгером и упоминавшемуся выше документу 942 г. были привешены три печати: с монограммой XII типа, с графичным поясным изображением святого Николая и с рельефным «реалистическим», насколько может быть реалистичен фантастический зверь, изображением сенмурва.¹⁷⁸ Казалось бы, сочетание печатей с плоским изображением святого и с объемным сенмурва противоречит выводу о разновременности разностильных печатей.

Однако следует обратить внимание на то, что в обоих примерах объемными оказываются изображения зверей, а изображения святых — плоскими. В этом есть определенная закономерность. Понять ее помогают монеты — хорошо датированный массовый материал.

С начала VIII в. даже на золотых монетах, изготовление штемпелей для которых мастерами высокой квалификации не вызывает сомнений, изображение

императора (единственное антропоморфное изображение на монетах в течение полутора столетий), передавало символический образ императора, а не портрет находившегося у власти правителя и выполнялось в плоском рельефе. В том же стиле чеканены монеты и конца IX — начала X в., в типе которых сохраняется устоявшаяся веками иконографическая схема.¹⁷⁹

Первое нарушение канона в типологии сопровождалось и нарушением традиции в манере исполнения.¹⁸⁰ Портретные солиды Льва VI с несомненностью свидетельствуют, что отнюдь не неумение гравера, а именно традиция, художественное мышление были причиной плоских или объемных изображений.

Отмечавшееся выше изменение написания беты в IX в. одновременно с изменением сфрагистического типа (закрытая форма беты в крестообразной монограмме и открытая на печатях с крестом), произошедшее как по мановению волшебной палочки по всей империи, также подтверждает сделанное выше наблюдение: изменение манеры изображения, стиля происходит в момент или одновременно с изменением типологии. Поэтому неудивительно, что все изображения богоматери с руками перед грудью исполнены в объемной манере: новый образ позволял применить новые приемы передачи его, в то время как старый требовал следования канону, традиции и в стиле.

Вывод, который следует из вышесказанного, как может показаться, должен подрывать по крайней мере часть заключений относительно датировок, сделанных в предыдущих разделах: на основании его следует допустить сосуществование, например, изображений святых, выполненных в разных стилях. Однако это не так: как правило, новый образ вытесняет старый довольно скоро (мода в те времена была не менее заразна, чем теперь): среди памятников, надежно датируемых второй половиной IX в., нет моливдовулов с объемным изображением богоматери, в то время как через столетие невозможно найти плоское ее изображение и т. д.

Конечно, между первым появлением нового типа и его всеобщим признанием, т. е. массовым распространением, должно пройти какое-то время, время привыкания к новому в массе и выработки твердого канона у художников. В этот период может наблюдаться взаимопроникновение деталей старого в новое и нового в старое. Памятники, вышедшие из-под резца гравера именно в такой «промежуточный» период, могут иметь черты, осложняющие их датировку: индивидуальные образ и стиль. Кроме того, по той или иной причине отдельные памятники и даже целые группы со стандартными изображениями не удастся датировать по лицевой стороне. Таким образом, возникает необходимость использовать другие датирующие признаки.

В настоящем параграфе я касаюсь одного — надписи. Легенда присутствует на всех печатях Херсона. Более того, среди его сфрагистических памятников имеются экземпляры, на которых и на лицевой стороне помещена надпись, — тип, довольно распространенный в Византии. Поэтому надпись, ее эпиграфические особенности не только дают уточняющий дополнительный материал, но в ряде случаев могут стать и основным критерием для датировки.

Выявить особенности написания букв и всей легенды в определенный отрезок времени — задача чрезвычайно трудная. Более того, в настоящий момент в полном объеме она представляется для меня невыполнимой. Дело в том, во-первых, что в надписи, пожалуй, больше, чем в изображении, отражается индивидуальность резчика, поэтому появляется опасность «почерк» гравера при-

нять за особенность, характерную для эпохи. Во-вторых, опытный и неумелый мастер всегда будут отличаться друг от друга, а мы не всегда в работе плохого мастера сможем усмотреть характерные особенности времени. И наконец, плохая сохранность многих экземпляров не позволяет выявить особенности начертания букв отдельных памятников.

К сожалению, для датировки шрифтов на печатях невозможно использовать достижения палеографии или эпиграфики: начертания букв в рукописях и на печатях имеют мало общего,¹⁸¹ а датировка византийских эпиграфических памятников чрезвычайно слабо разработана.¹⁸² Поэтому эпиграфика византийских моливдовулов разрабатывается самостоятельно и, как представляется, в последние годы весьма успешно. Если В. Лоран нередко по шрифту относит печать к тому или иному времени, но в чем именно заключаются особенности надписей каждой эпохи и как это им доказывается, не говорит, если Б. А. Панченко также считал возможным датировать печати по шрифту, но нигде не определял характер литер разных эпох, то в работе В. Зайбта можно найти подробные описания особенностей отдельных букв, позволяющих датировать печать тем или иным временем. В настоящем разделе делается попытка обобщить наблюдения Н. П. Лихачева, Г. Закося, А. Веглери, В. Зайбта, проверить их на материале собрания Эрмитажа и применительно к печатям Херсона.

Для того чтобы выявить шрифты определенного отрезка времени, было бы идеально проанализировать характер письма многих десятков моливдовулов, надежно и бесспорно датированных. К сожалению, это невозможно сделать, поскольку таких печатей — единицы. Но даже из этих немногих точно датированных экземпляров не все могут быть использованы в данной работе: буллы, опубликованные в прорисовке (например, у Шлюмберже) или плохой фотографии (как, например, в работе Банеску), не дают уверенности, что буквы переданы или увиденны без искажений. Мне кажется, что неправильно было бы использовать для выяснения начертания букв разного времени и опубликованные В. Лораном печати, датировка которых им доказательно не объяснена: в этом случае снижается степень надежности делаемых выводов. Поэтому я базировалась в основном на материале собрания Эрмитажа и лишь там, где это было возможно и особенно важно, привлекала опубликованные в фотографиях моливдовулы.

Чтобы уменьшить вероятность ошибок, я постаралась отсеять как можно больше сомнительных данных. В частности там, где, как кажется, мне удалось доказать, что стиль и тип моливдовула не зависел от положения его владельца в системе византийской иерархии, я использовала все печати с погрудным графичным изображением богородицы Никопейи и с графичным же изображением святых из собрания Эрмитажа, достаточно хорошо сохранившиеся, чтобы можно было фиксировать их шрифт. В других же случаях я использовала преимущественно моливдовулы фемных чиновников, поскольку печати Херсона, ради датировки которых проводится эта работа, в большинстве случаев принадлежат чиновникам фем.

Материал рассматривался в следующем порядке. Сначала было выяснено, существуют ли различия в начертании букв на печатях с одинаковыми по типу и стилю изображениями, которые были рассмотрены в предыдущих разделах и объединены как одновременные (схема III, № 3—10 — второй половины IX—30—40-х гг. X в.; схема IV — конец IX — 40-е гг. X в.), а также на буллах с разными изображениями, но одного времени (схема III, № 1, 2, 3—10; схемы V,

№ 1—5, VI, VII). Затем были сравнены между собой шрифты печатей разновременных групп с целью выяснить сходство и различие в их начертании. Третий этап — сравнение шрифтов рассмотренных групп (схема I—V) с шрифтом печатей, время которых точно определяется датой документа, при котором они сохранились (схема VII, № 5—7, 9—11), или содержанием легенды (схема VII, № 1—4, 8). Четвертый этап: надписи херсонских моливдовулов были сравнены с надписями предыдущих групп, чтобы выяснить, представляют ли печати Херсона нечто оригинальное по шрифту или и в этом отношении следуют общевизантийской традиции. Результаты исследования сведены в таблицу, дающую в алфавитном порядке литеры, в начертании которых замечаются временные отличия (схема IX).

Как можно заметить из схем, внутри каждой из временных групп оказываются объединенными печати, далеко не идентичные по шрифту. В каждой из групп можно видеть и более крупный и более мелкий шрифт, иногда в зависимости от величины самой печати, иногда — в зависимости от количества слов в легенде или потребностей типа. Даже на одной и той же печати зачастую на лицевой стороне легенда выполнена мелким шрифтом, в то время как на оборотной — крупным (схема III, № 5, 6; схема IV, № 1, 2; схема VI, № 1—8; схема IV, № 7, и т. д.)

Величина букв не может не влиять на особенности начертаний. Например, мельчайшие, в миллиметр высотой, буквы в надписи лицевой стороны невозможно выполнить широкими линиями или вырезать альфу той сложной формы, которая встречается на печатях XI в. (схема VII, № 3, 7 и др.).

Итак, шрифт разной величины встречается на печатях и IX, и X, и XI вв. Разная величина букв в некоторой степени влияет на характер их исполнения; у гравера меньше возможностей, технически обусловленных, варьировать маленькие буквы, и потому зачастую мелкий шрифт X в. трудно отличим от мелкого шрифта XI в.

Между тем, шрифт в течение рассматриваемых столетий безусловно претерпевал изменения. Как указывалось в разделе о крестообразных монограммах, на печатях первой половины IX в. был употребителен вытянутый прямоугольный строгий шрифт (схема III, № 3). Такой же прямоугольный и строгий, но менее вытянутый шрифт преобладает на моливдовулах второй половины IX в. (схема III, № 1, 2; схема VII, № 1—3).

Однако, если даже посмотреть только печати со схематичным изображением богородицы и святых, т. е. памятники, укладываемые приблизительно в столетие — от середины IX в. до середины X в., — можно заметить значительные изменения не только в величине, но и характере шрифта. Например, печать епископа Пергама выполнена вытянутым прямоугольным, строгим шрифтом, характерным для шрифта первой половины IX в. (схема III, № 3), в то время как моливдовул, принадлежащий епископу Коркиры Пахомию (схема III, № 4), гравирован прямоугольным, строгим, но менее вытянутым шрифтом, близким тому, который видим на печати стратига Сицилии Иоанна (схема III, № 2). Близкие аналогии этому шрифту можно найти и среди печатей со схематичным изображением святых (схема IV, № 1, 4). Среди моливдовулов схемы IV можно наблюдать экземпляры и с другим шрифтом: некоторые его буквы (например Г, А), выполненные как бы с помощью треугольного пунсона, состоят из клинышков, а сам шрифт приближается к квадратному (схема IV, № 2, 5). Важно

отметить, что этот шрифт присущ не только немногим экземплярам с изображением святых, которые приведены в таблице, мы встречаем его на печатях Херсона (схема VIII, № 7) и, что особенно важно, на датированных моливдовулах середины X в., 942 г. — печать протоспафария Дзоэта (схема VII, № 2), 963 г. — на печати паракимомена Василия (схема VII, № 8).

Как уже отмечалось, нумизматика, весьма близкая к сфрагистике область, пока очень мало может помочь в датировке интересующих нас печатей: на монетах долгое время употребляется латинский шрифт, включавший лишь отдельные греческие литеры. Однако хотелось бы отметить, что на некоторых солидах времени Константина VII и Романа II (942—956) буквы этого шрифта гравировались тем же приемом, что и на печатях Дзоэта и Василия Паракимомена, — составлялись из клинышков.¹⁸³ Этот любопытный факт позволяет надеяться, что со временем большее знакомство с приемами работы резчиков монетных штемпелей и матриц печатей, сравнение этих приемов позволит успешнее привлекать нумизматику для датировки моливдовулов.

Следует подчеркнуть, что другая часть солидов Константина VII и Романа II выполнена иным шрифтом — буквы резались линиями с утолщениями или крышечками на концах.¹⁸⁴ Этот же прием характерен для рассмотренных выше двух шрифтов печатей — первой половины IX и второй половины IX в. Так же выполнены буквы и на печати 942 г., подвешенной к тому же документу, что и печать Дзоэта, — на булле стратига Фессалоники Катакалона (схема VII, № 5).

Из приведенных наблюдений можно сделать следующий вывод. В течение IX—первой половины X в. происходит постепенная эволюция шрифта: вытянутый прямоугольный строгий в первой половине IX в., во второй половине этого столетия он, сохраняя преимущественно прямоугольность и строгость, становится более приземистым. Буквы этого шрифта выполнены прямыми линиями с утолщениями или «крышечками» на концах.

В 30-х—40-х гг. X в. буквы заметно становятся ниже, очертания их приближаются к квадрату. Одновременно применяется новый прием гравировки — буква как бы составляется из клинышков. Печати 942 г. подтверждают высказанное в начале этого раздела наблюдение, позволяя распространить его и на шрифт: в период смены технических приемов разные типы шрифтов могут сосуществовать.

Труднее охарактеризовать шрифт второй половины X в., поскольку в нашем распоряжении очень мало достаточно точно датированных памятников этого времени. На схеме V приведено несколько печатей, по типу они могут быть отнесены ко второй половине X в. Все они выполнены шрифтом, который условно можно назвать квадратным: буквы мелкие, но ровные, у некоторых ширина больше высоты, примоплывшийся ранее прием гравировки клинышками сохранился в элементах некоторых букв (Т, о и др.). Возможно, ко второй половине X в. относится другой шрифт, не представленный в схеме, поскольку мне не удалось выявить датированные экземпляры: мелкий, невыразительный — встречающийся, в частности, на херсонской печати с рельефным изображением святого (схема VIII, № 10).

О шрифте XI в. говорилось в разделе об изображении святых; приведенный на схеме V, № 6 пример подтверждает сделанный ранее вывод: буквы квадратные, в большинстве случаев крупные, между буквами значительное расстояние. Однако, постепенно, возможно, в связи со стремлением владельцев вме-

стить на печати как можно более подробное перечисление их титулов и званий, из-за чего надпись значительно удлинялась, граверы вынуждены были сужать буквы, и, вероятно, на рубеже XI и XII вв. некоторые литеры приобретают вытянутые пропорции (схема VI, № 6, 7), но шрифт в целом становится неровным.

Параллельно эволюции шрифта в целом происходит изменение начертания отдельных букв. На печатях второй половины IX—первой четверти X в., независимо от типа лицевой стороны (павлин, четырехконечный крест, богоматерь или святые графичного стиля с обращением "Αγιε, βοήθει) употребляется омега с двумя петельками внизу. В середине X и с середины XI в. перемежаются омега с двумя петельками внизу и омега в виде полукружия (схема V). Более того, со временем, вероятно, можно будет установить детальные отличия этой буквы в разные промежутки времени. Например, на печатях, привешенных к документу 942 г. (схема VII, № 5, 6), омега по конфигурации близка этой литере с петельками внизу: крайние линии либо вертикальны, либо чуть расходятся в стороны, на печатях же второй половины XI в. кончики этих линий иногда отогнуты вовне (схема VII, № 11).

В течение интересующих нас двух столетий меняется начертание и других букв. Альфа и лямбда, например, в конце IX—начале X в. передаются двумя прямыми черточками, исходящими из одной точки. Поперечная линия у альфы идет от конца левой черточки к середине правой; буква, как бы вписанная в прямоугольник, гравировалась ровными прямыми линиями, концы прикрывались «крышками» (схема III, № 1, 2, 4). С середины X в. начертание этих букв меняется (схема V, № 1, 2, 4), и в XI в. они пишутся полукруглыми линиями, исходящими из помещенного вверху клинышка (схема V, № 6; схема VII, № 9—11). Изменения альфы и омеги чрезвычайно заметны и постоянны: если на печатях второй половины X в. можно увидеть альфу, выполненную прямыми линиями, исходящими из одной точки, то на печатях первой половины этого столетия невозможно наблюдать обратное. И этот факт — отсутствие букв новых начертаний на ранних печатях, новая манера начертания букв иногда надежнее, чем шрифт в целом, может датировать печать.

Печати Херсона в основном следуют общевизантийской традиции не только в иконографии и типологии, но и в шрифте. Строгий, продолговатый (прямоугольный) шрифт, который характерен для первой половины IX в., мы видим на печатях кира Херсона и чиновника фемы Климатов, датированных на основании других данных первой половиной — 60-ми гг. IX в. На печатях с крестообразной монограммой V и VIII типов, принадлежавших стратигам и коммеркиариям Херсона, шрифт меняется — становится менее ровным (на печати коммеркиария Херсона) и значительно более низким, но буквы остаются характерными для IX в.: омега с петельками внизу, альфа и лямбда в виде прямых линий, расширяющихся книзу. Следует обратить внимание на то, что между шрифтом лицевой и оборотной сторон на моливдовуле, принадлежавшем коммеркиарию Иоанну, заметна значительная разница. Может быть, матрицы для разных сторон у этой печати разновременны или сделаны разными мастерами, судить об этом мы еще не можем. Но херсонская печать в этом отношении не исключение: разный шрифт лицевой и оборотной сторон, хотя и не столь разительно отличающийся, встречается и на других печатях, например, на печатях 942 г. (схема VII). Хотя и ровный, но довольно приземистый шрифт с элементами, которые становятся характерной особенностью в середине X в., — «клинышками»

на некоторых буквах, — можно видеть на печати с графичным изображением св. Николая и графичным же изображением богородицы на печати коммерция Дамиана (обе из Херсонесского музея).

Шрифт печати с XII типом крестообразной монограммы, а также объемным изображением святого (VIII, № 9, 10) заметно отличается от шрифта всех рассмотренных выше печатей Херсона: мелкий, квадратный, ширина некоторых букв больше высоты. Характерное написание омеги в виде полукружия также подтверждает их дату, предложенную в соответствующих разделах, — вторая половина X в.

К сожалению, печать херсонского стратига (№ 57), несомненно относящаяся к XI в. (с изображением святого воина в рост), настолько плохой сохранности, что невозможно установить начертание отдельных букв и судить о шрифте, тем более что и чтение ее остается довольно сомнительным.

Итак, в этом параграфе я постаралась показать, что на византийских моливдулах, несмотря на многие отклонения, существует общая закономерность в развитии не только типологии и иконографии, но и письма, что позволяет уточнять датировку или даже датировать сфрагистические памятники на основе шрифта. Эти закономерности отражены на печатях Херсона в той же степени, что и на печатях других мест империи. Этот важный вывод следует подчеркнуть, так как на его основании будет датирована следующая группа памятников.

Нужно оговорить еще раз, что далеко не все моливдулы обладают тем четким, характерным для того или иного времени шрифтом, о котором говорилось выше. На печатях с крестом, о которых пойдет речь в следующем разделе, встретилось достаточно много экземпляров, на которых трудно уловить какую бы то ни было специфическую особенность шрифта, помогающую датировке. Хотя есть основания считать, что такой «безликий» шрифт, как уже говорилось, датируется второй половиной X — началом XI в.¹⁸⁵ Причина здесь в недостаточных знаниях и в отсутствии большого количества датированных памятников с этим «безликим» шрифтом, но можно быть уверенным, что со временем удастся найти дополнительные критерии, чтобы выявить моливдулы с таким шрифтом.

ПЕЧАТИ С КРЕСТАМИ

Херсонские печати с крестом на лицевой стороне можно разделить на три основные группы:

1. С шестиконечным процветшим крестом на Голгофе (№ 30—36).
2. С шестиконечным пышно процветшим крестом на Голгофе (№ 51, 51а, 52).
3. С шестиконечным крестом на Голгофе, без цветения (№ 37—43).

Из шести экземпляров первой группы пять изданы Г. Шлюмберже и датированы им XI в.¹⁸⁶ Два моливдула второй группы — одной матрицы, из них эрмитажный опубликован И. И. Толстым, но не датирован.¹⁸⁷ Три печати третьей группы отнесены В. Лораном¹⁸⁸ и Г. Шлюмберже¹⁸⁹ к XI в., И. И. Толстой издал принадлежавший ему экземпляр без указания даты.¹⁹⁰ Итак, следуя издателям, нужно значительную часть печатей с крестом отнести к XI в.

Как и в большинстве других случаев, ни у Г. Шлюмберже, ни у В. Лорана мы не найдем конкретных объяснений предложенных датировок. Нужно полагать, что здесь, так же как и при датировке других типов печатей, В. Лоран

основывался на каких-то общих предположениях, для нас не всегда ясных. Так, печати с четырехконечным крестом он датирует преимущественно второй половиной IX в.,¹⁹¹ но иногда просто X в.¹⁹² Печати с процветшим крестом отнесены им преимущественно к X—XI вв.,¹⁹³ процветший четырехконечный крест — даже к IX в.¹⁹⁴ Время бытования печатей с шестиконечным крестом без цветения В. Лоран определял IX—XI вв., причем уточняющим признаком являлся шрифт.¹⁹⁵ По шрифту датировал эти памятники и Б. А. Панченко, но период их существования ограничивал VIII—X вв.¹⁹⁶

Как и во многих других разделах, Н. П. Лихачев начал исследование, позволившее бы датировать печати с крестами более точно и аргументированно, но его работа осталась незаконченной, выводы случайно оброненными при описании отдельных памятников. Так, четырехконечный крест на Голгофе он считал старейшей разновидностью сфрагистического типа с крестом¹⁹⁷: «наиболее вероятное время — первая половина X в., с полной возможностью IX столетия (хотя бы конца его)».¹⁹⁸

К тому же времени, что и печати с четырехконечным крестом, т. е. к концу IX—первой половине X столетия он относил печати с шестиконечными крестами без цветения,¹⁹⁹ большинство же моливдовулов с процветшими крестами — к X в.: с цветением до нижнего плеча — к первой половине,²⁰⁰ с цветением до верхнего плеча — ко второй половине этого столетия.²⁰¹

Близкой к лихачевской хронологии печатей с крестами придерживается В. Зайбт. Опубликованные им печати с шестиконечными крестами на Голгофе он датирует — в зависимости от палеографических особенностей букв — третьей четвертью IX—первой половиной X в.,²⁰² процветшие шестиконечные кресты с цветением до нижнего плеча им отнесены к первой половине—середине X в.,²⁰³ а шестиконечные кресты на Голгофе с пышным цветением, по его мнению, появились в середине X в. и были широко распространены до начала XI в.²⁰⁴

Итак, мнения исследователей о датах печатей с крестами довольно разнообразны. Следуя Н. П. Лихачеву и В. Зайбту, херсонские печати с крестами можно датировать последней третью IX—началом XI в., к тому же двухсотлетнему почти периоду следовало бы отнести их, если согласоваться с мнением В. Лорана, и лишь датировка Г. Шлюмберже отличается от распространенного ныне мнения. Тем не менее представляется необходимым проверить, насколько широко применима предлагаемая исследователями хронология печатей с крестами.

При проведении этой работы опереться на достижения в смежных дисциплинах пока представляется невозможным. Крест — один из важнейших и первых символов христианства — является одной из тем христианского искусства с первых веков нашей эры и до наших дней. Казалось бы, обилие памятников позволяет хорошо ее разработать, а между тем она остается сравнительно мало исследованной. Сошлюсь на статью Т. Райса, посвященную процветшим крестам, где приводятся примеры удивительной произвольности датировок: одни и те же памятники одни исследователи относят к VI в., другие — к XI в.,²⁰⁵ В статье Леклерка, посвященной крестам, не приводятся датировки различных их типов.²⁰⁶

Аналогии с нумизматикой опасны. Четырехконечный крест на Голгофе, с перекрестиями на концах — того самого типа, что на печатях, которые

Н. П. Лихачев относил к концу IX—нач. X в., — в конце IX в. тоже употреблялся на монетах.²⁰⁷ Однако он же был постоянным типом византийских милиарисиев в течение всего иконоборческого периода.²⁰⁸ Значит ли это, что и в сфрагистике этот тип креста мог использоваться в течение VIII—первой половины IX в.? Пока что такие печати не опубликованы (кроме императорских). Шестиконечный крест на Голгофе, подобный изображенному на моливдовулах херсонской третьей группы, можно найти на монетах IX—X вв.,²⁰⁹ в сфрагистике же он бытовал во второй половине IX—первой половине X в. В нумизматике процветший крест появился только в XI в., а на печатях — в X столетии и т. д.

Однако нумизматика позволяет заметить одно важное обстоятельство: X в. — время «свободомыслия», когда художники решаются нарушить, отступить от вековых традиций и начинают вносить постоянные изменения даже в такой малоизменяемый образ, как крест: при Александре (912 г.) на пересечении концов креста помещается медальон с погрудным изображением императора; при Константине VII крест как бы составлен из четырех равноконечных, украшенных на концах клинышками и точками, крестов. При внуке Константина Василии II крест украшается на концах поперечинами с точками, которые образуют небольшие кресты, на нижнем вертикальном конце помещается полумесяц, а у его основания — чуть заметные «росточки».²¹⁰ Это наблюдение дает нам возможность основательно предполагать, что и в сфрагистике X столетия можно ожидать разнообразные формы креста, сосуществующие или очень быстро сменяющие друг друга.

Итак, чтобы решить вопросы датировки моливдовулов с крестами, мы пока можем опираться только на сами памятники сфрагистики. К сожалению, несмотря на большое, по сравнению с другими типами, количество печатей с крестами, среди них оказалось значительно меньше экземпляров с бесспорными или «ограничительными» датами. Это обстоятельство значительно осложняет датировку интересующих нас типов печатей с крестами. Лишь их массовость дает нам возможность произвести классификацию печатей по типам креста и характеру шрифта и, уже исходя из этих данных, попытаться определить время бытования того или иного типа.

В эрмитажном собрании хранится около ста печатей с изображением процветшего шестиконечного креста, подобного тому, какой помещен на херсонских печатях первой группы и который в настоящей работе отнесен к первому типу (схема классификации дана в схеме X). На этом первом типе шестиконечного процветшего креста цветение передано в виде двух веток с двумя отгибающимися вниз лепестками. Ветки поднимаются перпендикулярно вверх от концов верхней ступени Голгофы либо приблизительно под углом в 45° от основания креста. В зависимости от высоты и наклона веток, этот тип можно разделить на три подтипа: 1 — цветение не доходит до нижнего поперечного конца;²¹¹ 2 — цветение достигает нижнего конца;²¹² 3 — цветение поднимается выше нижнего поперечного конца.²¹³ На печатях первого и третьего подтипов помещаются иногда украшения в виде косых крестиков на пересечении концов основного креста, а на печатях второго подтипа они располагаются по сторонам креста в поле в виде розетки, крестиков, точек.²¹⁴

По шрифту моливдовулы с первым типом креста столь же разнообразны, как и по формам цветения. Из 90 экземпляров эрмитажного собрания около

одной шестой выполнено шрифтом, который можно сравнить с описанным выше шрифтом начала X в.: чуть удлиненным, с вертикальными линиями, у некоторых букв заканчивающимися горизонтальными черточками, а не треугольными клинышками, как в середине X в.²¹⁵ Важно отметить, что среди печатей с этим шрифтом мы не находим ни одной, на которой крест был бы усложнен косыми крестами на пересечении концов, зато встречаются экземпляры, где в поле по сторонам креста помещена розетка. По форме цветения все печати относятся ко второму подтипу.

Приблизительно такое же количество печатей написано более низким, почти квадратным шрифтом, при гравировке литер использован треугольный пунсон («клинышки»). Как и в первой подгруппе, все кресты можно отнести ко второму подтипу. Украшения также в основном располагаются в поле, лишь на трех экземплярах на пересечении концов помещены косые кресты.²¹⁶

Третья группа печатей написана ровным некрупным шрифтом, определить время которого я затрудняюсь. Кресты по форме цветения относятся к первому подтипу. Следует отметить, что из шести экземпляров, составляющих эту группу, на одном надпись почти не сохранилась, а два написаны необычным, очень плохим, провинциальным шрифтом.²¹⁷

Ни на одной из печатей перечисленных трех групп не употреблена омега в виде полукружия. Эта палеографическая особенность позволяет считать, что, так как в данном случае шрифт не связан с типом, все три группы печатей, на которых употреблен разный шрифт, относятся к одному периоду, когда не вошла еще в широкое употребление на печатях омега без петель внизу, т. е. к первой половине X в.

Большинство печатей с процветшим крестом первого типа написано, однако, не перечисленными выше шрифтами, а мелким квадратным шрифтом, в надписи оборотной стороны нередко употребляется омега в виде полукружий.²¹⁸ Крест, помещаемый на лицевой стороне этих печатей, относится к третьему подтипу: ветви цветения поднимаются выше нижней перекладины. Особенности написания букв на печатях этой группы склоняют к датировке ее серединой — второй половиной X в.

Таким образом, печати с процветшим крестом первого типа были в обиходе в течение всего X в. Приведенные наблюдения позволяют определить их более точно в зависимости от характера шрифта и особенностей «цветения»: цветение до нижней перекладины обычно на более ранних печатях, на которых омега с петельками, на более поздних — середина—вторая половина X в. (омега в виде полукружия) — цветение выше нижнего плеча.

Если вернемся к печатям Херсона, то, как и при изучении всех других, рассмотренных в предыдущих параграфах, увидим, что они не отличаются ни по типу, ни по характеру шрифта от рассмотренных выше печатей, владельцы которых занимали должности в других городах империи. Помещенный на них крест, за единственным исключением, относится ко второму подтипу, шрифт строгий, чуть вытянутый, иногда почти квадратный (№ 31). К сожалению, особенности написания букв мы не можем проследить на большинстве печатей, так как они изданы без фотографий, а прорисовка, как неоднократно отмечалось, не отражает действительный характер шрифта. Поэтому лишь печати эрмитажного собрания (№ 31 и 32) мы можем с уверенностью отнести к первой половине X в. Что же касается двух, изданных Г. Шлюмберже (№ 33, 35), то их время

установить более точно невозможно. Может быть, печать коммеркиария Сергия (№ 35) принадлежит тому же лицу, что и печать с шестиконечным крестом без цветения, тогда мы можем отнести ее к концу IX—первой половине X в.

Особо следует сказать о печати собрания Херсонесского музея с именем стратига Феодора (?) (№ 30). Помещенный на ней крест может быть отнесен к первому подтипу. Однако по шрифту эта печать значительно отличается от тех эрмитажных экземпляров, на которых мы обнаруживаем крест с цветением, не достигающим нижнего поперечного конца. Обратная сторона ее написана прекрасным прямоугольным шрифтом с ровными прямыми линиями, который можно видеть на печатях с четырехконечным крестом, датируемых второй половиной IX—началом X в. Такую датировку подтверждает и чин ее владельца — спафарокандидат.

Показанная на многочисленных примерах синхронность развития типологии, иконографии, шрифта печатей Херсона и всех остальных областей империи дает нам право определить время печатей Херсона с другими типами креста, не прибегая к анализу многочисленных аналогичных памятников, приведя данные лишь о датированных экземплярах.

На печатях со вторым типом цветения основные ветки поднимаются до верхнего конца, но чаще заходят за него. От них, чуть ниже нижнего конца креста, спускается вниз ветвь, которая украшена несколькими лепестками, иногда цветком (обязательной стандартности, как у первого типа цветения, нет). Крест всегда украшен одним или двумя перекрестьями на пересечении концов. Шрифт в большинстве случаев некрупный квадратный, однако различающийся деталями в написании букв. Например, печать М-8689 эрмитажного собрания написана чуть вытянутым шрифтом, линии букв заканчиваются клинышками, как на печатях середины X в. Это единственная из сорока экземпляров эрмитажного собрания печать, выполненная таким шрифтом. Как кажется, она определяет нижнюю границу распространения печатей с таким типом креста, тем более, что и форма цветения на ней не получила еще стандартного вида: ветви не поднимаются перпендикулярно верхней ступени на Голгофе, а слегка выгибаются к вертикальному концу креста, принимая затем форму чаши.

Другая эрмитажная печать М-5878 — написана довольно крупным, квадратным шрифтом, с литерами Ψ Θ , характерными для XI в. Она указывает на то, что в XI в. печати с процветшим крестом второго типа были еще в употреблении.

Бытование печатей со вторым типом процветшего креста в конце X—начале XI в. подтверждает моливдовул катепана Италии Григория Тарханиота, скрепляющий документ 999 г.²¹⁹ Насколько можно судить по рисунку, не весьма точному, так как копиист либо не знал греческого, либо не мог разобрать буквы и не придавал значения точности их передачи, печать написана сравнительно крупным, квадратным шрифтом.

Итак, печати с крестами второго типа бытовали во второй половине X—первой половине XI в. Возможно, со временем такую датировку можно будет уточнить: среди этих печатей довольно много с названием географических центров. Например, Г. Шлюмберже издана печать, принадлежащая стратигу Филиппополю.²²⁰ По мнению В. Лорана, фема создана в XI в.²²¹ К сожалению, мне не удалось познакомиться со статьей В. Лорана. Если автор основывает свое

мнение о моменте возникновения фемы на данных сфрагистики, то проверка даты интересующей нас печати по дате фемы теряет смысл.

У нас есть еще возможность очень косвенным путем проверить верхнюю границу печатей с процветшими крестами. Н. П. Лихачев считал, что на первых русских печатях помещались изображения, бытовавшие в то время в Византии на византийских моливдовулах. Если во времена Н. П. Лихачева византийская сфрагистика была более или менее классифицирована, по сравнению с русской, то теперь положение прямо противоположно. И если одна часть утверждения Н. П. Лихачева опровергается, а именно, что «начало было сделано по образцу византийской печати и что оно совпадает с принятием христианства»,²²² то вторая часть — заимствованные типы одновременны византийским — подтвердилась.

Выше приводились факты, показывавшие, что в XI в. в Византии на печатях помещались объемные изображения святых. Такие же изображения мы встречаем и на русских печатях Николая — Святослава (1054—1076) и Дмитрия — Изяслава (1054—1078),²²³ не говоря уже о печатях русских митрополитов.²²⁴ Между тем ни на одной из русских печатей с крестами, которые все датируются второй половиной XI—XII в., нет интересующего нас типа процветшего креста. Тип креста русских печатей соответствует византийскому, который сочетается с изображениями святых воинов в рост, т. е. может датироваться не ранее, чем второй половиной XI в.²²⁵ Таким образом, русская сфрагистика подтверждает сделанный выше вывод о том, что первый и второй типы процветших крестов не употреблялись в византийской сфрагистике второй половины XI в. Основываясь на приведенных выше заключениях о дате моливдовулов со вторым типом креста, можно датировать херсонские печати (№ 51, 51а, 52) второй половиной X—первой половиной XI в. Эта датировка подтверждается шрифтом: в легенде лицевой стороны употреблена омега без петельки, шрифт оборотной стороны некрупный, квадратный, альфа с округленными «ножками», исходящими из вертикального клинышка.

Предлагаемую дату печатей № 51, 51а подтверждает, на мой взгляд, содержание легенды оборотной стороны.

В последних двух строках эрмитажного экземпляра И. И. Толстой, первый издатель этой печати, читал SKATA CAP, расшифровывая их следующим образом: καὶ κατὰ Σαρμάτων — «для сарматов». На херсонском экземпляре совершенно отчетливо перед κατὰ читается омикрон, а перед ней просматривается след еще одной буквы. Можно предположить два чтения: допустить в невидимой букве предпоследней строки сокращение союза καὶ, и тогда следующее за ним слово должно рассматривать как географическое название, начинающееся с омикрон; второе — в исчезнувшей букве увидеть тау и первые две буквы рассматривать как артикль дательного падежа, который в данном случае будет указывать на родовое имя владельца печати: το (τῷ) Κατасаχ — Катасах. . . Такое чтение мне кажется более правильным, поскольку оно подтверждается еще одной эрмитажной печатью. Лицевая сторона моливдовула М-1502 аналогична херсонским печатям № 51 и 51а. На оборотной стороне надпись: ΘΕΟΔ—ΟΡΟ.Α—С-ΠΑΘΤΟ—КАТАС—Θεοδώρῳ πρωτοσπαθαρίῳ τῷ Κατασ. . . (Феодору протоспафарію ТО КАТАС. . .). Легенда построена по совершенно стандартному, обычному для VIII — начала XI в. типу: имя, чин и родовое имя владельца в дательном падеже. В артикле перед родовым именем сделана та же

ошибка, что и на херсонских печатях: вместо омеги поставлена омикрон. Вполне возможно, что моливдовул принадлежал тому же лицу, что и херсонские печати. Родовое имя на византийских печатях стало употребительно лишь к концу X в., и появление его на херсонских моливдовулах лишний раз подтверждает предложенную дату печатей со вторым типом процветшего креста: вторая половина X—первая половина XI в.

Тип лицевой стороны третьей херсонской группы моливдовулов с крестом также не оригинален: известно большое количество печатей разных областей Византии с шестиконечным крестом на Голгофе на лицевой стороне — буллы Адрианополя,²²⁶ Фессалоники,²²⁷ Фракисийской фемы,²²⁸ а также чиновников различных константинопольских ведомств.²²⁹ Но так же, как и среди печатей с первым типом процветшего креста, мне не удалось найти среди них датированных экземпляров. Так же, как и печати с первым типом процветшего креста, моливдовулы с шестиконечным крестом на Голгофе демонстрируют различные типы шрифтов и могут быть датированы на основании особенностей написания букв, если они достаточно характерны.²³⁰ Не приводя подробных примеров, обратимся непосредственно к печатям Херсона.

Трудно объяснить, чем руководствовался В. Лоран, относя печать Георгия (№ 40) к XI в.,²³¹ скорее всего он принимал дату Г. Шлюмберже,²³² поскольку изданная им печать являлась по его мнению, вторым экземпляром опубликованной Г. Шлюмберже. Г. Шлюмберже, как известно, почти все печати с шестиконечным крестом относил к XI в. Проверить его определения на основании шрифта печатей у нас нет возможности, поскольку в издании содержится рисунок, а не фотография.

Три эрмитажные печати исполнены разным шрифтом. Наиболее ранней является, вероятно, печать коммеркиария Сергия (№ 38). Надпись лицевой стороны сделана чуть продолговатым шрифтом, среди литер — омега с петельками внизу. Печать хартулария Калиста (№ 41) выполнена тем невыразительным, ровным, квадратным шрифтом, который я затрудняюсь датировать определенно. Однако, поскольку сокращение около альфы еще «привязано» к букве и поднимается почти во всю высоту строки, печать можно датировать не позднее чем тридцатыми годами X в. Наиболее характерен шрифт печати протевона Михаила (№ 43). Ранее, основываясь на заключениях Г. Шлюмберже и И. И. Толстого, я относил эту печать к концу X—началу XI в.²³³ Однако шрифт этой печати удивительно сходен с шрифтом печатей проэдра Василия: многие буквы составлены как бы из клинышков. Поэтому кажется более правильным датировать печать второй половиной X в., может быть, даже, как и печать паракимомена, его 60—80-ми гг.

Итак, вопреки мнению издателей, большинство печатей с крестом мы датировем X в., за исключением двух экземпляров с процветшим крестом второго типа, которые относятся ко второй половине X—первой половине XI в. Думаю, что не выходят за пределы X в. и моливдовулы, изданные Г. Шлюмберже и В. Лораном, в том числе и печать спафария Херсона Цула, о которой особо будет сказано в следующем разделе.

- Георгий, стратиг, протоспафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип XII) — № 44.
 Георгий, стратиг, протоспафарий (л. с. — крестообразная монограмма) — № 61.
 Георгий (?), стратиг, протоспафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип XII (?)) — № 60.
 Георгий Протевон, стратиг, императорский протоспафарий (л. с. — св. Иоанн в рост) — № 45, 45а.
 Георгий Цула, стратиг, императорский протоспафарий (л. с. — надпись) — № 54, 54а.
 Георгий, коммеркиарий, императорский кандидат (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 39, 40.
 Григора, архонт, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 5, 5а.
 Григорий, архонт, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 11, 11а.
 Дамиан, коммеркиарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 25, 25а.
 Димитрий Кфар... стратиг, протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλίνου (л. с. — пять рядов точек) — № 53, 53а.
 Евстафий, архонт, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 7.
 Иоанн, стратиг, императорский протоспафарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 19, 20.
 Иоанн <Дука>, стратиг, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλίνου (л. с. — святой в рост) — № 48.
 Иоанн, коммеркиарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 17.
 Иоанн (?), коммеркиарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 18.
 Исаак, кир, ипат (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 4.
 Калист, хартуларий, императорский спафарий (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 41.
 Константин, архиепископ (л. с. — св. Георгий погрудно, объемно) — № 58.
 Константин, архонт, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 8.
 Константин, стратиг, императорский протоспафарий (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 31, 32, 33.
 Косьма, комит, ипат (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 2.
 Лев, стратиг, императорский протоспафарий (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 34.
 Лев (?), архонт, императорский спафарокандидат (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 10.
 Михаил, протевон, императорский спафарий, ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 43.
 Михаил, стратиг, спафарокандидат (л. с. — архангел погрудно) — № 65.
 Никифор Иасит, стратиг, протоспафарий (л. с. — надпись) — № 56, 56а.
 Никифор (?), катепан (?), св. воин в рост) — № 57.
 Савва, архонт, ипат (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 1.
 Сергей ἐκ προσώπου, императорский спафарокандидат (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 24, 24а.

Сергий, коммеркиарий, императорский кандидат (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 21.
Сергий, коммеркиарий, императорский спафарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 22.
Сергий, коммеркиарий, императорский спафарокандидат (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 23.
Сергий, коммеркиарий, императорский спафарокандидат (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 35, 36.
Сергий, коммеркиарий, императорский спафарокандидат (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 37, 38.

Теофоб, эксусиаст Херсона (?) (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 3.

Феодор, стратиг, протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου (л. с. — св. Феодор погрудно) — № 49.
Феодор Катасах..., стратиг, протоспафарий (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип II) — № 51, 51а.

Феодор (?), стратиг, императорский спафарокандидат (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 30.

Фока, стратиг, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 15, 15а.

Фока, стратиг, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V (?)) — № 59.

Фома, стратиг, протоспафарий (л. с. — надпись) — № 55.

Фотин, коммеркиарий, императорский спафарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 26.

Фотин, коммеркиарий, императорский спафарокандидат (л. с. — св. Николай погрудно, графично) — № 28.

Фотин, коммеркиарий, императорский спафарокандидат (л. с. — св. Николай, изображение поясное, графичное) — № 29.

Цула, императорский спафарий (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 42.

УКАЗАТЕЛЬ ДОЛЖНОСТЕЙ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПЕЧАТЕЙ

- Архиепископ Константин (л. с. — св. Георгий погрудно, объемно) — № 58.
- Архонт Григора, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 5, 5а.
- Архонт Григорий, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 11, 11а.
- Архонт Евстафий, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 7.
- Архонт Константин, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 8.
- Архонт Лев, императорский спафарокандидат (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 10.
- Архонты . . . императорские спафарии (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 6, 9, 12, 13.
- Архонт Савва, ипат (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 1.
-
- Катепан Никифор (?) (л. с. — св. воин в рост) — № 57.
- Катепан (?) . . . <императорский> протоспафарий, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλίνου (л. с. — богоматерь погрудно, рельефно) — № 50.
- Кир Исаак, ипат (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 4.
- Комит Косьма, ипат (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 2.
- Коммеркиарий Георгий, императорский кандидат (л. с. — шестиконечный крест на четырех ступенях) — № 39, 40.
- Коммеркиарий Дамиан (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 25, 25а.
- Коммеркиарий Иоанн (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 17.
- Коммеркиарий Иоанн (?) (л. с. — крестообразная монограмма, тип V или VIII) — № 18.
- Коммеркиарий Сергей, императорский кандидат (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 21.
- Коммеркиарий Сергей, императорский спафарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 22.
- Коммеркиарий Сергей, императорский спафарокандидат (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 23.
- Коммеркиарий Сергей, императорский спафарокандидат (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 35, 36.
- Коммеркиарий Сергей, императорский спафарокандидат (л. с. — шестиконечный крест на трех ступенях) — № 37, 38.
- Коммеркиарий Фотин, императорский спафарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 26.
- Коммеркиарий Фотин, императорский спафарокандидат (л. с. — св. Николай погрудно, графично) — № 28.
- Коммеркиарий Фотин, императорский спафарокандидат (л. с. — св. Николай, изображение поясное, графичное) — № 29.
- Коммеркиарий . . . императорский спафарий (л. с. — богоматерь погрудно) — № 62, 63.
-
- Протевон Михаил, императорский спафарий, ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 43.
-
- Спафарий Цула (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 42.
- Стратиг Георгий, протоспафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип XII) — № 44.
- Стратиг Георгий, протоспафарий (л. с. — крестообразная монограмма) — № 60, 61.

- Стратиг Георгий Протевон, императорский протоспафарий (л. с. — св. Иоанн в рост) — № 45, 45а.
- Стратиг Георгий Цула, императорский протоспафарий (л. с. — надпись) — № 54, 54а.
- Стратиг Димитрий Кфар... протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλίνου (о. с. — пять родов точек) — № 53, 53а.
- Стратиг Иоанн, императорский протоспафарий (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 19, 20.
- Стратиг Иоанн <Дука>, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλίνου (л. с. — святой в рост) — № 48.
- Стратиг Константин, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 16.
- Стратиг Константин, императорский протоспафарий (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 31, 32, 33.
- Стратиг Лев, императорский протоспафарий (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 34.
- Стратиг Михаил, спафарокандидат (л. с. — архангел погрудно) — № 65.
- Стратиг Никифор Иасит, протоспафарий (л. с. — надпись) — № 56, 56а.
- Стратиг Феодор, протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσοτριχλίνου (л. с. — св. Феодор погрудно, объемно) — № 49.
- Стратиг Феодор Катасах... протоспафарий (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип II) — № 51, 51а.
- Стратиг Феодор (?), императорский спафарокандидат (л. с. — шестиконечный процветший крест, тип I) — № 30.
- Стратиг Фока, императорский спафарий (л. с. — крестообразная монограмма, тип V) — № 15, 15а, 59 (?).
- Стратиг Фома, протоспафарий (л. с. — надпись) — № 55.
- Стратиг ... императорский протоспафарий (л. с. — св. Стефан погрудно, графично) — № 27.
- Стратиг ... императорский протоспафарий (л. с. — св. Иоанн в рост) — № 46.
- Стратиг ... императорский протоспафарий (л. с. — святой ... погрудно) — № 47.
- Стратиг. ... — № 64.
- Хартуларий Калист, императорский спафарий (л. с. — шестиконечный крест на Голгофе) — № 41.
- ἐκ προσώπου Сергей, императорский спафарокандидат (л. с. — богоматерь погрудно, графично) — № 24.
- (?) Эксусиаст Теофоб (л. с. — крестообразная монограмма, тип VIII) — № 3.

ТОПОГРАФИЯ

- Эрмитаж: № 5, 11, 15а, 16, 19, 20, 22, 29, 31, 32, 38, 41, 43, 44, 45, 51а, 52, 54, 65.
- ХИАМЗ: № 4, 12, 14, 17, 21, 25, 28, 30, 49, 50, 51, 53, 53а, 55, 57, 58.
- ГИМ: № 6, 9, 10, 23.
- Собрание АН СРР: № 18, 24, 27, 36, 37, 40.
- Афинский нумизматический музей: № 34, 61, 62.
- Британский музей: № 56а, 59, 60.
- Думбартон Оакс: № 5а, 7.
- Константинопольский музей: № 63.
- Коллекция Н. Н. Грандмезона: № 8, 13, 48, 64.
- Коллекция Г. Закоса: № 1, 3, 11а, 15.
- Частная коллекция: № 25а, 46, 47.
- Местонахождение неизвестно: № 2, 26, 33, 35, 39, 42, 45а; 54а.

СХЕМЫ И ТАБЛИЦЫ

ПОЯСНЕНИЯ К СХЕМАМ

- Схема II.** 1. Фемы расположены в порядке их возникновения.
2. Если существуют различные мнения о времени возникновения фем, в графе «дата возникновения» указаны через косую черточку крайние даты.
3. В таблице рассматриваются не все, а лишь наиболее распространенные типы печатей.
4. В графах крестиками обозначено наличие печатей данного типа, принадлежащих только стратигам, так как именно существованием стратигов удостоверяется существование фемы. Если в крайних чрезвычайных случаях привлекаются печати других должностных лиц, должность владельца указывается около соответствующего крестика.
- Схемы III—VI.** Под фотографиями даны номера по инвентарю печатей Отдела Востока Государственного Эрмитажа
- Схема VII.** № 1—4 воспроизводятся по книге: Laurent. *Corpus*, vol. 5, (№ 5, 9, 10); № 5—7, 9—11 — по книге: Dölger F. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1948, Taf. 120; № 8—по книге: Laurent. *Collection C. Orghidan*, № 187; № 10 — лицевая сторона уменьшена, оборотная — в натуральную величину.
- Схема VIII.** Цифры под фотографиями соответствуют номерам каталога.
- Схема XI.** 1. Значительная диспропорция между количеством печатей VIII—IX вв. и X—XI вв. отчасти объясняется тем, что материал VIII—IX вв. опубликован более полно благодаря изданию коллекции Г. Закоса.
2. Разделение печатей между X и XI вв. не всегда уверенное, так как иногда основывается на их словесном описании.
3. Как правило, печати, опубликованные Г. Закосом и А. Веглери под одним номером, считались за одну печать. Но в ряде случаев, если различия между печатями значительные, учитывалось количество предполагаемых матриц.

СХЕМА 1

Монограммы на монетах Херсона и Византии

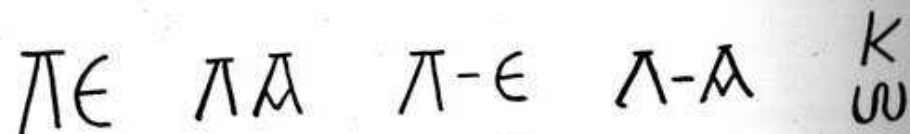
1 2 3 4 5

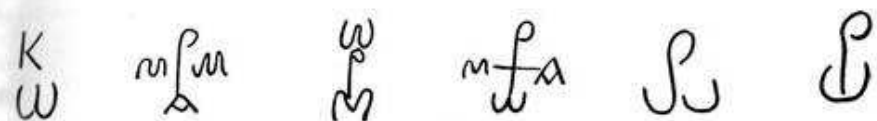
6 7 8 9 10 11

12 13 14 15 16

17 18 19 20 21

22 23 24 25 26 27

28 29 30 31 32

33 34 35 36 37

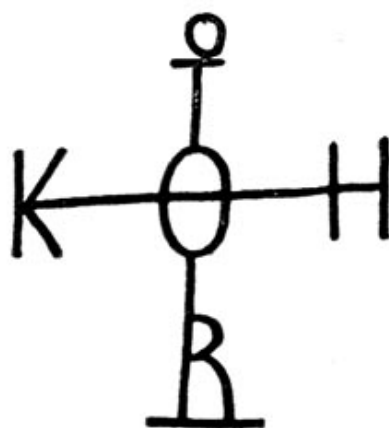
38 39 40 41 42

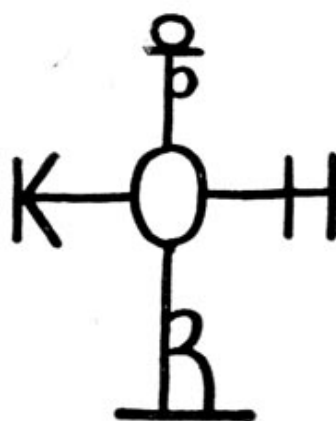
СХЕМА Ia

Типы крестообразных монограмм

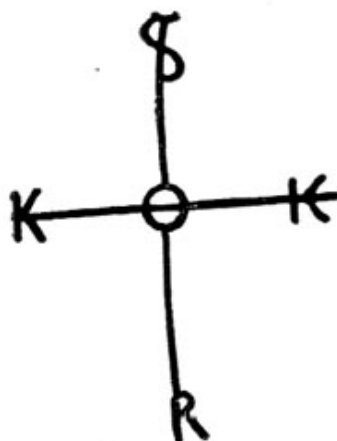
V

VIII

XII

СХЕМА II

Фемы	Дата возникнове- ния	Типы лицевых сторон				
		Моно- грамма, V, VIII типы	Крест четырёх- конечный	Богома- терь графично	Крест шести- конечный, I тип	Богома- терь, святые объемно
Сицилия	718—902	+	+			
Вукеллариев	767	+	+			
Армениак	667	+	турмарх		+	+
Анатолик	669	+			+	
Опсикий	680	+			+	
Кивирреоты	680/842	+			+	+
Фракия	687	+				
Эллада	695	+	+		+	+
Македония	813	+	+			+
Фракисийская	741	+	+		+	
Оптиматы	740/775	+			+	
Кефалиния	VIII/809	+			доместик	
Пелопоннес	811	+	+		+	+
Фессалоника	829	+	+			+
Климаты—Херсон	836, 870 ^e	+		+	+	+
Лангобардия	до 842	+			+	+
Эгейский архипелаг	842	+			+	
Пафлагония	837/842	+	+			+
Халдия	837/863	+			+	
Далмация	829/899	+			комит?	
Колония	до 863		+			
Каппадокия	863	+				+
Самос	до 899	+				+
Стримон	до 899?	стратиг				+
Никополь	до 899		+		+	дука?
Харсиан	873/940/970					+
Месопотамия	до 899—конец XI					+
Ликанд	914				+	+
Севастия	934				протонота- рий	
Селевкия	после 934				+	+
Харпедзийский	после 940					+
Кипр	969					+
Антиохия	969—конец XI					+
Феодосиополь	XI					+
Филиппополь	XI				+	+
Болгария	1018—конец XII					+

СХЕМА III

Надпись
(в натуральную величину)

ΕΡΩΝΟΤΗ ΣΥΔΩΝ

ΤΖΙΚΑΡΙ
ΑΙΣΤΑ ΟΙ
Ε ΡΑΤΙΓΙ
ΣΙΚΕΑΙ

Α Β Γ Ε Η Ι Κ Λ
Α Β Ε Ι Κ Λ
Ι Λ

ΚΕΡΟΝΟ ΕΙΤΩΣΥΛΛ

ΙΩΑΝ
ΠΑΤΡΙΚ
ΡΑΣΠΑΟΣ
ΣΤΡΑΤΙΓΙ
ΚΕΑΤΑΣ

Α Β Γ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Β Θ Ι Κ
Α Α Α Α
Α

Θ Ε
κ

Θ Ε

ΤΙ Ν
ΔΕΓ ΣΚΟΠ
ΛΕΟΠΕΡ
ΓΑΜΟΥ

Α Γ Ε Ι Κ Μ
Α Ε Ε
Ε

ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ

ΠΑΧΩΜ
ΙΩΑΡΧΙΕΡ
ΙΣΚΟΝΚΟΡ
ΚΥΡΩΝ

Α Δ Ε Θ Ι Κ Λ Μ
Α Ε Ε Ι Κ
Ε Ι Κ

ΠΑΥ
ΙΩΙΩΑ
ΙΕΤΚ Π
ΩΡΚΥΡ

Α Δ Ε Ι Κ Μ
Η

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Ο Π Σ Τ V W
Ο Σ Τ
Ο Σ Τ

Ν Ο Π Ρ Σ Τ W
Π Ρ Σ Τ
Σ Τ
Σ Τ
C

Ο Π Ρ Σ V
Ο Π

Ν Ο Π Ρ Σ Τ V X W
Ο Π Ρ Τ V X W
Ο Π Ρ W
Ο W

Λ Ρ U W
Λ Ρ V W
Π Y W

Фото
(в натуральную величину)

M-7120

M-3161

M-427

M-234

M-339

СХЕМА III (продолжение)

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Y
K
E
P
O
H

RAPCA
IWRREIA
IKWPDO
CΠAO
PIW

Λ R
Δ R
Α R
Α

Ε Η Θ Ι Κ Α
Ι Κ
Ι
Ι

Ο Π Ρ Σ
Ο Π Ρ Σ
Ο Ρ Σ

W
W
W

Θ
E
P
O
A

R IA
EIWRCC
IZPIW

Λ R
Δ R
R

Ε Θ Ι Κ Λ
Ε
Ι
Γ
Ι

Ο Ρ Σ
Ο

W
W

ΘΕ ΔΟ
ΠΥ ΤΡ
ΠΟ ΤΡ
ΠΕΣΟΥ

Δ Ε Σ Θ Ι

Ο Π Ρ Τ Υ
Ο Π Ρ Τ
Ο Τ

W

Θ
P
O
H
T
U
C
A

NH HP
OPON CMA
OAEIC NA
NAI IT
VI AKI

Δ R
Α
Α

Δ Ε Η Θ Ι Κ
Α Η Θ Κ
Δ Η Θ Κ

Η Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ
Η Ο Ρ Σ Τ

W
W

Y
K
E
P
O
H

RACT
ACTWEN
ICKOPMA
HELEMA
NTAC

Λ Η Γ Α Ε Η Θ Ι Η Λ Μ
Α Α Δ Ε Η Θ Ι Κ Α
Α Ε Ι
Ι

Η Ο Π Ρ Σ
Π
C
C
C

W
W
W
W

Фото
(в натуральную величину)

M-6594

M-285

M-6607

M-6589

M-3963

Надпись
(в натуральную величину)

 $\Delta \in$

ARLO
TUMBU
PETW
RORO
CAR
ACWA

2700
 1.1.1.1.1.1.
 1.1.1.1.1.
 1.1.1.1.1.
 1.1.1.1.1.

A R T E E 9 1 K A
 A T T E 1 1 K
 A T T E 1 1 K

960
 ΦΥΛΑΚΗ
 - Ο ΓΑΛ
 ΠΑΘ

А Б Г Е Ж И К Л
А О И К Л
А

ITNA
TIWMHT
SPOLIT
URW

Х Р Г Д Е Н О І К Л
Н І

ΡΑΣΙ
 ΛΙΘΕΠΙΣ
 ΚΟΠΟΜΡ
 Α ΙΑΣ

A R E H O I K A
A A I K A
A A I K A
A A I I

✠ C
C I W R J A C H
B I K S A P
O V K T S
E O F V A
C T A V O

A R r   E H O I K A
 A   E   O I K A
 A   A
 A   A

Н О Л Р С Т
О П Р С

W
W
W
W

С П Р С Т Ъ
О П Р С
О П Р

NO H C V Φ
O
O

M	N	O	P	R	C	T
		0				T
		0				T
						T

W
W
W
W

Φ	Π	Ρ	Σ	Τ	Υ
Ο	Π		Σ		
Ο			Σ		
Θ			Σ		

W
W

к о п р с т у ф х в
о о с т у в в в
о о о о о о о о

3

Фото
(в натуральную величину)

M-3331

M-6893

M-2652

M-6481

M-8070

M-8095

СХЕМА V

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

СПАЛО
С УРАТ, Г,
- ДНАР, А
- АНБ -

А
А
А

Г

О

ТШ
У
О
ХУ

УП 7
ССТРА
СТУХА
ПЕЗИМ

А Г Д Е
А Е

И К Л
К

ТШ
АВ
Р

ТЕТ
ИТР
ИНИКО
ИАСКС
РКСАН

А В Г Д Е
Е
Е

Н И К Л
Н И К Л

ТШ
АВ
У

СП СЕНС
П
РХАА
К

А Г Д Е
А
А

Н О И Н Л
К В

ТШ СШ
К
А

СТЕ
ОХРХ
ПИС
МЭ М

А В Д Е

О И К А

КЕЛО
ТШСШ
НИКН
ПАТ
К

РАКТ
СКАТ
АН
ТИОН

А В Д Е
А
А
А
А

И К
И К
И К
К
К

Н П С Т Х
С Т

П Р С Т У Х
П Т У
Т
Т

Н О Р С Т У
С Т
С Т

Н П С Т У Х
П С Т
У

П Р С Т
С Т
С

М Н О П Р С Т
Н Т Т Т Т
У
У

Фото
(в натуральную величину)

M-8402

M-611

M-7153

M-438

M-6239

M-8473

СХЕМА VI

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Фото
(в натуральную величину)

0024

ΕΡΟΜ
ΕΙΤΩΣΩ
ΟΥΛΩΙΣΑΑ
ΙΩΔΕΣΠΟΤΗ
ΩΚΟΜΗΗ
ΗΩ

Α Γ Δ Ε Η Ι Κ Λ
Α Γ Δ Ε Η Ι Κ Λ
Α Γ Δ Ε Η Ι Κ Λ

Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ
Ο Ο Ο Ο Ο Ο Ο Ο
Ε Ε Ε Ε Ε Ε Ε Ε

М-6770

0025

0025

ΣΟΡΑΓΗ
ΟΜΑΡΤΥ
ΣΕΡΑΛ
ΝΙΚΗΦ

Α Γ Ε Η Ι Κ Λ
Α Γ Ε Η Ι Κ Λ
Α Γ Ε Η Ι Κ Λ

Μ Ο Ρ Σ Τ Υ Φ
Ρ Σ Ρ Σ
Ρ Σ Ρ Σ

М-5573

0026

ΓΙΣ
ΑΣΤΥ
ΣΙΔΕΙΩ
ΣΟΡΑ
ΚΗΣ

Α Ρ Γ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Γ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Γ Ε Η Θ Ι Κ Λ

Ο Ρ Σ Τ Υ
Ρ Σ Τ Υ
Ρ Σ Τ Υ

М-6857

0027

ΑΓΙΣ
ΑΝΗΤΡΙ,
ΟΤΩΙΩΔΩ
ΗΜΗΤΡΙΩ
ΣΥΡ ΤΗΡ
ΩΛΟΝ
ΗΩ

Α Γ Δ Ε Η Θ Ι Κ
Α Γ Δ Ε Η Θ Ι Κ
Α Γ Δ Ε Η Θ Ι Κ

Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ
Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ
Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ

М-5574

СХЕМА VI (продолжение)

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

20
21

К
40
С

ИШ
ПРАИТЮР
ИШЕМАКЕДО
НИАСТУМЕР
МЕНТВАШ

А Д Е Н І К А
А Е І К А
А Е І

22

Х
4

КЕДО
ЯАСТЕРН
ПРИАНОУПА
ТУССТРАТИ
ТУРШЕ
ТУРШН

А Р Г Е Н О І К А
А Р Е Н О І
А Е І
А

23
24

А
40
С

СКЕЛОИ
МАОНТА
ГРНГОРІ
ПРОСАР
Ш

А Г Е Н О І К
А Г Е Н І
А Г Е І
А

КЕДО
НОСІАЕ
ОНТИПРШ
ТОПРОЕ
ДРШТУ
АЕИТН

А Р Д Е Н О І К А
Е Н І
Е І
Е

25
26

Г
40
С

ДОМО
НУМОНСОН
КОМНИНОН
МАРТИСК
ПОИС

А Г С І К
А Г Г І К
І І І
І

М Н О П Р С Т V E
М Н Р С Т E
М Р Т E
Р

М Н П Р С Т V E
М Н П Р С Т V E
Р Т Т Т

М Н О П Р С Т E
О П Р С
О П Р С

М Н О П Р С Т E
О П Р Т E
О Р Т E

М Н О П Р С Т V W
М Н О Р С
М Н О С
М Н О С
М Н О С
М Н О С

Фото
(в натуральную величину)

М-5592

М-5591

М-5580

М-5576

М-5595

№
п/п,
дата

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Фото
(в натуральную величину)

1
847—
888 гг.

ГНАТ
ХΙΕΠΙΣΚ
ΩΝΣΤΑΝΤΙΝΩ
ΟΛΕΩΣΝΕΑΣ
ΡΩΜΗΣ

Α Γ Ε Η Ι Κ Λ Μ Ν Ο Π
Α Α Ε Ε Ι Ι Ν Ν
Α Α Ε Ε Ι Ι Ν Ν

2
877—
886 гг.

ΦΕΛΩΝΟΛΥΤΗΡ
ΦΩΤΙ
ΑΡΧΙΕΠΙΣ
ΚΟΠΩΚΩΝΣ
ΤΑΝΤΙΝΩΝ
ΟΛΕΩΣΝΕΑΣ
ΡΩΜΗΣ

Α Β Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ο Π
Α Α Ε Ε Η Θ Ι Κ Λ Ν Ο Π
Α Α Ε Ε Η Θ Ι Κ Λ Ν Ο Π

3

ΦΩΤΙ
ΑΡΧΙΕΠΙΣ
ΚΟΠΩΚΩΝΣ
ΤΑΝΤΙΝΩΝ
ΟΛΕΩΣΝΕΑΣ
ΡΩΜΗΣ

Α Ε Ι Κ Ν Ο Π
Α Ε Ι Κ Ν Ο Π
Α Ε Ι Κ Ν Ο Π

4
880—
883 гг.

ΟΕ ΤΟΛΕ

ΣΤΕΦΑ
ΝΑΡΧΙΕΠΙ
ΣΚΟΠΩΚΩΝ
ΤΑΝΤΙΝΩΝ
ΟΛΕΩΣΝΕΑΣ
ΡΩΜΗΣ

Α Α Ε Η Θ Ι Κ Λ Ν Ο Π
Α Α Ε Η Θ Ι Κ Λ Ν Ο Π
Α Α Ε Η Θ Ι Κ Λ Ν Ο Π

5
841 г.

ΡΟΗ

ΚΑΤΑΚ
ΑΝΑΣΤΑ
ΣΕΚΡΑΤΙ
ΑΛΩ
C

Α Α Δ Ε Κ Λ Ο Π
Α Α Δ Ε Κ Λ Ο Π
Α Α Δ Ε Κ Λ Ο Π

Σ Τ Υ Χ Ω
Σ Τ Υ Χ Ω
Σ Τ Υ Χ Ω

Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω
Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω
Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω

Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω
Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω
Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω

Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω
Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω
Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ω

Ρ Σ Τ Υ
Ρ Σ Τ Υ
Ρ Σ Τ Υ

СХЕМА VII (продолжение)

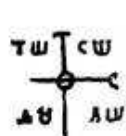
№
п/п
дата

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Фото
(в натуральную величину)

6
041 г.

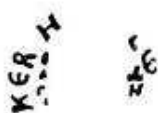
ΣΟΗΤ
ΡΑΣΠΛ
ΡΣΕΠ
ΩΚΥΚ
ΩΗ

Α Ρ Δ Ε Ζ Η
Α

Λ

Ν Ο Π Ρ Ϛ Τ Υ
Ν Π Ϛ Τ Υ
Ε Ε Ε Ε Ε

7
041 г.

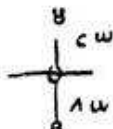

Ε Σ Λ Α

Α Γ Δ Ε Η
Α Ε Η
Κ Α

• Ϛ Ε

8
060
070 г.

Α Ϛ
Ω Τ Ω
Τ Α Π Ρ
Ω Τ Ϛ Ϛ

Α Ρ Γ
Λ

Π Ϛ Ϛ Υ
Ϛ Ϛ Ϛ
Ϛ Ϛ Ϛ Ϛ

9
1042 г.

Κ Ε Ρ
Ω Π Α
Κ Α Ι Κ Ρ Ι
Ρ Ο Π Ε Ρ Ϛ Τ
Υ Μ Η Ϛ Θ
Σ Α Λ Ο Ν

Α Ρ Ε Θ Ι Κ Λ Μ
Ρ Ε Ε
Ι Κ Λ
Ι Κ
Κ

Ν Ο Π Ρ Ϛ Τ Υ
Ο Ϛ Ϛ
Ϛ

10
1062 г.

Κ Ε Ρ Η Θ
Τ Ω Σ Ω Δ Υ Λ
Η Η Κ Η Φ Ο Ρ Ω
Π Ρ Ο Ν Υ Δ Θ Υ
Π Ρ Ο Ε Δ Ρ Κ Α Ι
Δ Υ Κ Ι Τ Ο Ρ Ο
Τ Α Η Α Τ

Α Ρ Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Ρ Δ Ε Η Ι Κ Λ
Α Δ Κ
Α Κ

Ν Ο Π Ρ Ϛ Τ Υ Φ Ψ
Ν Ο Π Ρ Ϛ Τ Υ Ψ
Ο Ο Ρ Τ Υ
Ψ

11
1062 г.

Κ Ε Ρ Ο
Η Θ Ε Ι Τ Υ
Ϛ Ω Δ Υ Λ Ω
Θ Ε Ρ Δ Ω

Π Ρ Ο Ε
Ι Ρ Ω Θ Ι Υ
Κ Ι Τ Ω Δ Α
Η Α Ϛ Ϛ Η
Ν

Α Ρ Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Δ Ε Ε Η Θ Ι Κ Λ
Δ Ε Ε
Δ Ε

Ο Π Ρ Ϛ Τ Υ
Ο Ρ Ϛ Τ Υ
Ε Ε Ε Ε Ε

СХЕМА VII (продолжение)

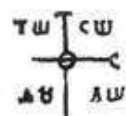
№
и/п,
дата

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Фото
(в натуральную величину)

6
941 г.

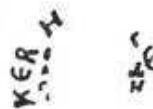
ΣΟΗΤ
ΡΑΣΠΛ
ΡΣΕΠ
ΣΚΥΚ
ΣΗ

Α Ρ Δ Ε Ζ Η
Α

Λ

Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ
Ν Π Σ Τ Υ
Ε Ε Ε Ε Ε

7
941 г.

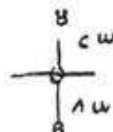

ΕΣΛΑ

Α Γ Δ Ε Η
Α Ε Η Κ Α

Ε

8
960—
970 гг.

Α Σ
ΩΤΩ
ΤΑΠΡ
ΩΤΣΥΓ

Α Ρ Γ
Λ

Π Σ Τ Υ
Σ Τ Υ
Ε Ε Ε Ε Ε

9
1042 г.

Κ Ε Ρ
Σ Π Α
Η Α Ι Κ Ρ Ι
Ρ Ο Λ Ε Ρ Σ Τ
Υ Μ Η : Θ
Σ Α Ν Ο Ν

Α Ρ Ε Θ Ι Κ Λ Μ
Α Ε Ε Ι Κ Λ
Ε Ε Ι Κ
Κ

Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ
Ο Σ
Ε

10
1062 г.

Κ Ε Ρ Η Θ
Τ Ω Σ Ω Δ Υ Λ
Η Η Κ Η Φ Ο Ρ Ω
Π Ρ Ο Ν Υ Δ Θ Υ
Π Ρ Ο Β Α Ρ Κ Α Ι
Δ Υ Κ Ι Τ Ο Ρ Ο
Τ Α Η Α Τ

Α Ρ Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Ρ Δ Ε Η Ι Κ Λ
Α Δ Κ
Α Κ

Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Ψ
Ν Ο Π Ρ Τ Υ Ψ
Ο Ο Ρ Τ Υ
Ψ

11
1062 г.

Κ Ε Ρ Ο
Η Θ Ε Ι Τ Υ
Σ Ω Δ Υ Λ Ω
Θ Ε Ρ Δ Ω

Π Ρ Ο Ε
Δ Ρ Ω Σ Δ Υ
Κ Ι Τ Ω Δ Α
Η Θ Σ Σ Η
Ν

Α Ρ Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Α Δ Ε Η Θ Ι Κ Λ
Δ Ε Δ Ε
Δ Ε

Ο Π Ρ Σ Τ Υ
Ο Ρ Σ Τ Υ
Ε Ε Ε Ε Ε

СХЕМА VIII

Надпись
(в натуральную величину)

Δ 8 Ρ Λ W

Π Σ Κ Υ Ρ
Χ Ε Ρ C

Λ Δ Ε Κ Λ

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Π Ρ
Ρ

Υ Ζ W
8

W N K Λ
X E P C

Ε Λ

Ρ

Χ W

Τ W
← ⊙

Ι W Δ N
Κ Χ Μ Ε
Ι Υ Χ Ε

Α Ε Κ Μ Ν
Ε Κ

Τ 8 W
W

W Λ W
⊙
8 Ρ Λ W

N W B U
C Γ P A
" O " E P C

Α Β Ε Λ Ν

Ο Ρ C T 8 W
P C W W

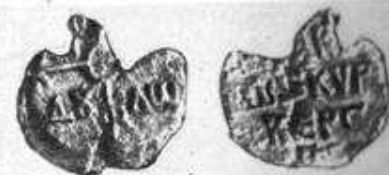
⊙
8 Ρ Λ W

W K
C A Γ Γ
C O N

Α Κ Λ Η

Ο C 8 W
C W W
C

Фото
(в натуральную величину)

4

14

17

16

15a

СХЕМА VIII (продолжение)

Надпись
(в натуральную величину)

Начертание букв
(увеличено в 1,5 раза)

Фото
(в натуральную величину)

00000

100

ΙΩΑΝ
ΝΗΑΙΣΠ
ΘΑΡ ΣΤ
ΡΑΤΗΓΩΥ
ΕΡΣΟΝ

Λ Η Γ   Η ο ι κ
Α   θ
Λ
Α

Ν Ο Π Ε Σ Τ   Χ Ψ
Ν   Ρ Σ Τ   Ψ
Ν   С

19

000000

100

ΙΑΜΗΝΑ
ΤΗΜΕΡ
ΙΡΦΙΟΥΧ
ΟΝΟΣ

Α Ρ   Λ Ε Η ο   κ
Α   Λ Ε Η   κ

Μ Η ο   Ρ ς Τ Ξ Χ
Μ   Ρ   Ψ
ο
ο
ο
ο

25

000000

ΩΙ
ΣΠΛΕ
ΚΑΝΩΣ
ΤΥΜΕΡΚ
ΕΡΣΟΝ

Α Ρ   Δ Ε   θ ι κ κ
Α   Ε   κ
Λ   κ

Μ Ν Ο Π Ρ ς   Ξ Ψ
Ν Ο   Ρ ς
Ν

28

000000

Ω
ΙΩΑΝΝΑ
ΔΙΣΤΡΑ
ΡΥΕΡ
ΝΟΣ

Α Γ   Ε   ι   λ
Α   ι
Α
Α

Ν Ο Π Ρ ς Τ Ξ Χ   Ξ Ξ Ξ
Ρ ς
ς

44

000000

ΘΕΟΔΩ
ΛΣ   ΕΠΙ
ΧΡ   ΑΤ
ΣΤΡΑΤ

Α   Δ Ε   ι   λ
Α Ε   Α

ο η   ς   Ξ Ξ Ξ
ς

49

СХЕМА IX

Алфавит	I половина IX—начало X в.	Середина X в.	II половина X в.	I половина XI в.	II половина XI в.
А	А	А	А	А	А
В	В	В		В	В
Г		Г			
Д		Д			
Л	Л	Л		Л	
П		П			
Р		Р		Р	Р
Т	Т	Т		Т	
У, ѡ	У ѡ	У ѡ	ѡ	У ѡ	ѡ
Х		Х	Х		
Ѡ	Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ	Ѡ(ѡ)	Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ

СХЕМА X

Схема датировки крестов

Тип	Подтип	Шрифт	Принятая датировка	Предлагаемая датировка
I	I подтип: ветви цветения не доходят до нижнего поперечного конца	Ровный, некрупный, омега с петлями внизу.	Подтипы не различаются. Лихачев: I половина X в. Лоран: X в., XI в. Шлюмберже: XI в.	I половина—середина X в. Провинциальные мастерские (?)
	II подтип: цветение до нижнего поперечного конца	1. Продолговатый, буквы с «крышечками», омега с петлями внизу. 2. С «клинышками» на концах букв		I половина — середина X в.
I	III подтип: цветение поднимается к верхнему поперечному концу	Ровный некрупный «квадратный»; омега в виде полукружия		Середина—II половина X в.
II	Цветение до верхнего конца; от уровня нижнего конца вниз опускается ветка с «цветком»	Ровный, квадратный, некрупный; омега в виде полукружия, альфа и ламбда с закругленными «ножками»	Лихачев: II половина X в. Шлюмберже: XI в. Лоран: X—XI вв.	II половина X—I половина XI в.
	Шестиконечный крест на Голгофе, без цветения	1. Ровный квадратный, без характерных букв. 2. Ровный, квадратный, омега в виде полукружия	Лихачев: конец IX—I половина X в. Шлюмберже: XI в. Лоран: IX—XI вв.	X в., преимущественно II половина IX в.

СХЕМА XI

Количество печатей должностных лиц фем

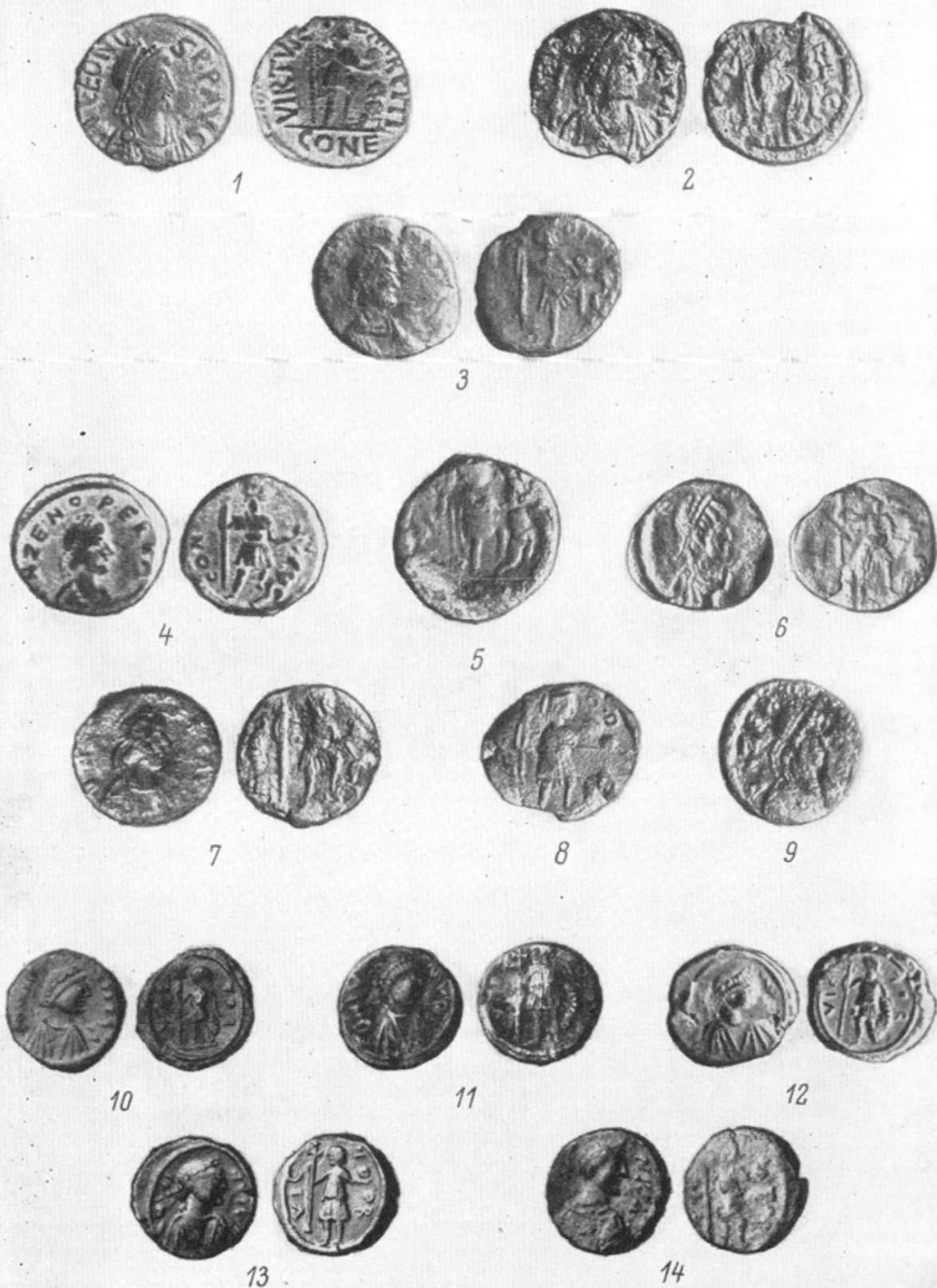
Фемы	Стратиги			Протонотари			Коммеркиарии			Судьи	
	VIII—IX вв.	конец IX—X вв.	XI в.	VIII—IX вв.	конец IX—X вв.	XI в.	VIII—IX вв.	конец IX—X вв.	XI в.	VIII—X вв.	конец X—XI вв.

I. В фемах, существовавших в VIII—IX вв.

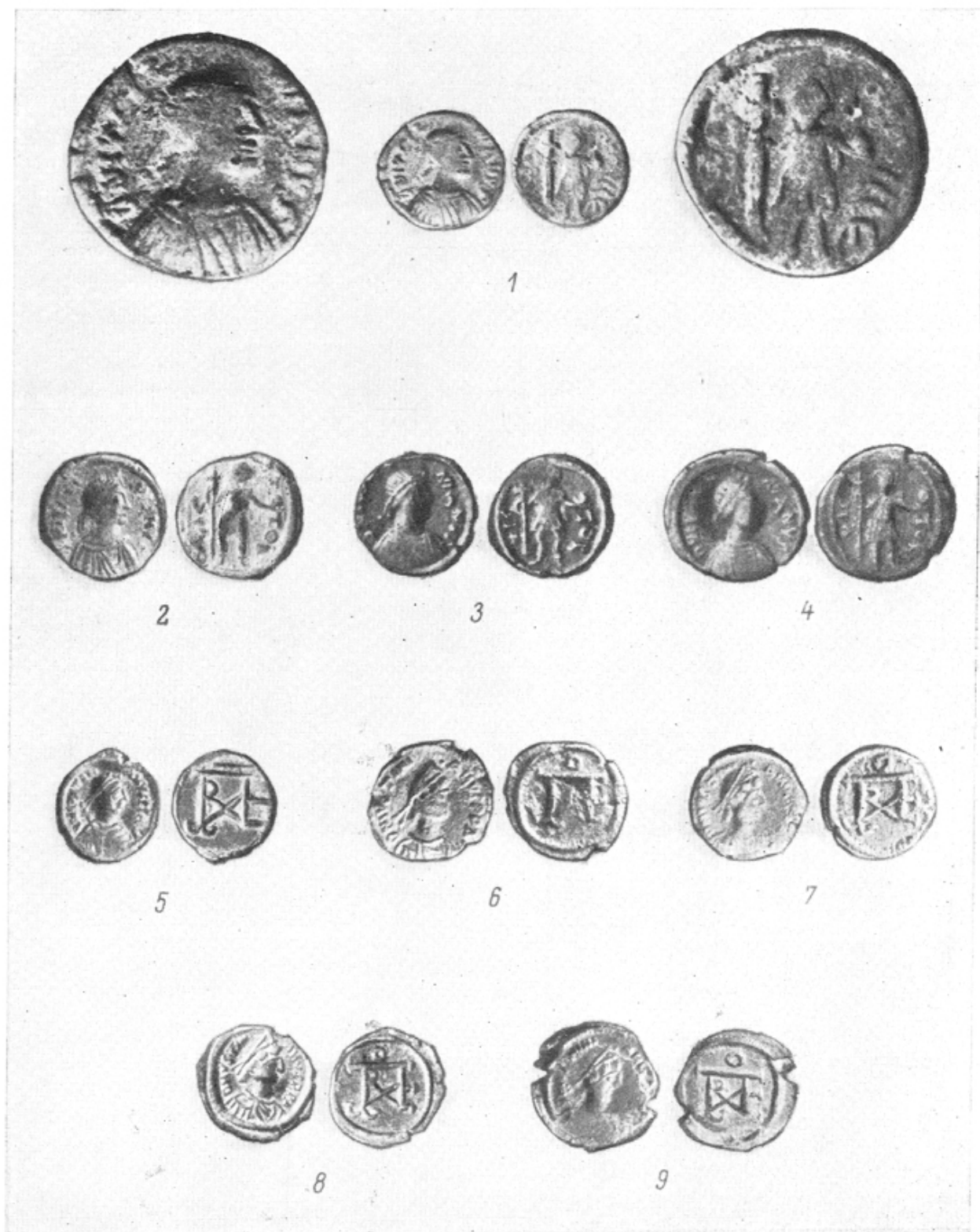
Анатолик	13	3?	2	1	4			1			6
Армениак	13	1		2							3
Вукелларии	15	1		2	1						2
Кефалиния	20						1				
Кивирреоты	12	3	1?	3							1
Опсикий	41	1		3							2
Сицилия	57			9							
Фракия	16			2							1
Фракисийская	33	3		5	1?						5
Эллада	13	8	3?	3	5		3	1			2

II. В фемах, возникших в IX в.

Каппадокия	1			1	1						3
Колония			1	1							1
Македония	10	10		5	2						1
Пафлагония	4	3		5	2						2
Пелопоннес	11	4	4	3	2		8	1	1		2
Самос	1?		1								
Халдия	1	2		1	3		7	1			1
Харсиан		1							1		2
Фессалоника	10	4	1?	5	3	1?	14	3	2		2

Т а б л и ц а I. 1—3. Лев I [Эрмитаж (в дальнейшем не указывается, монеты других му-
зеев оговариваются особо), инв. № 1310, 5616, 1099]; 4—9 — Зинон (ХИАМЗ, инв. № 4792;
инв. № 5602 о. с., 1196, 1105, 5805 о. с., 1102 л. с.; 10—14 — Юстин I: 10 — I тип (инв. № 5432);
11, 12 — II тип (инв. № 227; ХИАМЗ, инв. № 66); 13—14 — III тип (инв. № 1070, 5475)

Т а б л и ц а II. Юстиниан I: 1 — тип Ia (инв. № 5121 — в натуральную величину и увеличена); 2—4 — I тип (инв. № 5719, 1061, 5470); 5—9 — III тип (инв. № 1049, 1059, 1060, 1047, 1044)

Т а б л и ц а III. Вторая половина VI в. (Юстин II, Тиберий Константин): 1, 2 — I тип (инв. № 1975, 1976); 3 — II тип (инв. № 2004); 4—6 — III тип (инв. № 1982, 1984, 1983); 7 — IV тип (инв. № 2006)

1

2

3

4

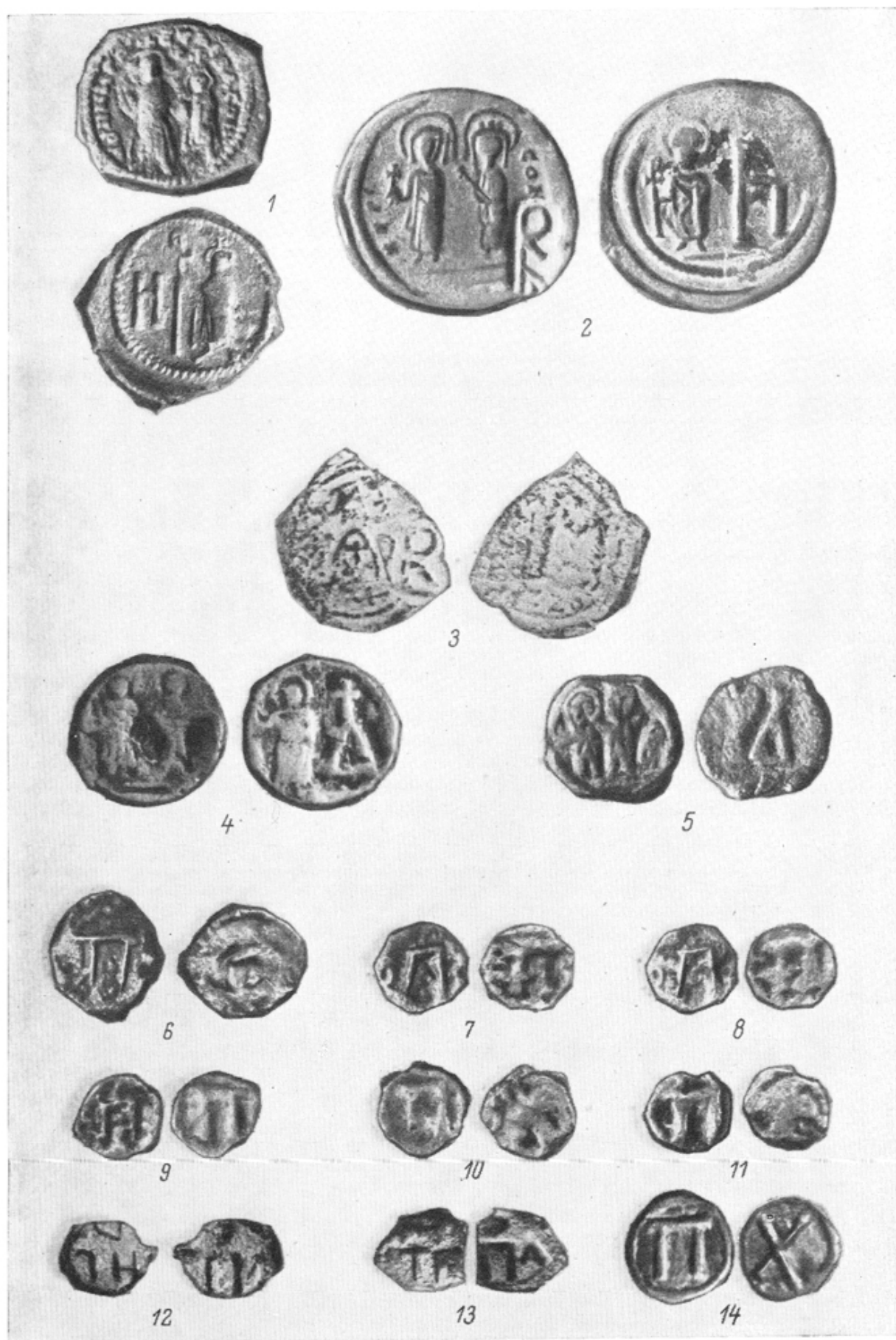

Т а б л и ц а IV. 1—4 — Маврикий, I тип (пшр. № 1090, 2000, 1995, 1997)

Т а б л и ц а V. 1—2 — Маврикий, II тип (инв. № 2010, 2011); 3—6 — Фока (?)
(инв. № 1992, 1990, 1989, 1985)

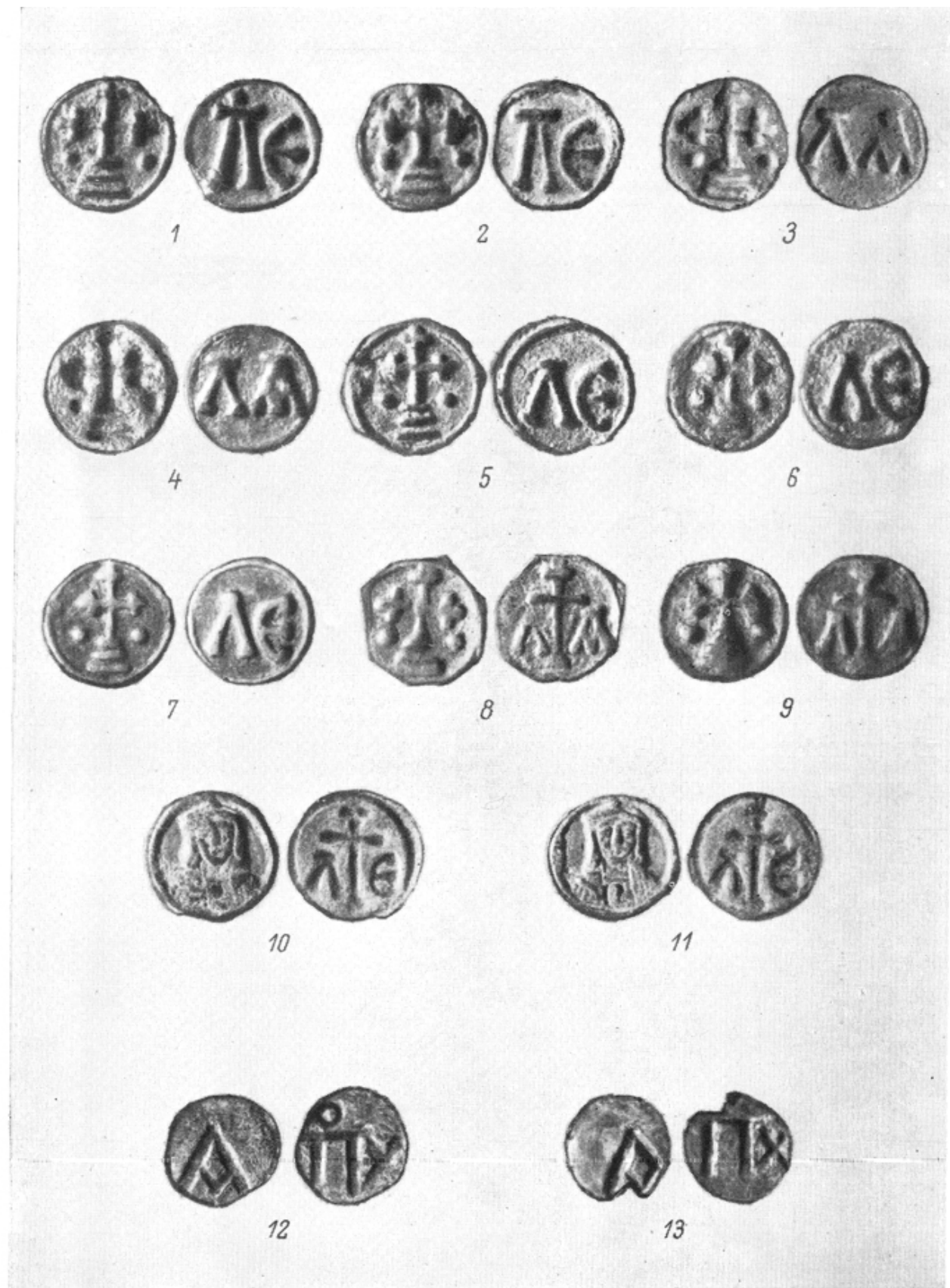

Т а б л и ц а VI. — 1 — Ираклий, Ираклий Константин и Мартина (инв. № 2700); 2 — надчеканка Ираклия на монете Херсона (инв. № 2280); 3 — надчеканка начала VIII в. (коллекция Н. Н. Грандмезона); 4, 5 — литые подражания конца VII — начала VIII в. (инв. № 5537, 5237); 6—14 — полисные выпуски: 6—9 — II тип (ХИАМЗ, полевая опись, № 421, 440, 429, 430); 10, 11 — I тип (ХИАМЗ, полевая опись, № 432, 431); 12, 13 — IV тип (ГИМ, без номера; инв. № 3573); 14 — V тип (ХИАМЗ, инв. № 252)

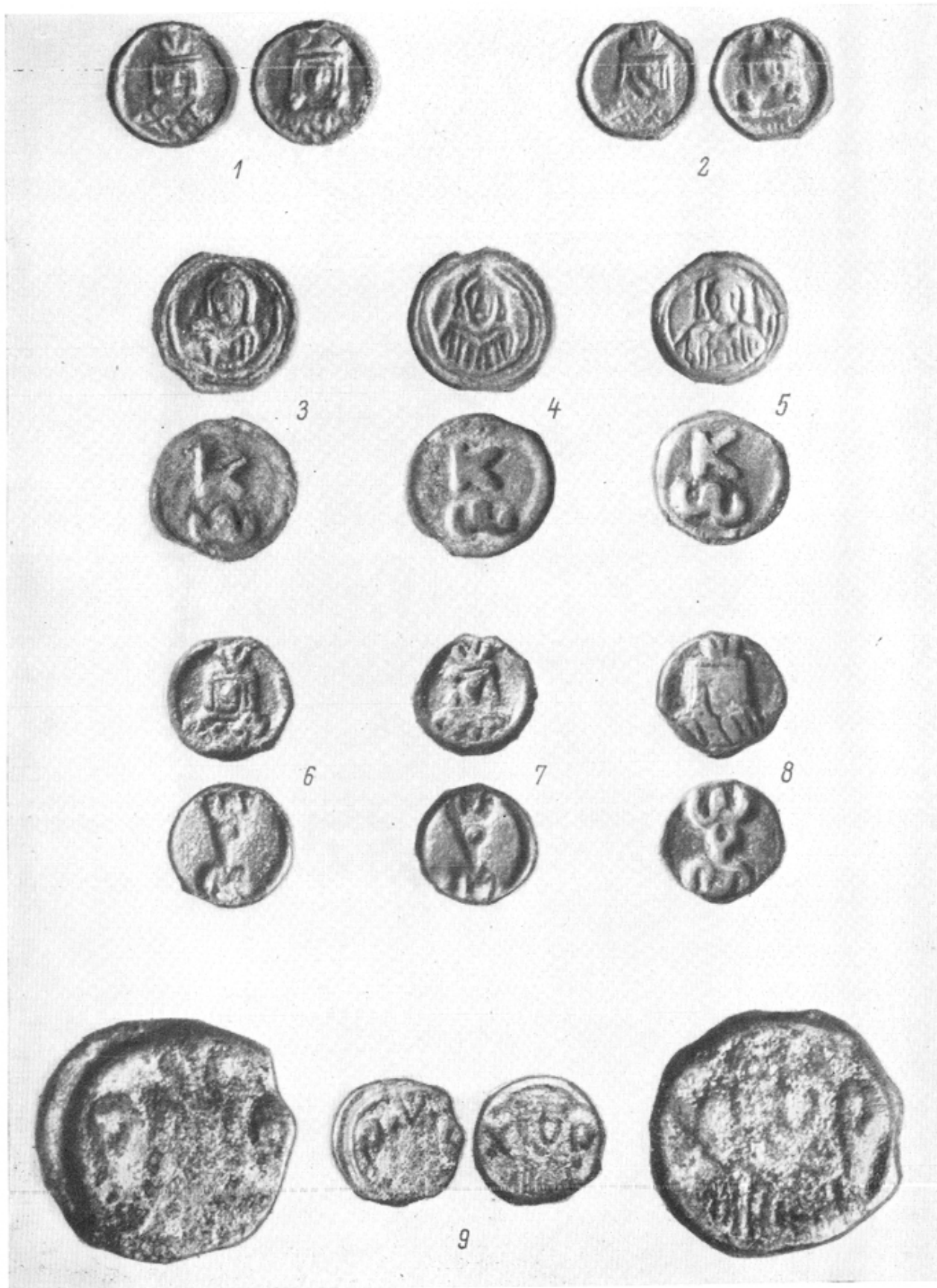

Т а б л и ц а VII. 1, 2 — Михаил III и Василий I (инв. № 3529, 3526); 3—16 — Василий I: 3—6 — I тип (инв. № 3565, 3553, 3572, 3569); 7—9 — II тип (инв. № 3603, 3593, 3579); 10, 11 — IV тип, Василий I и Константин (инв. № 3660, 3654); 12—16 — III тип (инв. № 3586, 3607, 3612, 3604, 3610)

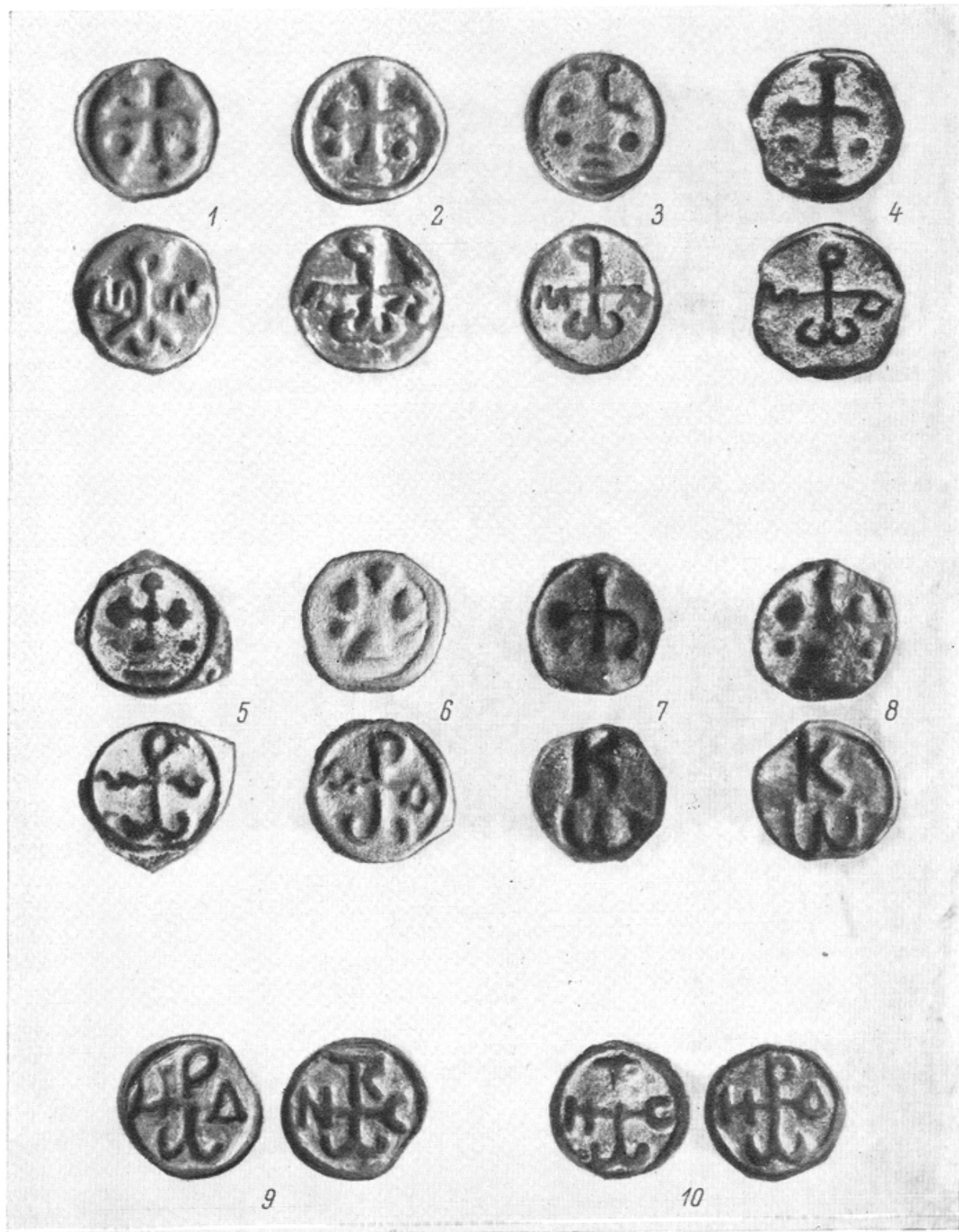

Т а б л и ц а VIII. 1—11 — Лев VI и Александр: 1, 2 — I тип (инв. № 3705, 3707); 3, 4 — II тип (инв. № 3743, 3741); 5—7 — III тип. (инв. № 3710, 3714, 3713); 8, 9 — IV тип (инв. № 3750, 3749); 10, 11 — V тип (инв. № 3716, 3717); 12, 13 — Александр (инв. № 3761, 3762)

Т а б л и ц а IX. Константин VII, Роман I: 1, 2 — I тип, Константин VII и Зоя (инв. № 3783, 3782); 3—5 — II тип, Константин VII (инв. № 3912, 3914, 3909); 6—8 — III тип, Роман I (инв. № 3990, 3993, 3995); 9 — IV тип, Роман I и Христофор (инв. № 3835, в натуральную величину и увеличена)

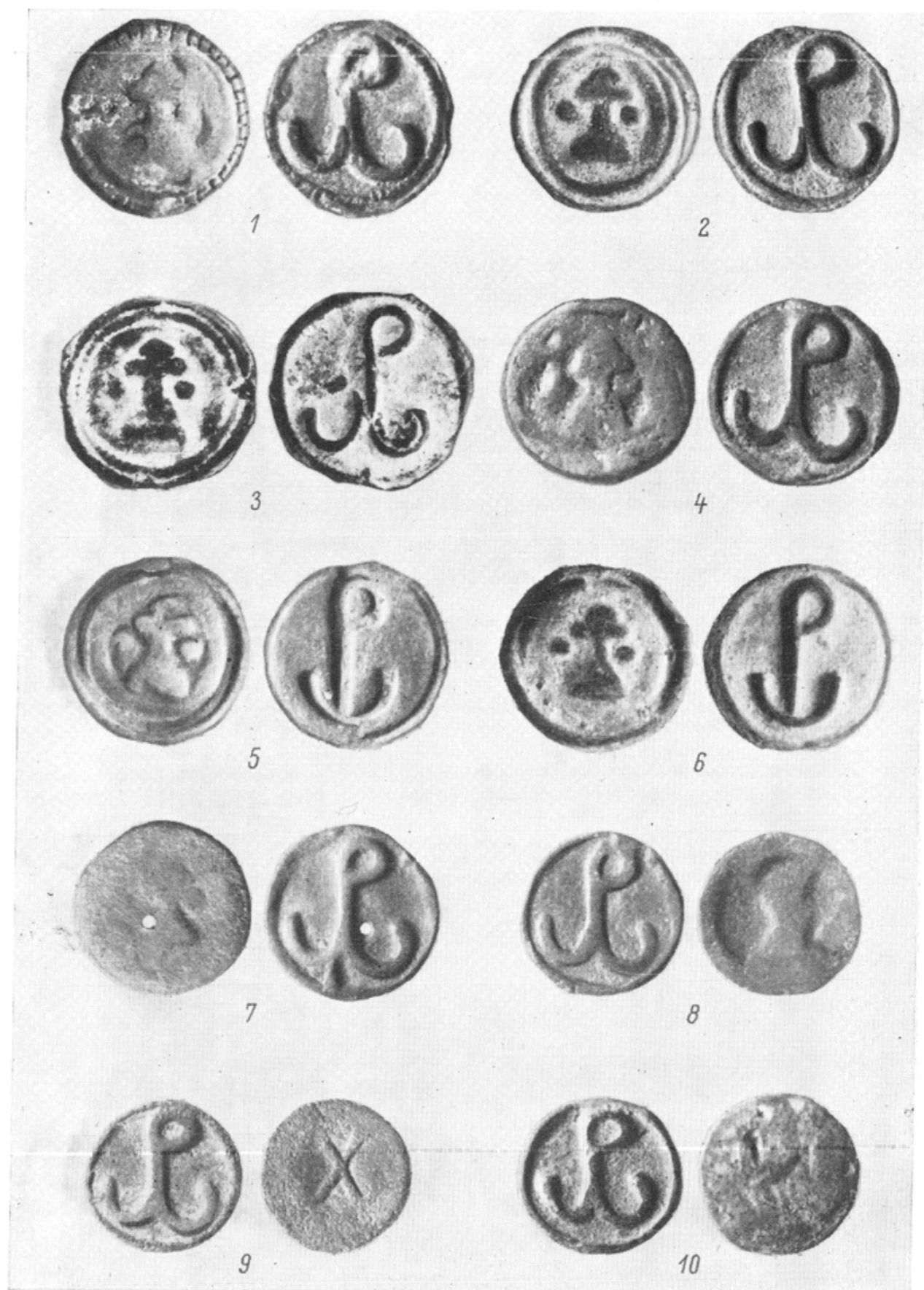

Т а б л и ц а X. Константин VII, Роман I: 1 — V тип, Роман I (инв. № 3989); 2—6 — VI тип, Роман I (ХИАМЗ, инв. № 1780; инв. № 3986, 3965, 3964, 3963); 7, 8 — VII тип, Константин VII (инв. № 3925, 3929); 9, 10 — VIII тип, Константин VII и Роман II (инв. № 3951, 5372)

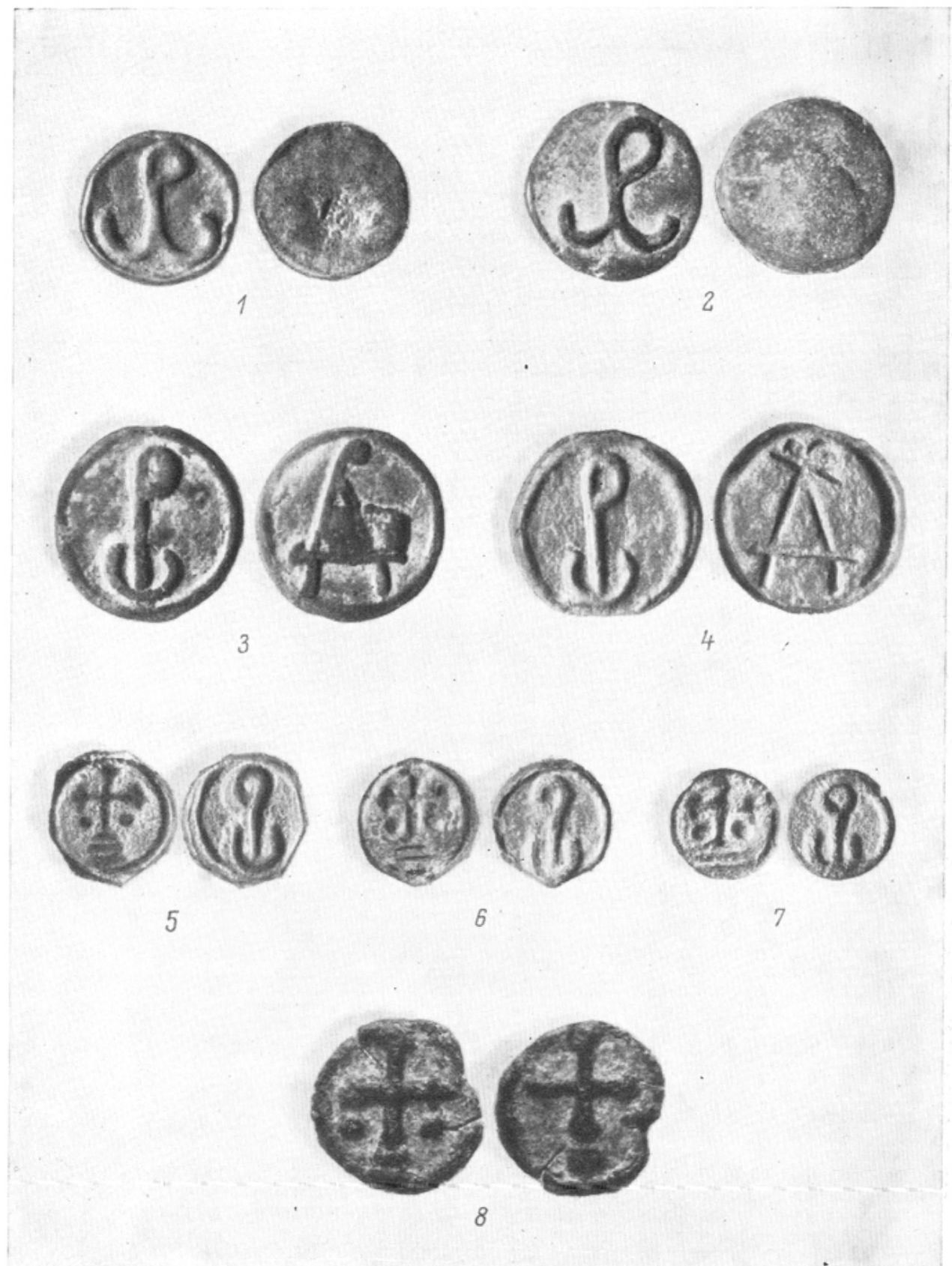

Т а б л и ц а X I. 1, 2 — Роман II и Василий II (инв. № 4001, 4002); 3, 4 — Никифор Фока (инв. № 4033, 4038); 5 — Иоанн Цимисхий (инв. № 4056); 6—9 — Василий II: 6, 7 — I тип (инв. № 4094, 4090); 8, 9 — II тип, Василий II и Константин VIII (инв. № 4102, 4104)

Т а б л и ц а XII. Анонимные выпуски: 1—4 — I тип (инв. № 3843, 3850, 3845, 3852); 5, 6 — II тип (инв. № 3861, 3862); 7, 8 — III тип (инв. № 3872, 3884); 9 — VII тип (инв. № 3874); 10 — IV тип (инв. № 3881)

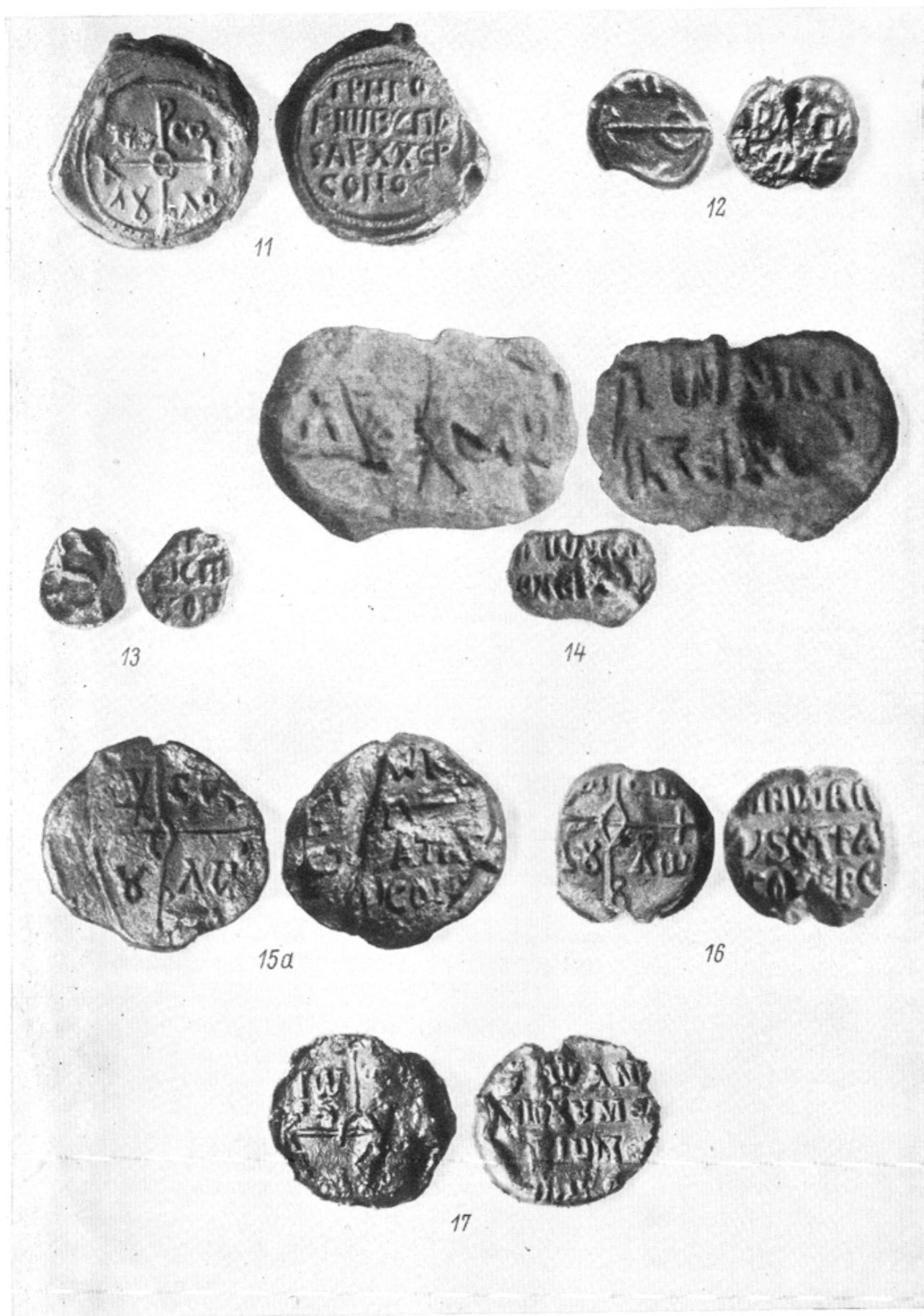

Т а б л и ц а XIII. Анонимные выпуски: 1 — IV тип (инв. № 3876); 2 — VI тип (инв. № 3873), 3, 4 — VIII тип (инв. № 3871, 5055); 5—7 — IX тип (инв. № 3886, 3889, 3890); 8 — X тип (инв. № 4106)

Таблица XIV. Печати Херсона (цифры обозначают номера по каталогу; 4 — в натуральную величину и увеличена, 6 — в натуральную величину и увеличена, 8 — снимок с протирки, 10 — о. с.)

Т а б л и ц а XV. Печати Херсона (14 — увеличена, о. с. в натуральную величину)

19

20

22

23

25

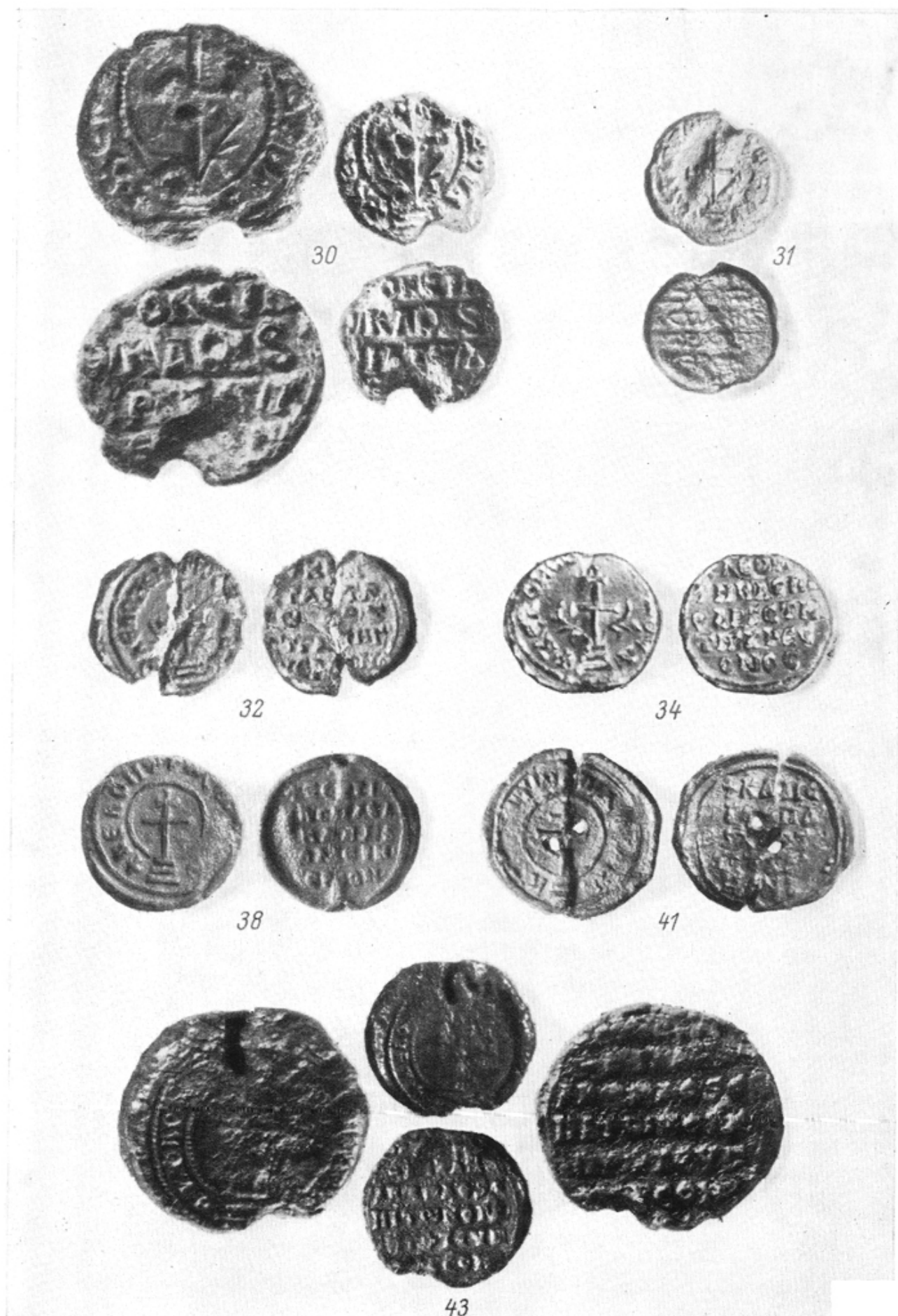

28

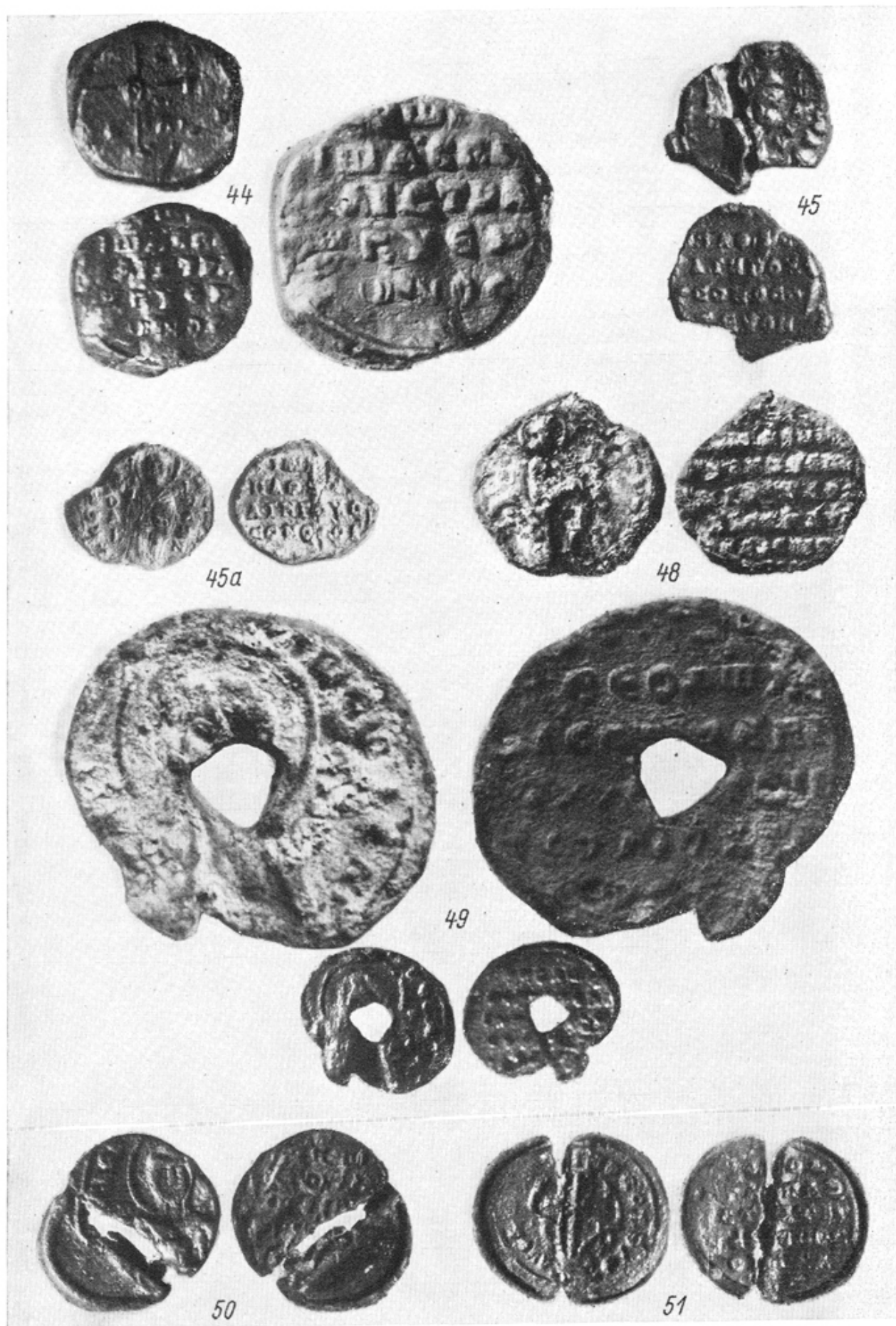
29

Т а б л и ц а XVI. Печати Херсона (19 — в натуральную величину и увеличена)

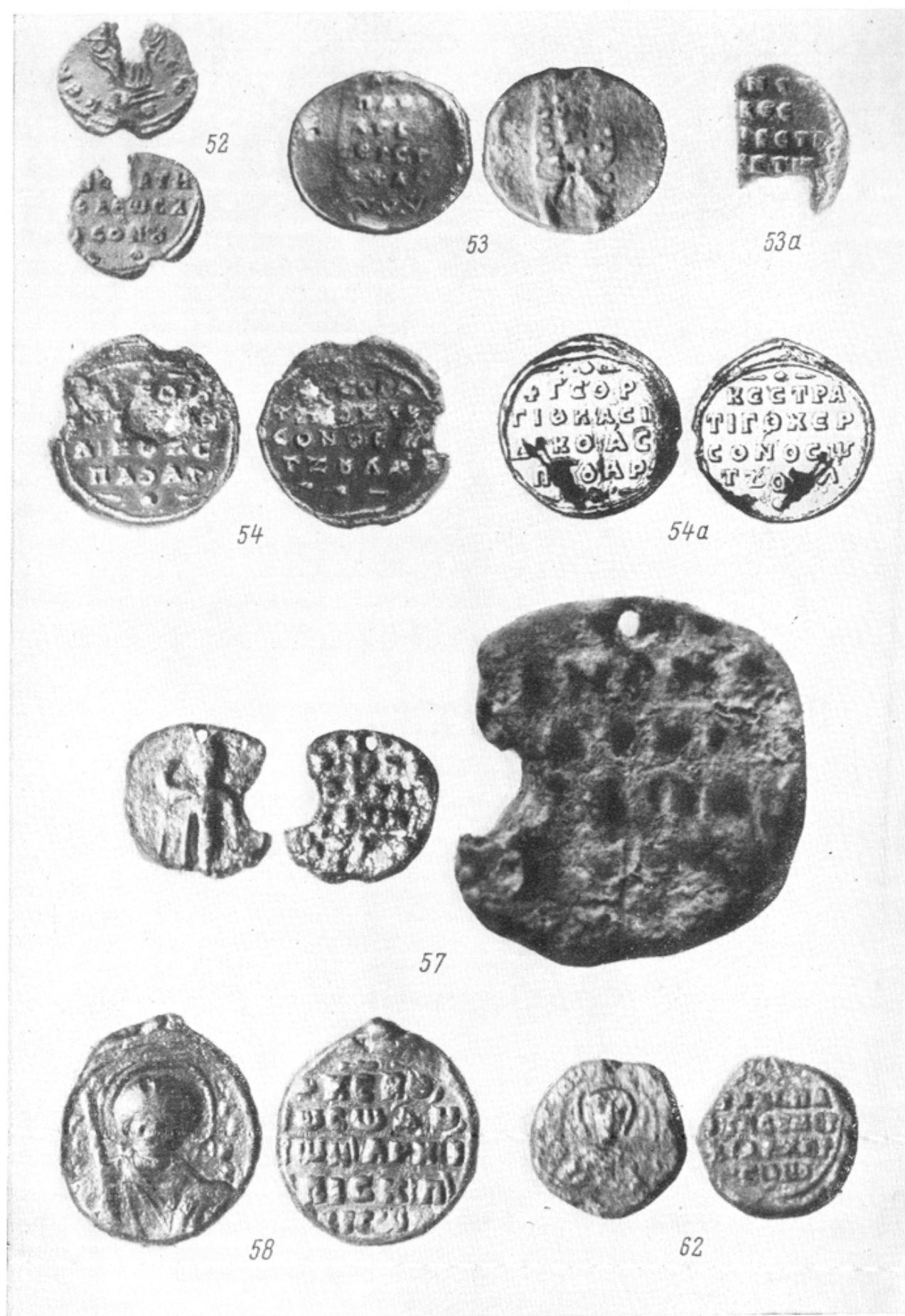

Т а б л и ц а XVII. Печати Херсона (30 — в натуральную величину и увеличена, 43 — в натуральную величину и увеличена)

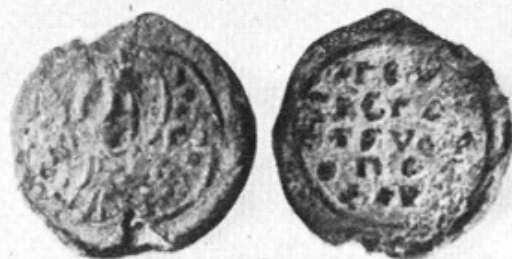
Т а б л и ц а XVIII. Печати Херсона (44 — в натуральную величину и о. с. увеличена; 49 — в натуральную величину и увеличена)

Т а б л и ц а XIX. Печати Херсона (57 — в натуральную величину и о. с. увеличена)

а

б

в

г

Т а б л и ц а XX. Печати представителей рода Цула: а — . . .филакса Цула; б — Георгия, протоспафария Цула; в — Георгия Цула, императорского (прото)спафария и стратига; г — Фотия (?) Цула, спафария